

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА СО РАН
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

МАТЕРИАЛЫ V РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ СИБИРИ В ОБЛАСТИ ГУМАНИТАРНЫХ
И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Новосибирск
2007

ББК 87
УДК 303.01

Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы V региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2007. 264с.

ISBN 978-5-94356-580-9

В сборнике публикуются доклады участников V региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований».

Книга рассчитана на специалистов в области социальных исследований, философии и теоретических проблем права, а также всех интересующихся проблемами и перспективами социальных и гуманитарных исследований.

Труды изданы при финансовой поддержке Совета научной молодежи ННЦ СО РАН.

*Сборник издан по решению
Ученого совета
Института философии и права СО РАН*

*Рецензент
д-р филос. наук, проф В. В. Целищев*

*Ответственные редакторы
канд. филос. наук А. М. Аблажей
канд. филос. наук, доцент Н. В. Головкин*

ISBN 978-5-94356-580-9

© Коллектив авторов, 2007

© ИФПР СО РАН, 2007

© Новосибирский государственный
университет, 2007

Содержание

Пленарные доклады10

Бойко В.А. У Философская рефлексия и понятие *материи* 10

Аблажей А.М. Ученые Сибири о современном состоянии
и перспективах науки в России 16

Головкин Н.В. Эпистемический инструментализм vs
реализм без истины..... 21

Дидикин А.Б. Роль правовых позиций Конституционного суда РФ
в развитии науки конституционного права: концептуальные
подходы 26

Раздел I Социальные исследования.....31

Свидерских М.И. Мастер-класс как одна из форм подготовки
специалистов по социальной работе в кризисных ситуациях ... 31

Маркеева М.Ю. Применение технологии парламентских дебатов
для подготовки студентов политологов 33

Мельникова И.Ю. Социальные исследования как основа
формирования стратегии развития города 39

Зазулина М.Р., Самсонов В.В. Мониторинг социальных
последствий муниципального реформирования сельских
локальных сообществ Новосибирской области 43

<i>Зиннуров Р.Х.</i> «Этническое предпринимательство»: понятийная неопределённость как основная проблема исследования феномена.....	45
<i>Демьяненко М.С.</i> Визуальные материалы – новые аспекты социальных исследований	49
<i>Абрамова М.А.</i> Репрезентация этнической и гражданской идентификации личности в графических образах	51
<i>Мошонкин Г.Б.</i> Молодые специалисты на рынке труда.....	55
<i>Глушкова А.Е.</i> Актуальные проблемы исследования демографии семьи	58
<i>Ерохина Е. А.</i> Социокультурная идентичность России в мнениях и оценках символической элиты национальных республик Южной Сибири	60
Раздел II Философские исследования	65
<i>Философия, логика и методология научного знания.....</i>	<i>65</i>
<i>Нестеров А.Ю.</i> Гуманитарное знание и проблема истины	65
<i>Хлебалин А.В.</i> De dicto модальные структуры математики.....	68
<i>Черезов А.А.</i> Неактуализированные альтернативы и новая интерпретация принципа пессимистической индукции	73
<i>Дидикин А.Б.</i> Современные интерпретации натурализма в эпистемологии права	77
<i>Рузанкина Е.А.</i> Феномен исторического мифа в современной польской теории исторического познания: эпистемологический анализ	83

<i>Колмакова Е.А.</i> Типы (образы) рациональности в некоторых формах общественного сознания	85
<i>Рудакова Ю.С.</i> К вопросу об эволюции понятия «картина мира». 87	
<i>Воробьев Д.Н.</i> К вопросу о генезисе современной науки: становление университетов и новоевропейский тип учености 89	
<i>Безменщиков А.Е.</i> Культура и техника.....	94
<i>Савостьянов А.Н., Балтажи В.П.</i> Влияние глобализационных процессов на состояние научного сообщества в республиках бывшего СССР, странах Восточной Европы и Юго-Восточной Азии	96
<i>Сергеев В.А.</i> Онтология и гносеология неомарксизма	99
 <i>История философии в новом интеллектуальном контексте 103</i>	
<i>Вольф М.Н., Берестов И.В.</i> Предпосылки введения проблемного подхода к истории философии	103
<i>Сысоева А.Е.</i> Культурное пространство как ключевой фактор генезиса греческой и китайской философий.....	105
<i>Зудилин Д.С.</i> Критерий «очевидного» в скептической философии на основании материала Секст Эмпирик «Три книги пирроновых положений»	108
<i>Санжсенаков А.А.</i> Диалог в гомеровском эпосе и его роль в становлении европейской рациональности.....	110
 <i>Социально-философские исследования..... 112</i>	
<i>Вертгейм Ю.Б.</i> Современное общество: сто лет теоретических споров.....	112

<i>Цыганков В. В.</i> Кризисы российского общества с позиций миросистемного анализа	116
<i>Кузнецова Э.С.</i> Проблема определения критериев демократического государства в социально-философском аспекте	118
<i>Лигостаев А.Г.</i> Исследование причин и особенностей формирования демократии	121
<i>Кружкова Л.П.</i> Влияние социальных институтов на формирование конкурентной среды	123
<i>Сапожников Е.И.</i> Общество потребления и его альтернативы....	126
<i>Володин В.Б.</i> Причины нарастания крайне правых тенденций в современной России	128
<i>Терехов О.С.</i> Применение метода теоретической истории в изучении динамики межэтнических конфликтов	131
<i>Гриценко А.А.</i> Концептуальные подходы к определению онтологического статуса феномена безопасности.....	133
<i>Этика, философские вопросы культуры и образования</i>	138
<i>Немцев М.Ю.</i> Минимальная герменевтика.....	138
<i>Сысун Я.С.</i> Роль имени собственного в реконструкции древней картины мира.....	142
<i>Смирнов С.А.</i> Проблема абсолюта в религии и науке	144
<i>Крейдич С.Г.</i> Проблема и коммуникативные лимиты теодицеи в Новое Время	147
<i>Кокорина Н.В.</i> Актуальность исследования явления американской корпоративной культуры	149

<i>Савостьянова Д.А.</i> Проблема легальных аборт в контексте либеральной этической позиции	151
<i>Калмазан А.В.</i> Профессиональное развитие личности человека: философско-методологический аспект.....	153
<i>Захаров П.Я.</i> О некоторых особенностях формирования терпения как свойства человека.....	158
<i>Ляшенко Ю.А.</i> Информация в современном обществе: особенности восприятия	160
<i>Филимонов С.Л.</i> Проблема конца истории в контексте современной культуры	162
<i>Нечаев М.Г.</i> Становление изобразительной деятельности в первобытной эпохе как процесс объективации информации..	166
<i>Жапарова А.К.</i> Гендерная а/симметрия в культуротворчестве	168
<i>Банников Д.В.</i> Аксиологический аспект трансформации музыкальных ценностей современной молодёжи	171
<i>Петров В.В.</i> Экологическая грамотность как элемент культуры образованного человека.....	175
<i>Абдылдаев К.А., Мааткеримов Н.О., Аденова Б.Т.</i> Проектирование уровней содержания нормирования учебного процесса у будущих педагогов	178
<i>Акимова Н.А.</i> Стратегическое планирование как фактор повышения конкурентоспособности муниципального образования.....	182

Раздел III Теоретические проблемы права185

<i>Павлышин О.В.</i> К вопросу о сущности права.....	185
--	-----

<i>Беляев М.А.</i> Смысл права и метафизика	187
<i>Поваляев В.А.</i> К вопросу об актуальности философии права в системе юридического знания	189
<i>Погребняк С.П.</i> Принцип верховенства права: теоретическая характеристика.....	192
<i>Землянинова Е.А.</i> Глобальное измерение социальной жизни и интегративная роль права	194
<i>Никитченко Е.Э.</i> Секуляризация и право.....	200
<i>Ельцова Т.С.</i> О противоречиях между нормативным актом и его судебным толкованием	203
<i>Махнева А.В.</i> Предмет и объект юридической науки	205
<i>Гудыма Д.А.</i> К вопросу о социально-антропологическом подходе к исследованиям прав человека.....	208
<i>Фокина Н.В.</i> Итоги и перспективы развития современного российского избирательного законодательства.....	211
<i>Катернюк З.В.</i> Развитие межгосударственного сотрудничества в области прав человека	215
<i>Синяков Д.К.</i> Современный позитивизм и естественное право: сближение и синтез подходов.....	218
<i>Серегина Т.А., Мурзин Р.Л.</i> К вопросу о понятии реального ущерба как элемента убытков	221
<i>Дьячкова О.Н.</i> Народная правотворческая инициатива как фактор правотворчества	223
<i>Киселева Н.В.</i> К вопросу о специфике предоставления публичных услуг в сфере природопользования.....	225

<i>Чукин В.В.</i> Проблемы правового регулирования борьбы с коррупцией: несовершенство российского законодательства.	228
<i>Мишина Н.В.</i> Проблемы юридической техники железнодорожного законодательства.....	231
<i>Дорожкина Э.И.</i> Проблемы, существующие в системе наказаний российского уголовного права на современном этапе.....	233
<i>Рыжанкова А.Е.</i> Разъяснения Минфина: возможность реализации финансового рескрипта России?	238
<i>Серкова Е.Ю.</i> Защита права на свободу и личную неприкосновенность человека в деятельности судов общей юрисдикции	241
<i>Удалкин В.А.</i> Граффити: порча имущества или объект авторского права?	245
<i>Денко Д.А.</i> История использования термина «корпорация» в современных отечественных нормативно-правовых актах	248
<i>Дидикина Ю.Б.</i> Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом: понятие и специфика	251
<i>Максимова Е.Е.</i> Право как феномен культуры	254
<i>Кириченко К.А.</i> Родство как препятствие к браку: юридический анализ понятия	256
<i>Рафиева Л.Р.</i> Свобода совести в Хакасии: судебная практика	260
<i>Дамдынчап В.М.</i> Мировоззренческие основы наказания в обычном праве тувинцев	262

Пленарные доклады

ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ И ПОНЯТИЕ МАТЕРИИ

В. А. Бойко

Институт философии и права СО РАН

Для индивида, неискушенного практикой философствования, противопоставление физического объекта и мыслящего субъекта представляется интуитивно самоочевидным: объективная реальность качественно отличается от реальности ее осознания. Однако, ориентируясь на понимание философии как мышления о мышлении, независимую от сознания, т.е. объективную, реальность приходится «вынести за скобки» философского познания. Философ имеет дело исключительно с реальностью мышления, стремится разобраться с основаниями, условиями возможности *реальности* мысли. Он всецело погружен в рефлексию. В свете философского познания мышление изначально предстает замкнутой на себя реальностью, однако притязания мысли на самодостаточность и автономию нуждаются в критической проверке. Ведь философия рождается на стыке максимальной очевидности и настоящей потребности подтверждения этой очевидности.

Обращая внимание исключительно на процесс мышления, мы обнаруживаем в объекте и субъекте зависимые друг от друга концепты, производные от некоего предшествующего данному разделению состояния реальности мысли. Мысль предстает реальностью, с одной стороны, раскалывающейся на познаваемый объект и познающего субъекта, а, с другой стороны, преодолевающей этот распад серией актов философской рефлексии. Факт существования субъект-объектных отношений играет столь фундаментальную роль в становлении понятийного мышления, что мышление, где это разделение еще не актуализировано, затемняется и в определенном смысле даже отменяется. Отсюда возникает задача – восстановить основания мышления во всей их полноте и приблизиться к пониманию особенностей процесса разворачивания мыслительной активности, который порой не находит однозначного выражения в фиксируемых «ясно и отчетливо» результатах.

Спор между сторонниками «объективизма», усматривающими в объективном мире исток всякой субъективной деятельности, и сторонниками «субъективизма», полагающими деятельность субъекта причиной возникновения и дальнейшего существования мира объектов, представляет собой испытание философского мышления на прочность и чистоту. Начинаясь как спор философский, ведущий оппонентов за пределы осмысления мира человеческих ощущений, он либо запускает в действие процесс гипостазирования

понятий, либо подводит к необходимости отыскать трансцендентную субъект-объектным отношениям составляющую мышления.

Гипостазирование, т.е. превращение абстрактного понятия в реально существующий предмет, уничтожает еще только зарождающееся философствование: реальность мысли подменяется реальностью языка (пусть даже мета-языка), происходит своеобразная мифологизация созданных ранее концептов. Одной из форм гипостазирования является материализм, поставивший знак равенства между «реальностью» и «объективностью». Утверждая принцип принципиальной познаваемости объективного мира, материалисты выстраивают мир объектов посредством гипостазирования понятие «материя». Ведь «материя» - это одно из наименований первопричины сущего, данные о которой не предоставляют в наше распоряжение органы чувств. Материалист «дал высшему принципу реальности другое имя и поверил в то, что тем самым создал нечто новое и разрушил нечто старое. Но как ни называть принцип бытия – богом, материей, энергией или как-нибудь еще – от этого ничего не возникает, а только меняется символ. Материалист – это метафизик *malgre lui* (поневоле, вопреки собственному желанию (фр.) – В.Б.)» [11; с. 94].

Рассмотрим справедливость этого утверждения на материале философии Нового времени, начиная с взглядов Ф.Бэкона. В «первичной материи» Бэкон видит причину причин, древнейшую из всего сущего после Бога. Ее существование не обусловлено какой-либо естественной причиной, «она является чем-то данным и необъяснимым и должна быть взята так, как мы ее находим» [4; с. 304]. Материя – это предел познания природы и попытки «заскоков ума за пределы природы» есть искажение философского знания. Бэкон считает, что в процессе познания «вся польза и практическая действенность заключается в средних аксиомах», и предостерегает любителей абстракций, доходящих до идеи потенциальной, бесформенной материи, о бессмысленности их усилий [2; с. 32]. Примером излишней увлеченности процессом абстрагирования может служить аристотелевская концепция материи, где она, согласно Бэкону, уподобляется публичной женщине, а формы – ее клиентам [3; с. 181]. Аристотель (и Платон) покинули почву опыта и их мнения, как мнения тех, кто желает много говорить и мало знать, следует отвергнуть целиком. Аристотелевская «абстрактная материя, - пишет Бэкон, - есть материя дискуссий, а не материя Вселенной» [4; с. 310]. Принятие в качестве первоначала абстрактной материи противоречит разуму, есть «совершеннейшая фикция человеческого ума». Ведь нелепо выводить реальные сущности из воображаемых абстракций; «первосущее должно существовать не менее реально, чем то, что из него возникает, а в известном смысле даже более реально» в силу того, что «первосущее существует самостоятельно, между тем как остальное существует благодаря ему» [4; с. 308, 309].

Впрочем, вопрос о существовании первой материи признается Бэконом достаточно темным: он пытается, аллегорически трактуя античные мифы, прояснить его и указывает, что «из всех возможных доказательств в отношении первой материи мы придерживаемся того, которое нам представляется

наиболее согласным со смыслом мифа» о Купидоне [4; с. 307]. Миф наделяет Купидона личностью, демонстрируя наличие у первой материи некоторой формы, но «этот же миф говорит о том, что материя как целое, или масса материи, была некогда бесформенной, ибо Хаос лишен формы, тогда как Купидон – определенное лицо» [4; с. 311]. Образ бесформенной материи согласуется и со Священным писанием: Творец создает мир из «нерасчлененной массы неба и земли, материи» [3; с. 117]. Но в опытном знании мы не сталкиваемся с такого рода материей и поэтому Бэкон, с интересом разбирая споры античные мудрецов о материальном первоначале, симпатизирует тем из них, кто определял первую материю «как активную, как имеющую некоторую форму, как наделяющую этой формой образованные из нее предметы и как заключающую в себе принцип движения». Более всего он ценит позицию Демокрита и его последователей, «мнение тех, кто принимает за начало одну твердую и неизменную субстанцию и производит разнообразие существующих вещей из различия величин, конфигураций и положений этого начала». Первую материю, утверждает Бэкон «следует вообще рассматривать как неразрывно связанную с первой формой и с первым началом движения... эти три стороны ни в коем случае не могут быть отделены друг от друга, а лишь различены, и мы должны представлять себе материю (какой бы она ни была) столь упорядоченной, подготовленной и оформленной, чтобы всякая сила, сущность, всякое действие и естественное движение могли бы быть ее следствием и эманацией» [4; с. 310, 311].

Декарт, противопоставляя свой способ рассуждения прежней философии, не озабочен поиском адекватных трактовок материи в античном наследии. Внутренний опыт, полагает Декарт, убеждает нас, что есть вещь - отличная как от Бога, так и от нашего мышления, – которая определяет последовательность наших ощущений. Благодаря чувствам мы воспринимаем материю – совершенно плотное тело, в равной мере заполняющее всю длину, ширину и глубину пространства, бесконечно делимое и подвижное во всех своих частях. Все трудности понимания первой материи, убежден Декарт, связаны лишь с тем, что протяженность материи рассматривалась как ее акциденция, тогда как следует видеть в протяженности «истинную форму и сущность» материи. Все тела во Вселенной состоят из одной и той же материи, сотворенной Богом. Изначально части материи наделены движением, поэтому вопрос о состоянии первой материи не имеет принципиального значения: это мог быть и хаос, ведь впоследствии расположение частей материи с необходимостью меняется. Материя есть неопределенная субстанция всех вещей, но эта неопределенность не скрывает ее от умного взора. Декарт часто использует понятия «материя» и «природа» как синонимы, полагая материю простой и легкой для понимания идей: «Идея материи содержится во всем том, что может представить наше воображение, и вы должны ее обязательно усвоить, если хотите вообще что-нибудь представить» [7; с. 198].

В дальнейшем развитии философской мысли Нового времени набирает силу номиналистический подход в отношении материи как всеобщей основы

вещей. Для Гоббса «первая материя» не есть самостоятельная вещь, конкретное тело. Это всего лишь имя, имеющее полезное употребление, а именно позволяющее обозначить представление о теле вообще, т.е. «тело, каким оно представляется нам, когда и поскольку мы абстрагируемся от его формы и акциденций, за исключением количества» [6; с. 158]. Когда Локк обращается к теме отрицательного воздействия на наши размышления процесса гипостазирования понятий, он первым делом указывает на запутанные споры о материи. Эти споры вызваны тем, что объем понятий «материя» и «тело» различен. «Тело» обозначает плотную, протяженную, обладающую формой субстанцию; «материя» - часть понятия субстанции, обозначает идею плотной субстанции (исключая протяженность и форму тела), которая везде однообразна. Но в действительности плотность не может существовать без протяженности и формы! Поэтому нелепо принимать слово «материя» как имя чего-то реально существующего в природе. [8; т. 1; с. 556-557]. Однако, «наше родовое или видовое понятие о материи заставляет нас говорить о ней как об одной вещи» [8; т. 2; с. 102-103]. Локк вполне корректно пишет об «определенной системе надлежащим образом оформленной материи»; но нередко обсуждает материю как нечто целостное, явленное нам в виде разнообразно меняющейся «массы материи», движущихся и воздействующих на наши чувства частицах материи, обсуждает вопрос о возможности возникновения материи из ничего, ее способности к мышлению и т.д. Конечно, он отдает себе отчет в том, что «на деле вся материя не есть одна индивидуальная вещь»; когда речь идет о материи как «плотной субстанции», по Локку, подразумевается лишь наличествующая в душе идея вместилища многочисленных чувственных качеств, интуицией которой обладает философ. Да и вообще, слова должны приниматься «за то, что они есть, только за знаки наших идей, а не за самые вещи» [8; т. 1; с. 557]. Философ должен более всего доверять своим интуициям, которые не позволяют свести его познавательную активность исключительно к познанию тел; «только вследствие недостатка рефлексии, - пишет Локк, - мы склонны думать, что наши чувства показывают нам только материальные вещи. При надлежащем рассмотрении каждый акт ощущения бросает одинаковый свет на обе области природы: телесную и духовную» [8; т. 1; с. 356].

Многие философы Нового времени декларировали стремление избавиться от двусмысленностей в употреблении слова «материя», но на практике они разворачивали устоявшиеся метафоры. Так, Гельвеций в трактате «Об уме» указывал, что «сами люди, если можно так выразиться, создали материю», т.к. «материя не есть какое-то существо... под словом *материя* следует понимать лишь совокупность свойств, присущим всем телам» [5; с. 171]. Но при этом он считает допустимым рассматривать материю как начало начал, предшествующее существованию индивидов-тел. Бог, по Гельвецию, вкладывает в материю принцип развития: «Он сказал материи: “Я наделяю тебя силой”. Тотчас же элементы, блуждавшие и беспорядочно перемешанные в пустынях пространства, подчиняясь законам движения, образовали тысячи

чудовищных соединений, дали множество различных хаосов, пока не были достигнуты равновесие и физический порядок, в котором, по нашему предположению, находится теперь природа» [5; с. 376]. Судя по контексту, в приведенном фрагменте речь идет о материи как метафоре, но граница между строгим и метафорическим использованием слова «материя» часто размыта и не воспринимается как нечто принципиально важное для философского познания. В качестве примера укажем на энциклопедиста д'Аламбера, без каких-либо оговорок принимающего следующее определение: «Материя – субстанция протяженная, твердая, делимая, движущаяся и движимая, первопричина всех естественных вещей, которая посредством различных размещений и сочетаний образует все тела» [10; с. 336].

Дабы избавиться раз и навсегда от многочисленных затруднений, связанных с трактовкой материи в философских и теологических дискуссиях, Беркли призывает изгнать материю из природы. Понятие «материи» есть предрассудок, существующий «вопреки всей очевидности разума» и причинивший величайший ущерб роду человеческому. Мнение о существовании материи Беркли считает нелепостью, а понятие «материи» – внутренне противоречивым. Допущение существования материи не дает нам никакого позитивного знания. Для Беркли «бытия духа, бесконечно мудрого, благого и всемогущего, с избытком достаточно для объяснения всех явлений природы», а «что касается *косной, неоощущающей материи*, то ничто воспринимаемое мной не имеет к ней ни малейшего отношения и не направляет к ней моих мыслей» [1; с. 204]. Не имеет смысла даже сохранять в лексиконе слово «материя» в силу его неопределенности и бессмысленности. Материя – этот «призрак пустого имени» – нужна лишь атеистам для обоснования «своего безбожия», да любителям философского пустословия.

Гораздо более тонкий анализ понятия «материя» содержится в «Критике чистого разума» Канта. Здесь по сторонникам отождествления материализма и философского знания удары начинает наносить тяжелая артиллерия. Мысля философски, т.е. имея дело исключительно с самосознанием, мир объектов мы воспринимаем как совокупность явлений. Вещи непосредственно не воспринимаются нами как существующие сами по себе, но такая возможность существует. Рассуждая, мы допускаем, что причиной наших восприятий вещей является некая внешняя сила, но отношение восприятия к причине всегда проблематично: одно и то же действие может быть вызвано разными причинами. По Канту, исключительно благодаря понятию «материя», означающему «непроницаемую безжизненную протяженность», мы получаем в опыте объект внешнего чувства [9; с. 494]. Если мы считаем, что протяжение является свойством, которым вещь наделена вне нашей чувственности, то мы гипостазлируем содержание мышления. Материя, утверждает Кант, – это не особая субстанция, а «некоторый способ представления о неизвестном предмете через то созерцание, которое называется внешним чувством. Вне нас, конечно, может существовать нечто такое, чему соответствует это явление, называемое нами материей; однако в том же качестве, что и явление, оно на-

ходится не вне нас, а исключительно в нас, как наша мысль, хотя эта мысль посредством указанного чувства представляет его находящемся вне нас». Соответственно, представления о неоднородных внешних предметах, связываемых в единое целое посредством использования понятия материи, «принадлежат только мыслящему субъекту, точно так же как и все остальные мысли» [9; с. 535].

Когда дело касается материи, то согласно кантовскому разграничению двух способов применения разума, речь идет об эмпирическом (механическом) познании: от понятия мы переходим к эмпирическому созерцанию с целью *in concreto* узреть то, что *a posteriori* присуще тому или иному явлению. Благодаря «материи» мы начинаем мыслить содержательную сторону явления, а именно нечто находящееся в пространстве и времени, неопределенный субстрат всякого явления, данного нам внешним чувством. Дальнейшее определение содержания явления дается только *a posteriori*. Понятие материи не подразумевает ни чистого, ни эмпирического созерцания. Оно обозначает лишь синтез возможных эмпирических созерцаний, основанный на единстве апперцепции. Причем этот синтез не позволит нам получить необходимые и аподиктические положения [см.: 9; с. 427-429]. Применяя разум согласно понятиям, мы подводим явления по их «реальному содержанию» под понятия, эмпирически определяем явления, но удаляемся от подлинно философского, априорного, созерцания и познания. Таким образом, материя в понимании Канта «не есть предмет для чистого рассудка; трансцендентальный же объект, лежащий, быть может, в основе того явления, которое мы называем материей, есть лишь нечто, чего мы не могли бы понять, если бы даже кто-нибудь мог сказать, что оно такое: слова понятны нам лишь в том случае, если им соответствует что-то в созерцании» [9; с. 205-206]. И в приведенном выше высказывании К.-Г. Юнга фактически воспроизведена оценка философского значения материализма, данная кенигсбергским мыслителем.

Бесспорно, материализм состоялся как мировоззрение, опирающееся на достижения классического естествознания. Если видеть в философии совокупность способов обоснования методологии научного познания, то можно приветствовать появление и развитие современных версий материализма. Но, ставя во главу угла процесс философской рефлексии, мы испытываем серьезные сомнения относительно уместности использования слова «материя» в качестве базового философского термина. Поддерживая притязания философского знания на автономность и нормативность, мы вынуждены настаивать на инструментальном, а не фундаментальном, характере идеи материального мира и, соответственно, понятия *материи*. Кроме того, вызывает отторжение тот факт, что укоренившиеся в культуре метафоры материи способствуют втягиванию нас в омут дидактики и порождению иллюзий устойчивости мирового целого.

1. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Беркли Дж. Соч. М.: Мысль, 1978.
2. Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1978. Т.2.
3. Бэкон Ф. О достоинстве и преумножении наук // Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1977. Т.1.
4. Бэкон Ф. О началах и истоках... // Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1978. Т.2.
5. Гельвеций. Об уме // Гельвеций. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1974. Т. 1.
6. Гоббс Т. О теле // Гоббс Т. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т.1.
7. Декарт Р. Мир, или трактат о свете // Декарт Р. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т.1.
8. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч.: В 3 т. М.: Мысль, 1985. Т.1-2.
9. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.
10. Философия в “Энциклопедии” Дидро и д’Аламбера. М.: Наука, 1994.
11. Юнг К.-Г. Психологический комментарий к «Тибетский книге Великого освобождения» // Юнг К.Г. О психологии восточных религий и философии. М.: Медиум, 1994.

УЧЕНЫЕ СИБИРИ О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ НАУКИ В РОССИИ

(на материалах Кемеровского научного центра) *

А. М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН

Вопрос о взаимоотношениях науки и общества – один из фундаментальных для социологии науки. И он приобретает особую остроту в условиях нестабильного общества, в периоды резкой смены мировоззренческих идеалов и ценностных ориентаций. Дополнительным, но последним по важности фактором является и усиление роли науки в качестве базы для генезиса современного общества – общества, основанного на знаниях. Исходя из этого становится понятной тот широкий интерес и повышенное внимание к проблемам науки, который проявляется в последние годы на самых разных уровнях, в том числе с участием президента страны. Для меня очевидно, что анализ современного положения науки, закономерности и формы трансформации ценностных ориентаций (если она действительно имеет место) членов науч-

* Статья подготовлена при реализации проекта, поддержанного РГНФ (грант № 06-03-00571а «Камень – ножницы – бумага». Антагонизм институциональных, политических и внутрисоциальных факторов развития российской академической науки»)

ного сообщества, перспектив развития российской науки следует проводить, принимая во внимание ведомственную и региональную принадлежность учебного. В данной работе в качестве эмпирической базы использованы материалы массового социологического опроса научных сотрудников (в т.ч. работающих в вузах) Кемеровского научного центра СО РАН, проведенного автором в 2003 г. (наряду с аналогичными исследованиями в Омске, Томске и Красноярске). Всего было опрошено 43 человека, средний возраст респондентов составил 46,5 лет, что в целом коррелирует с общероссийскими данными. [1] Самая многочисленная категория опрошенных - старшие научные сотрудники; удельный вес мужчин превышает число женщин-ученых: 81,4 против 18,6%.

При характеристике состояния российской науки, как оно виделось опрошенным на момент проведения опроса, обращает на себя внимание сдержанность в оценке ситуации. Несмотря на то, что критическим его назвали более 11%, большинство все-таки выбрали более нейтральные варианты: «нормальным» (оценка, понятно, скорее нейтральная, отражающая переходный период в социальном положении науки) его посчитали 4,7% участников опроса, а более 32% отдали предпочтение ответу «состояние нестабильное»). Сдержанный оптимизм характерен более чем для 37% участников опроса, которые остановились на варианте «состояние тяжелое, но с положительными тенденциями». В целом подобные оценки являлись типичными для рассматриваемого периода и фиксировались также и другими исследователями: налицо преобладание умеренно-пессимистических настроений. Среди негативных тенденций, наиболее типичных для кузбасских ученых в то время, чаще всего назывались падение престижа науки, материальная необеспеченность ученых и отсутствие необходимых условий для проведения исследований (устаревшая приборная база, недостаток средств, дефицит вспомогательного персонала и т.д.). В то же время психологическое состояние научных сотрудников было благоприятным: большинство ученых Кемерово не согласились с утверждением о существенном ослаблении как отдельных научных учреждений, так и науки в городе в целом. [2]

Любопытные данные были получены при изучении мнения членов региональных научных сообществ о произошедших изменениях в структуре научных исследований. Более трети из них уверены в ослаблении и фундаментальных, и прикладных исследований, однако 18% отметили, что усиливаются прикладные исследования, а еще 14% согласны с тем, что аналогичные тенденции характерны и для фундаментальных исследований. Не исключено, что подобная оценка сильно коррелирует с местом работы респондента, в частности, зависит от того, в сильной или слабой лаборатории (секторе), шире, отделе проводит респондент свои исследования.

Большой интерес представляла оценка респондентами того комплекса мер по реорганизации науки и научных исследований, которые были проведены на начале 2000-х гг. Что касается повышения самостоятельности региональных отделений и центров, то радикальные оценки как в ту, так и в другую

сторону от центра, характерны для меньшинства опрошенных: удавшейся «полностью» данную меру посчитали чуть более 14% кемеровских исследователей; лишь около 5% выбрали вариант ответа «полностью не удалось». Соответственно, большинство респондентов остановились на достаточно нейтральных и сдержанных вариантах ответа: эта мера «частично» удалась – 43% ответивших, затруднились с ответом 38%. Подобные результаты позволяют утверждать, что для основной массы научных сотрудников такая мера, как повышение самостоятельности региональных центров, оказалась неактуальной. Напротив, такая мера как введение выборности директоров институтов, оказалась более понятной и ее эффект оценили гораздо более позитивно – более 50% ученых ответили, что ее удалось осуществить в полной мере, тогда как лишь 7% сочли ее «неудавшейся».

Неоднозначно оценили кемеровские коллеги последствия создания российских научных фондов, нововведения, которое Б. Салтыков, министр науки в первом реформаторском правительстве, считает одним из наиболее значимых шагов в реформировании науки в России. Лишь чуть более 2% (!) ответивших посчитали, что эффект от их создания полностью совпадает с первоначальным замыслом. (Отметим, что это – наименьшая доля среди всех научных центров Сибири). Еще 39% выбрали вариант «удалось частично»; 12% - «полностью не удалось». Наконец, почти 46% не смогли дать никакого определенного ответа. В качестве гипотезы можно предложить следующий вариант объяснения: ученые КемНЦ СО РАН, в массе своей сориентированные на выполнение заказов угольной отрасли Кузбасса, просто слабо знакомы с альтернативным вариантом финансирования текущих исследований – через РФФИ и другие фонды.

Тем не менее, поскольку внедрение конкурсной системы финансирования научных исследований (прежде всего через фонды) является одним из важнейших элементов реформирования российской науки, изучению мнения ученых о преимуществах и недостатках подобной системы было уделено повышенное внимание. Большинство принявших участие в нашем опросе кемеровских ученых оценили грантовую схему финансирования сдержанно-негативно. Лишь чуть более 9% согласились с тем, что такая система «отвечает долговременным интересам нашей науки, тогда как точку зрения о том, что это лишь способ обеспечения «ситуативного выживания науки», поддерживали уже около 56% респондентов. Возможно, что ситуация, когда часть средств на науку поступает не от научных фондов (т.е. главным образом на *фундаментальные исследования*), а от конкретных заказчиков (и эти средства, что понятно, предназначены для финансирования *прикладных разработок*), отражает в целом специфику Кем НЦ СО РАН, работающего в интересах крупнейшего заказчика региона. Подобный вывод подтверждают и результаты ответа на вопрос об источниках финансирования подразделения, где работает респондент: 43% на первое место поставили государственный бюджет (очевидно, что речь в данном случае шла о государственном бюджете вообще, без разделения на федеральное и региональное финансирования),

32% отдали пальму первенства договорным темам (хозяйственные договора и пр.). Такую линию поведения оптимальной считает и руководство: тогдашний заместитель директора Института угля и углехимии СО РАН, ныне занимающий пост директора, признался, что одним из главнейших критериев эффективности *научной* работы сотрудников института для него является количество и финансовое наполнение хоздоговоров. [3]

Относительно успешно, по мнению ученых, развивается процесс интеграции науки и высшей школы. Участники обследования высоко оценили усилия ведущих вузов города (Кемерово) по подготовке кадров для академической и вузовской науки: более 75% респондентов признали их роль как «заметную» или даже «определяющую».

С целью оценки уровня проводимых исследований мы просили ученых охарактеризовать качество научных результатов, полученных их лабораторией или сектором, сравнив его, в том числе, и с мировым уровнем. В целом полученные результаты позволяют утверждать, что при выставлении подобной самооценки респонденты из Кем НЦ оказались скромнее своих коллег из других научных центров СО РАН: лишь 28% из них были уверены в том, что полученные в их подразделениях фундаментальные результаты соответствуют мировому уровню (и это самый низкий показатель среди всех центров); 37% выбрали более нейтральный вариант – «такого уровня результаты находятся в стадии разработки». И, напротив, тональность ответов существенно изменилась, когда зашла об оценке конкурентоспособных, но пока не востребованных потребителем (государством или конкретным заказчиком) прикладных разработках. Так, 44% (а *это уже самый высокий* уровень среди всех научных центров СО РАН) ответивших уверены, что такого рода разработки есть, а еще 37% высказали убеждение, что подобные разработки находятся в стадии активных исследований. Все это лишний раз убеждает нас в том, что региональная специфика Кем НЦ существенным образом влияет на характер и уровень проводимых исследований: налицо их ярко выраженный прикладной характер. Еще один штрих: лишь 7% респондентов указали в качестве причины отсутствия конкурентоспособных прикладных разработок то, что их подразделение занято исключительно фундаментальными исследованиями.

Одной из наиболее обсуждаемых проблем мировой, да, в существенной мере, и российской науки, стал в последние годы вопрос об интенсивности и направленности мобильности ученых. В этой связи мы задали респондентам вопрос о том, согласились бы они уехать за рубеж для научной работы в случае предоставления такой возможности. Более 37% (и это вновь – *самая большая* доля среди всех научных центров СО РАН) высказала убеждение в том, что не согласились бы на это ни при каких условиях. Но в то же время неожиданно высоким (вновь *самая большая* доля среди всех центров) оказался удельный вес желающих уехать навсегда – более 16% (по другим центрам в среднем лишь около 5%). Возможное объяснение здесь может быть таким: среди респондентов из числа кемеровских ученых оказалось самое большое

по сравнению с другими центрами, число мужчин, которые в большей степени склонны к резким переменам в жизни и карьере. Напротив, женщины менее склонны к перемене мест.

Для оценки представлений ученых о перспективах развития научной сферы в таком крупнейшем промышленном регионе как Кемеровская область, мы просили респондентов ответить на вопрос о том, каким они видят будущее того института, где ведут исследования. В целом оценки оказались ожидаемо положительными. Только 2,5% считают, что кризис в институте «нарастает», еще 5% - что «нарастают разрушительные тенденции в целом». Напротив, около 25% выразили уверенность, что институт сумел сохранить потенциал в тяжелейших условиях кризиса науки в 90-х гг.; еще 35% (и вновь это самая большая доля среди всех центров академической науки в Сибири) согласились с тем, что кризис прошел и налицо процесс развития. С нашей точки зрения, подобные результаты лишний раз подтверждают высказанную ранее мысль о сильном влиянии на положение науки в Кемерово специфики региона. Такого рода влияние выражается как в ощутимо большей, по сравнению с другими регионами и центрами, доле хозяйственных работ, прежде всего в силу того факта, что в области имеется платежеспособный заказчик в лице угольной отрасли. Значимым является и тот обстоятельство, что существенную помощь академическим научным учреждениям (помощь в строительстве, в том числе и жилья для ученых, наличие региональных грантов, конкурсов, стипендий и т.д.) оказывает как городская, так и (в первую очередь) областная администрации. Нельзя не отметить, что подобное положение заметно влияет на характер взаимоотношений внутри научного сообщества, когда одним из важнейших показателей эффективности труда как отдельного научного сотрудника, так и подразделения, служит характер и финансовая отдача деловых связей, налаженных с потенциальным или реальным заказчиком.

Примечания

1. На момент проведения опроса академическая наука в Кемерово была представлена Институтом угля и углехимии СО РАН, а также Отделом иммунологии рака, являвшимся на тот момент подразделением Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (ныне преобразован в Институт экологии человека СО РАН).

2. Подобный вывод находится в явном противоречии с результатами и выводами Е.З. Мирской, касавшихся, правда, научных сотрудников ряда московских институтов: *Мирская Е.З.* Профессиональное самочувствие российских академических ученых // Вестник РГНФ, 2003, №1. – С. 211 – 218

3. Интервью взято автором настоящей статьи весной 2001 г.

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАЛИЗМ VS РЕАЛИЗМ БЕЗ ИСТИНЫ

Н. В. Головко

Институт философии и права СО РАН

Проблема столкновения реализма и инструментализма, как правило, решается в пользу одной из концепций или платформ интерпретации научного знания путем анализа «опровергающей аргументации» или анализа наиболее «ярких» случаев, когда концепция «не работает». Тем не менее, на наш взгляд, можно указать ситуацию, когда инструменталистское понимание научной теории и реалистское понимание онтологических допущений теории будут, в определенном смысле, близки: в контексте иронической науки аргументация в пользу принятия реализма «без истины» и эпистемического инструментализма совпадает.

Теоретически однозначная теория Понятие «теоретически однозначной теории» является одним из наиболее ярких понятий, отражающих иронический характер наиболее фундаментальной части естествознания, той, для которой, как верификация, так и фальсификация научной теории, связанные с процедурой прямой эмпирической проверки, «затруднены». Суть феномена теоретической или структурной однозначности (theoretical or structural uniqueness) заключается в том, что удовлетворяющая этому феномену теория имеет только одну модель и единственным образом «предсказывает» все имеющиеся эмпирические данные [1]. Следовательно, «освященная веками» гипотетико-дедуктивная модель обоснования научного знания (У. Уэвелл), утверждающая, что теория должна дедуцировать следствия, которые должны проверяться или опровергаться эмпирически, в данном случае «не работает». Отметим, что сложившаяся ситуация с обоснованием научного знания не является типичной. Фундаментальное научное знание всегда было в достаточной мере опосредовано теоретическими представлениями и сам факт того, что его обоснование сталкивается с эмпирическими трудностями, не может вызывать «особого удивления». Проблема связана с тем, что уже сейчас мы можем указать на реальную возможность ситуации, когда гипотетико-дедуктивная модель развития научного знания «не работает». В настоящее время у нас «уже есть» один из потенциальных кандидатов теоретически однозначной теории – теория струн, так что с точки зрения философии науки, анализ философско-методологических вопросов, связанных с развитием этой во многих отношениях «необычной» теории, также может иметь самостоятельную ценность [2].

Одним из наиболее «захватывающих» свойств, которое демонстрирует теория струн, как наиболее подходящий кандидат на роль структурно однозначной теории, является свойство *T*-дуальности. Существует два основных квантовых числа, которые характеризуют состояние струны в компактифика-

цированном пространстве: «количество оборотов» (winding number) и «момент» (momentum или Kaluza-Klein level). Предполагается, что все дополнительные измерения пространства-времени (кроме четырех пространства-времени) «компактифицированы», т. е. имеют соответствующий радиус компактификации на котором кривизна пространства «становится максимальной» и оно «замыкается на себя», образуя цилиндрическую поверхность. Также предполагается, что струна может «оборачиваться вокруг» компактифицированного измерения, как и «двигаться вдоль» него. Преобразование T -дуальности связывает две модели теории: модель в которой длина струны – l , количество оборотов – n , «радиус» измерения – R и момент – m , и модель, в которой количество оборотов – m , «радиус» измерения – l^2 / R и момент – n . Причем, обе этих модели дают *совершенно одинаковую* «физику явлений» и являются «эмпирически неразличимыми». Таким образом, мы можем сказать, что все результаты проверки теории на определенных масштабах будут «эквивалентны» проверке теории как на масштабах «более мелких», так и – «более крупных». Не существует принципиальной возможности «проверить», в традиционном эмпирическом смысле, ту или иную модель, связанную преобразованием T -дуальности [3].

В определенном смысле, «идеология дуальности», а в настоящее время открыто уже несколько преобразований дуальности, *расширяет* представление о том, что развитие, в данном случае, физического знания в области физики элементарных частиц, должно непременно сопровождаться поиском новых эмпирических явлений на все более «мелких масштабах» (от атомарных к ядерным, субъядерным и далее). «Предельный» характер теории струн демонстрируется свойством дуальности: *мы не сможем «выйти за пределы» теории струн, пытаясь взглянуть на природу «более пристально»*. Вместе с тем, подобная интерпретация «предельности» теории не противоречит сложившемуся представлению о целях и пределах развития научного знания [4]. Традиционное представление о развитии научного знания – гипотетико-дедуктивная модель, отводит четкую роль научной теории: она должна соответствовать определенному набору эмпирических данных, быть предсказательно успешной и иметь соответствующую область применимости, а «развитие науки» представляет собой бесконечную последовательность «хороших», в смысле соответствия новым эмпирическим данным, теорий [5]. Теория струн, как «предельная» теория расширяет это представление, она представляет собой широкую теоретическую платформу, основание для дальнейшего развития науки, но не является «окончательно истиной» [6]. Предполагается, что также, как и в классическом случае, наука будет непрерывно сталкиваться с новыми эмпирическими явлениями, требующими новых теорий, в случае теории струн, наука будет сталкиваться с новыми теоретическими проблемами, например, возникающими вследствие попыток объединенного описания взаимодействий, и, таким образом, никогда не достигнет своего «логического предела». Речь идет о том, что в настоящее время у нас

нет оснований предполагать, что развитие теории струн «может закончиться». В любом случае, скорее мы должны говорить не о «конце науки», а о расширении представления о научном прогрессе. С этой точки зрения, *прогресс* в области фундаментальных исследований будет представлять собой *поиск новых аспектов общей теоретической схемы, чьи характеристики дают возможность определить ее как «предельную» теорию и чья «сложность» дает основание предположить бесконечность ее развития* [7].

Таким образом, возвращаясь к противопоставлению реалистской и инструменталистской трактовок научного знания, может возникнуть вопрос: что можно будет сказать о приемлемости реализма или инструментализма в данном случае, какие концепции и интерпретации будут более адекватны ситуации?

Реализм «без истины» Реализм является онтологической доктриной, он «является философской теорией относительно того, как устроен мир, а не относительно природы языка или мышления» (М. Девитт). Таким образом, он в принципе *не может быть связан* ни с каким семантическим или эпистемологическим понятием истины. Как отмечает М. Девитт, понятие «истина» было вовлечено в качестве конституирующего в доктрину научного реализма «незаконно» [8]. Проблема заключается в том, что, как правило, когда мы говорим о научном реализме, смешивается то, что собственно утверждает реализм, и то, что является аргументами в его пользу. Например, традиционно полагается, что реализм «по определению» неразрывно связан с корреспондентной теорией истины. Это не совсем так, действительно, вывод «от реализма», т.е. когда уже предполагается существование объекта и наличие пропозиций, которые описывают свойства этого объекта, к корреспондентной теории является простым абдуктивным выводом. Обратное не верно, поскольку корреспондентная теория просто предполагает, что реальность действительно «ответственна» за истинностные значения предложений, т.е. из корреспондентной теории мы можем «вывести» только часть доктрины реализма, а именно «тезис независимости», «тезис существования» из нее не следует [9]. Следовательно, применение общепринятой «семантической» трактовки реализма, утверждающей, что теоретические объекты устоявшихся, принятых научных теорий существуют (например, электроны и кривизна пространства-времени реальны), поскольку эти теории являются (приближенно) истинными, по крайней мере, ограничено областью соответствующей интерпретации понятия «истина».

Очевидно, что в отношении теоретически однозначной теории традиционная защита реализма в духе аргумента «Чудеса не принимаются» (Х. Патнэм) «работать» не будет. Проблема заключается в том, как проинтерпретировать рассматриваемую ситуацию «надлежащим образом». На наш взгляд, в данном случае может помочь анализ одного из направлений инструментализма.

Эпистемический инструментализм По-видимому, понятие «эпистемический инструментализм» именно как понятие, отражающее представление о

том, что мы должны использовать теории для практических целей не обращаясь к тому, что они говорят о реальности, было выдвинуто Кайли Стэнфордом на волне продолжающейся дискуссии вокруг «необходимости» теоретических понятий, для того, чтобы оправдать одну простую мысль: наука без реализма не только возможна, но и свободна от таких проблем, как проблема недоопределенности или проблема пессимистической (мета)индукции, которые являются основными «могильными камнями» не только реализма, но и любой позитивной концепции развития научного знания в целом [10]. На фоне других интерпретаций инструментализма, «семантической» (наиболее популярной), утверждающей, что значение теоретических построений исчерпываются их эмпирическими возможностями, в том смысле, что если теоретическая схема «хорошо работает», то мы согласны считать, что «так и есть» (Э. Мах); и «синтаксической», согласно которой, теоретические построения не являются не истинными, не ложными, не даже утверждениями о реальности, а являются лишь синтаксическими формами, которые позволяют адекватным образом связывать различные эмпирические состояния дел (отчасти П. Дюгем и А. Пуанкаре); предположения, которые являются основаниями для «эпистемической», выглядят достаточно очевидными, однако, при ближайшем рассмотрении оказывается, что их недостаточно для соответствия этой интерпретации основной задаче инструментализма: обоснования того, что теория является скорее инструментом, чем дословным описанием «ненаблюдаемого» мира. Основная проблема, согласно К. Стэнфорду, состоит в глубоко укоренившемся представлении о том, что традиционно, аргументация в пользу концепции и собственно содержание концепции «смешиваются». Единственным условием, которое может гарантировать то, что мы действительно можем доверять практическому использованию теории без обращения к тому, что теория «описывает реальность», будет условие, что мы должны *независимо рассматривать теорию как инструмент и те веры в отношении реальности, которые может быть она предлагает* [11].

На наш взгляд, именно в данном случае можно говорить о «принципиальном сходстве» между реализмом и инструментализмом в целом. Конечно, речь не идет о «уравнивании в правах» реализм и инструментализма, однако, в ситуации, в которой традиционный показатель эмпирического успеха науки (успешная теория должна делать эмпирически проверяемые предсказания) уже не является релевантным отражением успешности науки в области фундаментальных исследований, не смотря на то, что «онтологические допущения» этих доктрин различны, их «инструментальные основания» будут одинаковы. Реализм «без истины», в определенном смысле, «повторяет» аргументацию в пользу эпистемического инструментализма: в результате натурализации мы рассматриваем именно те научные представления (касающиеся принятых вер в отношении реальности), которые в настоящий момент формируют (реализм *t*), следовательно, действительно, единственным основанием оценки теории является то, насколько она «хорошо работает».

Примечания

1. Большинство современных исследований в области философии науки обходят стороной свойство теоретической или структурной однозначности, предполагается, что подобная ситуация имеет разве что гипотетическую значимость. В то же время, на наш взгляд, интерес к гипотезе теоретически однозначной теории подогревает тот факт, что данное свойство является одним из наиболее удивительных свойств теории струн. См., например, *Polchinski J. String theory. Vol. 2. String theory and beyond.* – N.-Y.: Cambridge Univ. Press, 1998. *Zwiebach B. A first course in string theory.* – N.-Y.: Cambridge Univ. Press, 2004. Тем самым, представляется, что анализ свойств теоретически уникальной теории больше уже не является предметом «абстрактных рассуждений».

2. См.: *Головкин Н. В.* Теоретические и операционные ограничения в эпистемологии науки: метафизические и инструментальные ограничения – I // *Философия науки.* 2007. № 3 (34). С. 3–40

3. См.: *Dawid R. Scientific realism in the age of string theory* / Электр. Ресурс: *PhilSci Archive* – www.philsci-archive.pitt.edu/00001240 – 1 June 2003.

4. На наш взгляд, другим хорошим примером ситуации, когда эмпирическая проверка модели «принципиально невозможна» является представление о релятивистской инвариантно покоящейся среде и других моделях пространственного «эфира», который вводится для того, чтобы описать пространство-время «за пределами» современной квантово-полевой картины мира, доступной для описания в рамках квантовой механики и теории относительности. Например, в модели вакуумоподобной среды, обладающей кинематическим свойством «лоренц-инвариантного покоя» (См. *Корухов В. В.* Фундаментальные постоянные и структура пространства-времени. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2002), предполагается, что «в такой среде любая инерциальная система отсчета является сопутствующей, в том смысле, что нет относительного движения “эфира” и вещественного объекта, связанного с этой инерциальной системой» (Там же. – С. 87). Это означает, что вещественный наблюдатель *в принципе* не сможет наблюдать «движение» такой среды. Единственным источником данных относительно «эфира», в котором предположительно «расширяется» Вселенная, являются «наблюдаемые» значения фундаментальных физических постоянных и планковских величин. Очевидно, что анализ подобной модели «эфира» проводится в области, где стандартная гипотетико-дедуктивная модель развития научного знания «не работает», поскольку эта модель, в определенном смысле, также, как и теория струн, «нижним» или «наблюдаемым» пределом для которой является современная «теория вещества», обладает свойством «структурной однозначности» по отношению к любой инерциальной системе отсчета.

5. См.: *Головкин Н. В.* Проблема индивидуации теорий и научный реализм // *Философия науки.* – 2005. – № 1 (24). – С. 63-105.

6. Р. Дэвид приводит следующий пример: ситуация с «предельным характером» теории струн может быть сравнима с представлением о методе науч-

ного исследования, который возникает в работах Г. Галилея и Ф. Бэкона. (См.: *Dawid R. Scientific realism in the age of string theory*). Эмпирический метод был провозглашен единственным легитимным источником получения объективного знания, однако такое представление, очертив границы научной рациональности, явилось, как выяснилось позже, лишь «началом большого пути», основанием для множества гносеологических исследований, предметом которых стал «метод научного исследования» В определенном смысле, можно согласиться с Р. Дэвидом, провозгласив эмпирический метод Ф. Бэкон «закрыл тему» и мы достигли «предела понимания» того, как необходимо исследовать природу, однако цель проекта Ф. Бэкона – окончательное познание природы, на наш взгляд, никогда не будет достигнута.

7. См.: *Головко Н. В.* Реализм без истины: теоретический прогресс и метафизика // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. – № 1 (в печати).

8. См.: *Devitt M.* Realism and Truth. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1984.

9. См.: *Головко Н. В.* Теоретические и операциональные ограничения в эпистемологии науки: метафизические и инструментальные ограничения – I.

10. См, например, *Stanford K.* An Antirealist Explanation of the Success of Science // *Philosophy of Science*. – 2000. – Vol. 67. – P. 266–284. *Он же.* Exceeding Our Grasp. Science, History, and the Problem of Unconceived Alternatives. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.

11. См.: *Stanford K.* Exceeding Our Grasp. Science, History, and the Problem of Unconceived Alternatives. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2006. – ch. 8.

РОЛЬ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В РАЗВИТИИ НАУКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

А. Б. Дидикин

Институт философии и права СО РАН

Конституционное правосудие представляет собой специализированный вид судебной деятельности, направленной на толкование и интерпретацию норм Конституции РФ и действующего законодательства, а также на проверку конституционности нормативно-правовых актов. Влияние решений Конституционного Суда РФ на развитие конституционно-правовой доктрины, правотворческой и правоприменительной деятельности в последние годы существенно возрастает, что обусловлено особой ролью и значением конституционной юстиции в российской правовой системе и ее интеграцией в систему европейского правопорядка. Однако наиболее значимым элементом решений Конституционного Суда РФ являются его *правовые позиции*, дискуссии о правовой природе которых составляют неотъемлемый атрибут современной теории российского конституционализма.

Специфика правовых позиций, формулируемых Конституционным Судом РФ в процессе осуществления абстрактного и конкретного нормоконтроля, характеризуется тем, что они содержатся в мотивировочной части судебного решения и в значительной степени определяют аргументацию и выводы суда, отраженные в резолютивной части решения. Наряду с этим правовые последствия принятия решений Конституционным Судом РФ во многом изменяют традиционные представления о соотношении нормативно-правовых актов в системе источников российского права. Появление такого специфического источника конституционного права как законы о поправках к Конституции РФ, наделение Президента РФ правом издавать указы о внесении изменений в ст. 65 Конституции РФ, определение механизма реализации принципа социального государства и толкование положений налогового законодательства – характерные примеры активного воздействия правовых позиций Суда на процессы совершенствования законодательства.

Термин «правовые позиции» в практике конституционного правосудия и в конституционно-правовой доктрине имеет различную интерпретацию, поскольку появление данного термина в законодательстве было связано с учреждением Конституционного Суда РСФСР в 1991 г. Тем не менее, и в период существования Комитета конституционного надзора СССР его решения в форме заключений также содержали аргументированную позицию о необходимости устранения противоречия нормативно-правового акта нормам Конституции и международного права [1]. Ч. 4 ст. 6 Закона РСФСР от 12 июля 1991 г. «О Конституционном Суде РСФСР», и в ч. 4 ст. 29 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» содержит специальное указание, что решение Конституционного Суда РФ выражает правовую позицию судей, соответствующую Конституции РФ и свободную от политических пристрастий, что определяется специфической компетенцией Суда и его доктриной самоограничения в процессе толкования правовых норм [2]. Соответственно, в соответствии с законом при необходимости принятия судьями Конституционного Суда РФ решения, изменяющего правовую позицию, дело передается на рассмотрение пленарного заседания.

В правовой доктрине предпринимаются попытки определить место правовых позиций Конституционного Суда РФ в механизме конституционно-правового регулирования и их влияние на структуру российского законодательства [3]. При этом различие концептуальных подходов к сущности правовой позиции определяется различиями в понимании правовых последствий решений федерального органа конституционного контроля.

Один из способов объяснения роли и значения правовых позиций основывается на традиционной характеристике судебных решений как актов правоприменения, которые не создают новых правовых норм и направлены на разрешение правового спора и на восстановление нарушенных прав конкретных субъектов (Н.А. Богданова, Б.С. Крылов и др.) [4]. В этом смысле правовая позиция, содержащаяся в структуре судебного решения, представляет собой совокупность аргументов, обосновывающих выводы суда. Это позволяет ус-

тановить взаимосвязь содержания правовой позиции с конкретной жизненной ситуацией.

Однако такое понимание правовой позиции не подтверждается реальной практикой осуществления конституционного судопроизводства. В соответствии с законом Конституционный Суд РФ в процессе своей деятельности решает исключительно вопросы права и не занимается исследованием фактических обстоятельств. В частности при рассмотрении жалоб граждан на нарушение социальных прав Конституционный Суд РФ неоднократно формулировал правовую позицию о том, что создание системы социального обеспечения «отнесено к компетенции законодателя, который при осуществлении соответствующего правового регулирования, в том числе изменяющего содержание мер социальной защиты, должен исходить из недопустимости издания в Российской Федерации законов, отменяющих или умаляющих права граждан» [5]. Но при этом осуществление конституционного судопроизводства допустимо, «если без признания оспариваемого закона неконституционным нарушенные права и свободы гражданина не могут быть восстановлены иным образом» (Определение КС РФ от 8 января 1998 г. № 34-О) [6].

Конституционный Суд РФ является специализированным органом конституционного контроля, и наличие контрольных полномочий наряду с судебными полномочиями позволяет объяснить нормативную природу его решений и правовых позиций. В процессе проверки конституционности нормативно-правового акта Конституционный Суд РФ наполняет новым содержанием подлежащие толкованию правовые нормы, которые в дальнейшем не могут применяться без учета сформулированных правовых позиций, что регламентируется ст. 6 ФЗ о Конституционном Суде РФ.

Иная точка зрения на природу правовых позиций основывается на характеристике решений Конституционного Суда РФ в качестве *судебных прецедентов*. Тем самым многие ученые указывают на прецедентный характер решений Конституционного Суда РФ, которые являются обязательными не только для самого Суда, но и для иных органов государственной власти (В.Д. Зорькин, Л.В. Лазарев, О.Н. Кряжкова, Ж.И. Овсепян, Б.С. Эбзеев) [7]. Деятельность Конституционного Суда РФ в данном случае состоит не только в исследовании текстов проверяемых нормативно-правовых актов, но и в осуществлении толкования правовых норм. В реальной практике Суда многократно встречаются ссылки на ранее сформулированные правовые позиции с указанием на реквизиты решения, являющиеся специальными аргументами в подтверждение окончательного вывода Суда, на прецедентную практику Европейского Суда по правам человека, и на эволюцию правовых позиций по конкретным вопросам. Особое значение приобретают предпринятые Конституционным Судом РФ в последние годы попытки обоснования *конкретно-исторического подхода*, позволяющего Суду существенно изменять содержание правовых позиций вплоть до отмены ранее действовавших правовых позиций под влиянием социально-исторических условий развития элементов

российской политической и правовой системы, российского государства в целом (абз. 5 п.3.2 Постановления КС РФ от 16 июля 2007 г. № 11-П) [8].

Однако процесс толкования правовых норм не исчерпывает содержания конституционно-контрольной деятельности и не позволяет объяснить конечный результат этой деятельности – прекращение действия неконституционных правовых норм, что является неотъемлемым элементом механизма исполнения решений Конституционного Суда РФ. Кроме того, как справедливо отмечает Н.В. Витрук, правовые позиции Конституционного Суда РФ являются не только результатом нормативного и казуального толкования правовых норм, но и выявляют конституционно-правовой смысл действующих законов и иных нормативно-правовых актов, устраняя правовую неопределенность в определенной сфере общественных отношений [9]. Аналогичный вывод содержится в Определении КС РФ от 20 февраля 2002 г. № 48-О: «В судебной практике должно обеспечиваться конституционное истолкование подлежащих применению норм. Выявление же конституционного смысла действующего права относится к компетенции Конституционного Суда РФ» [10].

Другим подходом к пониманию природы правовых позиций среди современных ученых-правоведов становится попытка определения специфических признаков решения Конституционного Суда РФ и степени его влияния на законодательство и правоприменительную практику. По существу решения Конституционного Суда РФ обладают такими признаками как общеобязательный, окончательный и неоспоримый характер, вступление в силу с момента провозглашения и непосредственное действие, официальное опубликование. Поэтому правовая природа и решений и правовых позиций Конституционного Суда РФ определяется помимо прочего распространением их действия за пределы конкретных дел (Т.Г. Морщакова, А.А. Белкин).

Таким образом, именно *правовые позиции Конституционного Суда РФ, сформулированные в мотивировочной и резолютивной частях его решений*, выступают основным фактором развития конституционно-правовой науки на современном этапе. В правовых позициях отражены не только основные элементы предмета конституционно-правового регулирования через толкование принципов конституционного строя, правового статуса человека и гражданина, федеративного устройства и принципов осуществления деятельности федеральных, региональных и муниципальных органов власти, но и раскрывается содержание отдельных категорий и понятий конституционного права, что позволяет обеспечить взаимодействие теории и практики конституционализма в современной России.

Литература

1. См.: Митюков М.А. Предтеча конституционного правосудия: взгляды, проекты и институциональные предпосылки (30-начало 90-х гг. XX вв.). –

М., 2006; Закон СССР 1989 г. «О конституционном надзоре в СССР» от 23 декабря 1989 г. // ВСНД и ВС СССР. – 1989. – №29. – Ст. 572.

2. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. №1-ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» (в ред. 05.02.2007) // СЗ РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447; Закон РСФСР от 6 мая 1991 г. «О Конституционном Суде РСФСР» // ВСНД и ВС РСФСР. – 1991. – №19. – Ст.621.

3. См.: Непомнящих Е.В. Понятие правовой позиции Конституционного Суда РФ // Законодательство и экономика. – 2003. – № 10. – С. 7-10; Гуцан Н.Ф. К вопросу о понятии «правовая позиция Конституционного Суда РФ» // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 11. – С. 23-27; Дидикин А.Б. Сравнительный метод в науке конституционного права // Гуманитарные науки в Сибири. – 2007. – №1. – С.84-87.

4. См.: Богданова Н.А. Конституционный Суд РФ в системе конституционного права // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1997. – №3. – С.63-65; Крылов Б.С. О некоторых решениях Конституционного Суда РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1997. – №2. – С.44.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2007 г. №16-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бандаса М.Н., Вульман С.А. и других на нарушение их конституционных прав положениями п.17 ст. 44 и ч.2 ст. 153 Федерального закона от 22 августа 2004 г. №122-ФЗ» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Определение Конституционного Суда РФ от 8 января 1998 г. № 34-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бочкарева Е.А. на нарушение его конституционных прав ст. 26 Закона республики Татарстан «Об административной ответственности за нарушение правил дорожного движения»» // СПС «КонсультантПлюс».

7. См.: Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М., 2007. – С.113-127; Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. – М., 2003; Кряжков В.А. Правовые позиции Конституционного Суда РФ: теоретические основы и практика реализации судами России. – М., 2006; Овсепян Ж.И. Конституционное судебно-процессуальное право: у истоков отрасли права, науки и учебной дисциплины // Правоведение. – 1999. – №2; Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. – М., 2007.

8. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2007 г. №11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 3, 18, 41 ФЗ «О политических партиях»» // СЗ РФ. – 2007. – №26. – Ст.1221.

9. См.: Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991-2001 гг.): Очерки теории и практики. – М., 2001. – С.111; Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс. – М., 2005.

10. Определение Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2002 г. № 48-О «По жалобе гражданина Щепачева В.А. на нарушение его конституционных прав п. 1 и 2 ст. 167 Гражданского Кодекса РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

Раздел I

Социальные исследования

МАСТЕР-КЛАСС КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ В КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ

М. И. Свидерских

Горно-Алтайский государственный университет,
Краевое государственное учреждение социального обслуживания «Краевой
кризисный центр для женщин» (г. Барнаул)

Практика социальной работы показывает, исследовательская деятельность это подтверждает, что огромная часть кризисного консультирования осуществляется чаще не врачами-психотерапевтами, а психологами и специалистами по социальной работе и даже волонтерами. Данный факт доказывает тезис о том, что кризис это не заболевание, а ситуативное состояние, которое сопровождается повышенной тревожностью, напряжением, агрессией и человеку необходима поддержка для позитивного переживания кризиса (это объясняется, скорее, в терминах социальной природы человека, чем в терминах болезни). Следовательно, тому, кто помогает переживающему кризис, не нужно быть психотерапевтом, а процесс помощи не нужно определять как кризисную терапию.

В связи с этим возникает необходимость рассмотрения технологий, которые могут применяться специалистами по социальной работе в кризисных ситуациях или при кризисных состояниях. Кризисное телефонное консультирование – это одна из таких инновационных технологий социальной работы, применяемая в этих ситуациях. То, что кризисное телефонное консультирование это именно технология, подтверждает наличие следующих признаков:

- динамичность, состоящая в постоянной смене содержания и форм работы специалиста с абонентом и в эвристическом характере деятельности;
- непрерывность, обусловленная необходимостью постоянно поддерживать непосредственную или опосредованную связь с абонентом и оказывать на него влияние;
- цикличность, проявляющаяся в стереотипном, устойчивом повторении этапов, стадий и процедур при работе с абонентами;
- дискретность процесса, которая заключается в неравномерности воздействия на абонентов с момента определения цели до исполнения решения.

Социальная работа - это относительно молодая профессиональная деятельность (в России нормативно регламентирована в 1991 году). Поэтому

ощущается недостаток в квалифицированных специалистах по социальной работе, что вызывает необходимость переподготовки и повышения квалификации, которое можно проводить через курсовую подготовку, тренинги-семинары, мастер-классы.

В качестве примера эффективной, удобной формы подготовки специалистов по социальной работе в кризисных ситуациях предлагаем мастер-класс «Кризисное телефонное консультирование подростков, подвергшихся сексуальному насилию». Здесь под термином «подростки» понимаются девочки, так как они чаще подвергаются сексуальному насилию, чем мальчики.

Цель мастер-класса: обучение кризисному консультированию подростков, подвергшихся сексуальному насилию через демонстрацию опыта работы по данной проблематике.

Задачи:

1. осветить основные принципы работы на Кризисной линии;
2. отразить специфику телефонного консультирования по теме сексуального насилия;
3. обозначить особенности работы с подростками, подвергшимися сексуальному насилию;
4. продемонстрировать работу со случаем (кейс) на Кризисной линии для женщин КГУСО «Краевой кризисный центр для женщин»;
5. осуществить супервизорскую работу.

Ход мастер-класса.

1. Знакомство, представление Кризисного центра для женщин, Кризисной линии, ведущей мастер-класс, участников (10 минут).

2. Обозначение основных принципов работы Кризисной линии: «Я рядом» - постоянное оказание поддержки через техники активного слушания; «Безоценочный подход» - принятие личности абонента и его ситуации без оценки с позиций «хорошо-плохо», «правильно-неправильно» и т.д.; «Анонимность и конфиденциальность», который «работает» в обе стороны – для консультанта не имеет значения то, как зовут абонента, его точный возраст, образование, семейное положение, должность и другие социальные статусы (он имеет право говорить или молчать о них) и вся полученная информация об абоненте остается внутри отделения и является информацией для служебного пользования; такая же информация о консультанте является табуированной для абонента (с целью безопасности, консультант может сообщить только, что он прошел специальную подготовку); «Не давай советы» - принцип помогающий избежать «спасательства», влекущего за собой эмоциональное выгорание и помогающий активизировать абонента в принятии решения его ситуации; «Не подвергай сомнению слова и чувства абонента» - нарушение этого принципа может повлечь за собой углубление посттравматического стрессового расстройства, вызвать агрессию и недоверие со стороны абонента; «Ремонтируй только то, что сломалось» - консультант работает именно по тому запросу, который предъявляет абонент, не ставя диагнозов и не выдвигая гипотез; «Запрещается пользоваться психотерапевтическими техниками»

- в кризисном телефонном консультировании не используются техники, помогающие изменить состояние сознания абонента и таким образом проработать кризис, данный принцип связан особенностями телефонного консультирования, которые проявляются в неприменении при консультировании практически всех каналов восприятия (кроме аудиального) и с ненадежностью работы телефонных линий, что может повлечь за собой прерывание разговора (15 минут).

3. Рассмотрение специфики кризисного консультирования подвергшейся сексуальному насилию. Теоретический блок, включающий в себя понятие сексуального насилия, его виды, мифы в отношении сексуального насилия; практический блок: этапы консультирования, техники и приемы, применяемые в работе с подростками (45 минут).

4. Рассмотрение особенностей работы с подростками, пережившими сексуальное насилие: психологические особенности, чувства пострадавшей, специфика консультирования пострадавшей, техники, применяемые в работе с подростками (45 минут).

5. Представление случая из практики работы Кризисной линии для женщин: описание хода консультации с комментариями (15 минут).

6. Супервизорская работа (по запросу): выявления затруднений, поиска обобщенного принципа регуляции деятельности, несоблюдение которого порождает проблемы, поиска готового или разработки нового способа разрешения конкретной ситуации – адекватного обобщенному принципу.

В завершении необходимо отметить, что кризисное телефонное консультирование – инновационная технология социальной работы, которая требует дальнейшей исследовательской практики, что повлечет за собой совершенствование технологии и повышение уровня подготовки специалистов по социальной работе.

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТОВ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ПОЛИТОЛОГОВ

М. Ю. Маркеева

Тульский институт экономики и информатики

В статье рассматривается специфика применения технологии "Парламентские дебаты" в рамках аудиторной и внеаудиторной работы со студентами, обучающимися по специальности Политология и другим специальностям социально-гуманитарного профиля.

Для начала необходимо определиться с тем, что такое дебаты. Изначально - это искусство спора, которое зародилось в Древней Греции, развилось в эпоху становления парламентаризма и дошло до наших дней. Сегодня в России идет возрождение публичных дебатов, в том числе и по социально-

политической тематике. Соревнования юных и молодых ораторов в публичной полемике стали важным этапом конкурсных отборов молодежи на стипендиальных тренингах и конкурсах. Примером может стать стипендиальная программа В. Потанина. Дебаты используются как технология отбора активной молодежи в процессе рекрутации в бизнес и в политические элиты. Дебаты, организованные для защиты своих проектов, политических программ и гражданских позиций применяются в таких структурах, как молодежные и студенческие парламенты, молодежные отделения партий. Именно успешное участие в дебатах стало пропуском для студентов, стремящихся попасть в молодежные проекты, программы, партии и движения современной России, такие, как «Лидер XXI века», «Молодая гвардия», «Наши», «Молодежные избирательные штабы» и др.

Парламентские дебаты представляют собой универсальную ролевую игру. Как образовательная технология эта игра известна более, чем в пятидесяти странах Европы, Америки и Азии. Исторически Парламентские дебаты сложились в англосаксонских странах, но уже в настоящее время эта интеллектуальная игра распространена также в странах Восточной Европы, на территории бывшего СССР, Юго-Восточной Азии. Необходимо отметить, что международная студенческая программа Парламентские дебаты, сохраняя определенную дистанцию от конкретных партийных течений, фактически осуществляет подготовку студентов к участию в любых видах публичных политических дискуссий. Дебаты в формате ролевой игры помогают студенту выработать такие качества, как успешность, уверенность в себе, опыт публичной коммуникации, умение работать в команде и убеждать. Тренинги и сам формат Парламентских дебатов учат студентов отстаивать свою точку зрения, избегая голословности и приводя весомые аргументы, оперативно мыслить, быстро извлекать из памяти необходимые знания; учат мастерству ведения дискуссии; развивают кругозор участников, подвигают их к приобретению новых знаний в различных областях.

Жизнь любого политического и социального лидера - реализация своих интересов путем убеждения других людей. Староста – это человек, убедивший 20-30 студентов группы, депутат должен убедить большую часть избирателей округа, порядка нескольких тысяч человек, президент – это человек, сумевший убедить десятки миллионов людей. Для обычного человека убеждение - это процесс налаживания отношений, как в личной жизни, так и в процессе учебы или карьерного роста. Тестовая система снижает для студента гуманитария долю публичных выступлений и устных ответов в процессе занятий. Парламентские дебаты на семинарских занятиях, в качестве занятий студенческого клуба и, тем более, в процессе участия студента в чемпионатах любого уровня, предоставляют необходимый опыт ведения аргументированной и корректной дискуссии. В частности, в стрессовых ситуациях экзамена или собеседования при приеме на работу опытный дебатер чувствует себя более комфортно, ибо обладает навыком говорить в условиях ограниченности времени и информации. Данная практика помогает студентам и аспиран-

там при защите выпускных квалификационных работ, при участии в научных конференциях, а в последующем и при проведении занятий.

Тульский клуб Парламентских дебатов работает седьмой год на базе гуманитарного факультета ТулГУ. Первоначально клуб объединял студентов гуманитарного факультета (политологов, социологов, лингвистов), сегодня это студенты и аспиранты различных факультетов ТулГУ, других ВУЗов города и школьники «Бизнес-лицея». В клубе регулярно проводятся занятия в активной форме (мастерских, игр и тренингов), осуществляется организация различных мероприятий. Например, для презентации формата Парламентских дебатов в рамках российско-польской политологической школы была подготовлена показательная игра на тему: «Партия власти, как фактор стабилизации политической системы в современной России». Кроме этого, Тульский клуб периодически организует межрегиональные чемпионаты по дебатам, где кроме российских студентов принимают участие студенты из Белоруссии. Тульские дебаты активно участвуют и занимают призовые места в турнирах по Парламентским дебатам России и стран СНГ. Одна из последних побед - III место в «Московской Лиге Чемпионов» в 2006 году. В 2007 году в аналогичных дебатырских играх кроме команд из четырнадцати крупнейших ВУЗов, таких как МГУ, МГЮА, МГТУ, ГУУ, РУДН, будут принимать участие команды «Молодой гвардии» и студенческого парламентского клуба партии «Единая Россия».

Тульский клуб дебатов накопил определенный опыт в организации и проведении занятий. В частности, созданы электронные презентации, обучающие фильмы, коллекция афоризмов, игровых кейсов, тренингов и скороговорок, опубликованы тренинги «Историческое моделирование» и «Американские горки».

В клубе применяется система «Пяти ступеней» для обучения новых членов. Первая (вводная) ступень – студенты получают информацию о программе Дебаты, вторая ступень (присутствие) – визуальное восприятие формата игры, третья ступень (участие) – самостоятельное участие в игре, четвертая ступень (рост) – максимальное развитие всех дебатырских навыков, работа на рейтинг, пятая ступень (передача опыта) – тьюторская и организационная работа с новыми членами.

Курс клуба Парламентские дебаты рассчитан примерно на 14 занятий по 3 академических часа каждое. В процессе обучения ведется постоянный рейтинг членов клуба, который складывается из оценок посещения, участия в организации работы клубных мероприятий, результатов игр и качества судейства дебатера. Рейтинг, новости и отчеты клуба, методическая и другая полезная информация выкладываются параллельно на сайте <http://tuladebate.tula.net>, где есть также гиперссылки на сайты других дебатырских центров России, ближнего и дальнего зарубежья. По завершении программы участники, имеющие наибольший рейтинг за время обучения, проходят символический обряд инициации (посвящения в дебатыры), который проводится в определенных традициях, сложившихся в клубе.

В клубе имеется большой опыт судейства: студентка политологии Ю. Шведова в качестве судьи представляла Тульский клуб на внутригородском чемпионате Санкт-Петербурга, студент-социолог И. Мухина судила Открытый чемпионат г. Москвы, магистр-политолог М. Алешина получила диплом за квалифицированное судейство в Московской лиге чемпионов, ассистент кафедры СиП М. Маркеева осуществляла судейство на чемпионате БГТУ, 8 международном форуме программы "Дебаты" «КОМАРОВО-2006», Фестивале молодежных проектов ВВЦ.

Примерный тематический план первых пяти занятий Тульского клуба Парламентских дебатов:

Занятие 1. Цель. В теоретической части занятие направлено на формирование представлений у студента о движении, клубе и игре «Парламентские дебаты», преимуществах и результатах проводимой программы. Практическая часть направлена на проверку дикции, готовности действовать, активности, наличия основ критического мышления.

Теоретическая часть.

1. Дебаты напрямую связаны с политикой, но допустимо и обсуждение любых тем и предложений.
2. Что дают дебаты? Определенные навыки, умения, получение наградных листов.
3. Участие в движении Дебаты - способ увидеть мир и найти новых друзей.
4. Что нужно делать, чтобы стать членом программы Парламентские дебаты?

Практическая часть.

1. Показ электронной презентации и фотографий.
2. Конкурс скороговорок. (Дикция)
3. Сбор подписей на время (активность и энергия убеждения)
4. Измерение объема легких.
5. Оптимисты и пессимисты (развитие критического мышления, понятие наличия плюсов и минусов в любом тезисе и любой проблеме).

Реквизит: маркеры, шары, бумага, электронная презентация, дипломы.

Занятие 2. Цель. В теоретической части занятие направлено на формирование представлений у студента о формате дебатов и о ролях участников в игре «Парламентские дебаты» (объяснение понятий «правительство», «оппозиция», «таймкипер», «судья»), о преимуществах жестко ограниченного правилами формата обсуждения. Разъясняется смысл и происхождение традиционного жеста дебатера при желании задать вопрос. Практическая часть направлена на развитие естественной жестикуляции, визуального знакомства с форматом, обсуждение увиденной игры.

Практическая часть.

1. Игра «крокодильчики» (разминка жестикуляцией).
2. «Лепим» позы ораторов.

Теоретическая вставка.

3. Рассказ о компонентах позы уверенности и открытых жестах.
4. Рассказ о ролях в дебатах (правительство, оппозиция, таймкипер, судья, традиционный жест английских лордов при задавании вопросов).

Практическая часть.

5. Показательная игра по сокращенному американскому формату с высказываниями из зала перед финальными речами.

6. Голосование зала.

7. Обсуждение игры.

Занятие 3. Цель. В теоретической части занятие направлено на разъяснение основ построения кейса и структуры речи дебатера в игре «Парламентские дебаты», преимуществах жестко ограниченного правилами формата обсуждения. Практическая часть направлена на развитие способности задавать каверзные вопросы и спонтанной креативности при ответе на такие вопросы. Занятие дает первый опыт самостоятельного написания кейса и публичного выступления по сокращенному американскому формату с жесткими временными рамками по заданной теме и в определенной роли.

1. Президент (тренировка спонтанности и сообразительности в условиях ограниченного времени для принятия решений).

2. Объяснение правил построения кейса (проблема, формулировка, философия, механизм, аргументы, поддержки), структура речи.

3. Деление на команды.

4. Работа в паре с опытным дебатером для написания кейса.

5. Пробная игра с обсуждением без объявления победителей.

Занятие 4. Цель. В теоретической части занятие направлено на разъяснение основных ошибок, встречающихся у начинающих дебатеров (паузы в речи, уход от темы, нарушение правил и традиций дебатов и т.д.). В практической части занятие направлено на тренировку навыков эмоциональной, непрерывной речи, развитие логики и последовательности в доказательствах.

Практическая часть.

1. Эмоциональный призыв (Давайте!...) - 20 сек.

Работа в парах или тройках.

2. Логическая цепочка (Хорошо – плохо).

3. Последнее слово будет первым.

4. Подарок жестами

Теоретическая часть

5. Чем опасны незапланированные паузы в речи начинающего оратора, и как с ними бороться.

6. Объяснение основных ошибок при игре в американском формате Парламентских дебатов (20 нельзя).

7. Как не отвлекаться более, чем на одну ступень - стратегия построения речи.

Занятие 5. Цель. В теоретической части занятие направлено на объяснение принципов судейства в парламентских дебатах, целей и задач речи спикера.

Теоретическая часть

1. «А судьи кто?..» Кто может осуществлять судейство в игре Парламентские дебаты?

2. Критерии и основные принципы судейства.

3. Победы команд, рейтинги и ранги спикеров

4. Рисуем шестиграфку. Ведение записи во время игры, принцип «ри-батлз», игра по аргументам.

5. Шкала из 30 баллов и ее основные критерии.

Практическая часть.

6. Самостоятельное судейство и разбор игры. Обоснование вынесенного решения игрокам, замечания и комментарии.

Принципы судейства:

Судья – хранитель традиций и порядка.

Входя в аудиторию, судья задает рабочий настрой и серьезное отношение к происходящему.

Судья - чистый лист. В этой роли он не имеет своего мнения и своей позиции, а выносит решение на основании услышанного во время игры, оценивая работу команд по аргументации, доказательству своей позиции и убеждению слушателя.

Судья внимательный наблюдатель. Судить игру может только тот, кто видел и слышал всё от начала и до конца.

Судья осуществляет конспектирование хода игры в шестиграфке.

На основании шестиграфки и услышанного в ходе игры, судья принимает решение и заполняет судейский протокол.

Первоочередное значение для судьи в плане принятия решений имеют аргументы и только во вторую очередь при ситуации, когда работа с аргументами была равной, судья смотрит на соблюдение спикерами регламента, невербальные аспекты выступления, структуру речи и выбор стратегий команд.

Рекомендуемая литература для более глубокого освоения программы Парламентских дебатов:

1. Дебаты: проблемы, исследования и перспективы. - Рига: Педагогический центр "Эксперимент", 2002. – 252 с.

2. Дебаты: Учебно-методический комплект. – М.: Изд-во "Бонфи", 2001. - 296 с.

3. Арло Девлин-Браун Парламентские дебаты: путеводитель для студентов, знакомых с форматом дебатов Карла Поппера. (Электронный источник)

Подробнее с событиями дебатарского движения и с методическими материалами можно ознакомиться на следующих сайтах клубов Парламентских дебатов России, стран СНГ и зарубежья:

1. Сайт Тульского клуба Парламентских дебатов <http://tuladebate.tula.net>

2. Официальный сайт белорусских дебатов <http://www.ncc-debate.org/>

3. Челябинский клуб "Дебаты" <http://www.debates.al.ru/>

4. Центр "Эксперимент" (Рига, Латвия) Дебаты в формате Карла Поппера <http://www.experiment.lv/>

5. International Debate Education Association IDEA <http://www.idebate.org/>
6. Британские Дебаты <http://www.britishdebate.com/>

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ГОРОДА

И. Ю. Мельникова

Новокузнецкий филиал-институт
Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк)

В соответствии с Законом РФ "О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития РФ" в регионах и муниципальных образованиях страны осуществляется разработка стратегических планов социально-экономического развития. Процесс планирования базируется на отслеживании динамики показателей качества жизни населения, являющийся основной для оценки качества экономического и политического руководства территориями.

Стратегический план - документ, концентрирующий на ключевых, наиболее перспективных направлениях развития, выявленных на основе анализа потенциала, сильных и слабых сторон города, анализа ресурсной базы, возможностей привлечения ресурсов и кооперации с другими территориями. Это документ, нацеленный на главное - повышение конкурентоспособности города в условиях динамично изменяющейся внешней среды.

Выбор стратегических приоритетов развития города должен опираться на анализ социальных ожиданий населения. Учет интересов населения является наиболее важным и значимым в определении стратегических целей и задач. Именно социальное благополучие населения, обеспечение его интересов являются целью разработки и реализации стратегического плана.

Одним из этапов формирования стратегического плана развития г. Новокузнецка было проведение социологического исследования, в ходе которого были опрошены две целевые группы респондентов: муниципальные служащие (в опросе приняло участие 635 человек) и жители города (2242 человека). Данный подход позволил рассмотреть изучаемую проблему с разных сторон. Проведенный опрос преследовал следующие цели:

- изучить отношение жителей к своему городу;
- определить степень социальной активности горожан и их готовность принять участие в решении городских проблем;
- выявить приоритетные социально-экономические проблемы города.

Население муниципального образования неоднородно и группируется по различным признакам, поэтому к участию в опросе жителей города были привлечены представители разных возрастных групп, лица с различным

уровнем образования и разным социально-экономическим статусом (работники учреждений и организаций, неработающие граждане, студенты и учащиеся, пенсионеры) и семейным положением.

В целях изучения отношения жителей к своему городу респондентам был задан вопрос «Какие чувства у вас вызывает город, в котором вы живете?». Ответы распределились следующим образом (табл. 1)

Таблица 1. Отношение жителей к своему городу

Варианты ответов	Число ответивших, в %			
	18-29лет	30-49лет	50-59лет	60лет и больше
У вас есть все основания любить свой город и гордиться им.	11,5	14,6	15,1	19,6
В вашем городе есть нерешенные проблемы, но все же вы любите его	54,2	52,2	48,1	42,4
Он не хуже и не лучше других. В нем можно жить	21,6	23	23,5	25,5
Жизнь в вашем городе вызывает больше раздражения и разочарования, чем удовлетворения	6,5	6,2	5,6	5,4
Это забытое богом и властями место, которое все, кто мог, уже покинули	2,8	1,7	2,9	3,8
Не можете сказать определенно	3,4	2,3	4,8	3,3

Анализ ответов показал, что большая часть опрошенных признает наличие нерешенных проблем в городе, но, тем не менее, любит свой город. В то же время результаты исследования свидетельствуют о достаточно низком уровне социальной активности горожан. Только 10,5% респондентов (236 человек) выразили желание и готовность лично принять участие в решении городских проблем. Жителями города были названы различные формы участия: выполнение общественно-полезных работ, предложение идей и способов решения проблем развития города, агитация, спонсорская помощь, благотворительность, поддержка личными материальными ресурсами и др.

В ходе изучения мнения населения о социально-экономическом развитии города Новокузнецка жителями были названы наиболее острые проблемы

города. На рис.1 приведен рейтинг проблем социально-экономического развития города в разных возрастных группах.

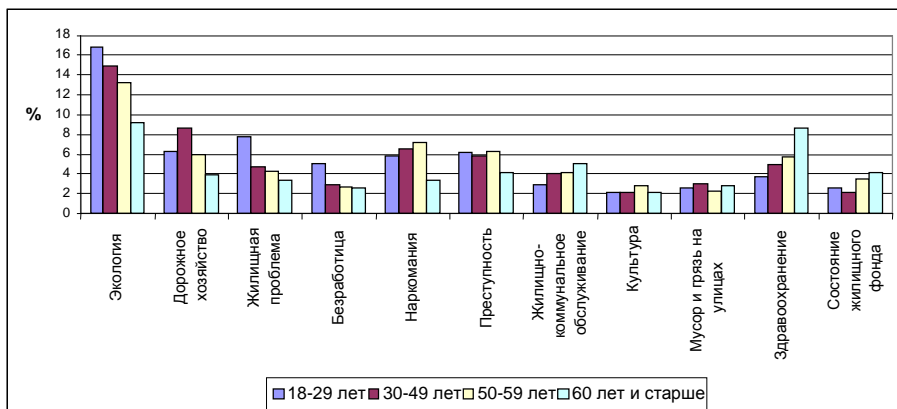

Рисунок 1. Рейтинг проблем социально-экономического развития города

Респонденты вне зависимости от возраста выделяют как наиболее значимые экологические проблемы, неудовлетворительное состояние дорожного хозяйства, жилищные проблемы, плохое состояние жилищного фонда, высокий уровень преступности, недостаточную обеспеченность социальными услугами. Также жители города в качестве основных проблем города отметили отсутствие мест отдыха, демографические проблемы (низкая рождаемость, старение населения, высокая смертность), недостаточную поддержку малого и среднего бизнеса, бюрократические проблемы.

При оценке состояния потенциала территории г. Новокузнецк по 5-балльной шкале (от 1 – неудовлетворительный до 5 – отличный) наивысшую оценку получили

природоресурсный, промышленный и научно-технический потенциал (табл.2).

Таблица 2. Оценка респондентами состояния потенциала города

Варианты ответов	Средний балл
Промышленный потенциал	4,32
Природоресурсный потенциал	4,35
Географическое положение	3,52
Транспортная освоенность	3,5

Научно-технический потенциал	3,58
Кадровый потенциал	3,52
Бюджетно-финансовая и налоговая система	3,09
Инфраструктура	3,24
Благоприятный предпринимательский климат	3,02

Основные результаты исследования были использованы при разработке Комплексной программы социально-экономического развития города Новокузнецка, в т.ч. в процессе выбора стратегических приоритетов развития.

Вовлечение общественности в стратегическое планирование города является одновременно процессом становления, и развития локального гражданского сообщества. Население города становится естественным источником саморазвития города через такую форму проявления активности горожан как гражданская инициатива. Проведение социологического исследования в процессе стратегического планирования позволяет решать следующие задачи:

- оценка социальных ожиданий и интересов населения;
- повышение уровня информированности горожан о стратегических направлениях развития города;
- оценка эффективности управления территориями;
- выбор приоритетов развития территории;
- анализ социального потенциала, психологической готовности к переменам;
- анализ ресурсов, в том числе организационных;
- предоставление больших возможностей для активного участия населения в жизни города;
- участие горожан в формировании и реализации социально-экономической политики города.

Опрос населения целесообразно проводить и в ходе реализации стратегического плана с целью оценки качества преобразований в социально-экономической сфере и эффективности принятых решений.

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ МУНИЦИПАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ СЕЛЬСКИХ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ*

М. Р. Зазулина, В. В. Самсонов

Институт философии и права СО РАН

Актуальность изучения процессов реформирования системы самоуправления обусловлена тем, что изменения, происходящие в ходе муниципальной реформы находятся в общем русле стратегии реформирования социальной политики в РФ, сутью которой является децентрализация и муниципализация. Реализация муниципальной реформы, являющейся частью общей стратегии развития социальной сферы Российской Федерации, придает особую актуальность опыту тех субъектов федерации, где указанная реформа осуществляется в полном объеме. Одним из таких субъектов является Новосибирская область, в которой переход к новой системе организации местного самоуправления осуществлен с 2003 года (в то время как по всей стране переход на новые принципы организации самоуправления перенесен на 2010 год), что определяет важность ее в качестве объекта изучения перспектив и возможных проблемных ситуаций, возникающих в ходе реорганизации системы местного самоуправления.

Наибольшее число вопросов сегодня вызывает организация местного самоуправления в сельской местности. Помимо очевидного факта финансовой слабости органов самоуправления в сельской местности вследствие низкой доходной базы сельских поселений, необходимо учитывать и то, что на практике возникнет множество вопросов, связанных с вопросами перераспределения доходной базы, территориальной основы и социальной ответственности местного самоуправления, взаимодействия органов самоуправления с различными властными, экономическими субъектами и населением.

Основной задачей проведенного социологического обследования являлся комплексный анализ реформы местного самоуправления с точки зрения ее влияния на изменение параметров социального развития сельских локальных сообществ Новосибирской области. Исследование ориентировалось на анализ социальных последствий муниципальной реформы, и роли органов местного самоуправления в решении вопросов местного значения. Профилирующим являлось социологическое исследование, ориентированное на экспертизу общественного мнения относительно существующей системы социальной политики местного самоуправления и возможностей ее функционирования. Проведение экспертизы позволило выявить социальную базу сельского самоуправления и осуществить сравнительный анализ ожиданий, которые связы-

* Работа выполнена при поддержке проекта РГНФ № 07-03-65303а(Т),

вают с местным самоуправлением «простое» население и представители местной власти.

Данные социологического исследования, реализованного в рамках проекта и ориентированного как на массовый опрос населения сельских сообществ, так и на интервьюирование представителей органов власти на селе и глав хозяйствующих субъектов, позволят определить место и роль местного самоуправления в решении социально-экономических проблем села, дать адекватную оценку способности органов и должностных лиц местного самоуправления решать поставленные перед ними задачи и разработать рекомендации по корректировке проводимой местными органами власти социальной и экономической политики.

Проведенное нами исследование влияния муниципальной реформы на социально-экономическое развитие сельских населенных пунктов (в Ордынском, Чулымском, Коченевском районах Новосибирской области) является очередным этапом мониторинговых обследований сельских регионов Западной Сибири. Инструментарий исследования опирался на разработки, уже применявшиеся в ходе экспедиций 2005 года в Кочковском районе Новосибирской области, а также в отдельных районах Кемеровской области.

В ходе исследования были получены следующие основные результаты:

1. Получила подтверждение гипотеза о том, что институт местного самоуправления является одним из факторов, значительно влияющих на социальный потенциал территории и выступает в качестве механизма решения социальных проблем села. В то же время исследование показало, что основным фактором, осложняющим управление на уровне сельских поселений, является двухуровневая организация местного самоуправления предполагающая практически полную независимость местной поселковой и районной власти. Нарушение властной управленческой вертикали на самом низовом уровне существенно снижает эффективность управления социально-экономическим развитием сельских сообществ.

2. Было выявлено различие в восприятии реформы самоуправления между рядовым сельским населением и представителями управленческого звена. Если для селян в целом характерно положительное отношение к осуществляемой реформе, и поддержка идеи организации самоуправления на поселенческом уровне, то для представителей районных и сельских администраций, характерны неоднозначные и отрицательные оценки результатов реформы и ее последствий.

3. Исследование показало, что следствием проблем в функционировании поселковых муниципальных образований является особая форма организации социальной политики в сельских локальных сообществах НСО. Положительной социально-экономической динамике сельских сообществ способствует взаимодействие сельских администраций и представителей бизнеса, прежде всего в лице реформированных коллективных хозяйств (крупхозов), которые следует понимать как элементы реальной системы власти на селе. Для решения местных социальных и экономических проблем на уровне кон-

кретного села, необходимо наличие крупного хозяйства, осуществляющего успешную экономическую деятельность, и оказывающего поддержку как местным органам власти в осуществлении социальных функций самоуправления, так и непосредственно населению. Причем подобные взаимоотношения, как правило, носят неформальный характер.

Социально-экономическое развитие конкретных населенных пунктов зависит, в конечном счете, от складывающихся взаимодействия местной власти и бизнеса (крупных сельскохозяйственных предприятий, функционирующих на территории муниципальных образований).

«ЭТНИЧЕСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО»: ПОНЯТИЙНАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ КАК ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА

Р. Х. Зиннуров

Институт философии и права СО РАН

Характерной чертой социальных наук становится пристальное внимание к проблемам этничности. Вслед за западной традицией изучения «этнического предпринимательства», начиная с 1990-х гг., тенденцией становится обращение исследователей к данному феномену и в рамках отечественных социальных наук.

Вместе с тем, усиление внимания к тематике «этнического предпринимательства» наталкивается на проблему неопределённости этого понятия. Неопределённость понятия как следствие многозначности определений служит проявлением применения принципиально разных подходов к исследованию «этнического предпринимательства» («этнической экономики»).

Традиционно «этническое предпринимательство» рассматривается в неразрывной связи с этническими миграциями как форма социально-экономической адаптации мигрантов. Результатом теоретического осмысления западными исследователями рассматриваемого явления послужило утверждение, что важной предпосылкой этнического предпринимательства в странах Западной Европы была иммиграция 50-60-х гг. XX в. Росту этнического предпринимательства способствовал также структурный сдвиг в экономике западных стран в указанный период – распад крупных традиционных производств и рост сферы услуг. Мелкий и средний бизнес получил большие возможности для своего развития. Внутри мелкого и среднего бизнеса возникли небольшие фирмы, в которых работали исключительно представители этнических меньшинств [1]. Чрезмерная концентрация этнических иммигрантов в определенных секторах экономики поставила вопрос о причинах этого явления, которое и получило название «этническое предпринимательство», или «этническая экономика». При этом существующее понимание

«этнического предпринимательства» в значительной степени опирается на концепт этничности и исходит из этнической принадлежности вовлеченных в неё индивидов. Так, например, И. Лайт этнической называет экономику, в которой участвуют представители одной этнической группы – ко-этникс [2].

В объяснениях западных теорий этнического предпринимательства на первый план выходят не столько культурные стороны этнических общин, сколько рациональные стратегии их членов. Сложности адаптации иммигрантов к социальным и экономическим условиям принимающих обществ ограничивают их возможность добиться значительных успехов. При этом конкретные стратегии адаптации определяются предысторией и мотивами миграции. В ходе борьбы за существование используются не только этнические (основанные на идентификации человека с определенным этническим сообществом), но все возможные ресурсы [подробнее см.: 3].

Российский опыт изучения этнического предпринимательства сочетает в себе как преемственность с западной теоретической традицией, так и учёт российской действительности. В отечественной литературе было предпринято несколько попыток анализа социально-экономической адаптации постсоветских мигрантов. Одной из первых стала статья В.В. Радаева «Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия». Примечательно, что в своей работе автор не даёт определения понятия «этническое предпринимательство», а лишь констатирует «факт этнических различий в предпринимательской активности» [4]. Причины расцвета этнического предпринимательства В.В. Радаев объясняет тесной связью маргинальности социального положения иммигрантов и их склонности к предпринимательству. В этом же русле написаны работы и других отечественных исследователей. Например, А. Снисаренко, определяя этническое предпринимательство как «специфический способ организации и ведения бизнеса этнических меньшинств в инациональной для них среде» [5], так же, как и С.В. Рязанцев [6], рассматривает указанное явление через призму этнической миграции. Вместе с тем, следует указать на дискуссионность проблемы «этничности» предпринимательства иммигрантов среди российских исследователей. Истоки разногласий связаны с полемикой по поводу сущности понятий «этническая экономика» и «этническое предпринимательство». Для одних исследователей (В.В. Радаев, С.В. Рязанцев и А. Снисаренко), придерживающихся примордиалистской концепции этничности, понятия «этническая экономика» и «этническое предпринимательство» – отражение реальности как таковой, поскольку существует эмпирически фиксируемая специфика экономического поведения различных групп этнических иммигрантов. Сторонники противоположной, конструктивистской, позиции полагают, что и сама этничность, и этническая экономика / этническое предпринимательство являются результатом ментального конструирования реальности, идеологическим инструментом противопоставления «своих» «чужим» [7].

Представляется, что, в целом, признавая механизм конструирования этничности и манипулирования этнической идентичностью в определённых

ситуациях, всё же не следует отрицать наличие реальных группообразующих признаков этничности: язык, специфические компоненты социальной культуры, усвоенные представителями этнических групп в ходе предшествующей социализации. Стремление сторонников конструктивистской точки зрения увидеть в понятиях «этнос», «нация», «этническая экономика / этническое предпринимательство» чистую конструкцию верны только отчасти, так как это объективированные конструкты, позволяющие выстраивать определённые типы вполне реальных практик. Это значит, что этнический характер предпринимательства игнорировать никак нельзя. К тому же, утверждения о надуманности и искусственности делений по этническому признаку, кажущиеся внешне достаточно правдоподобными, в реальности наталкиваются на доминирование тех или иных этнических групп в различных секторах экономики и существование социальных сетей взаимной поддержки среди мигрантов-земляков.

В заключение попытаемся сформулировать свою точку зрения относительно сущности этнического предпринимательства. Как западные, так и российские современные концепции этнического предпринимательства в основном строятся на анализе жизнедеятельности этнических меньшинств, возникших в разных странах в результате активных миграционных процессов. Между тем, не следует увязывать этническое предпринимательство только с этнической миграцией. На наш взгляд, к рассматриваемому феномену относятся не только занятие предпринимательской деятельностью этнических иммигрантов, но и занятие теми профессиями, теми видами деятельности, которые вытекают из исторически сложившихся видов экономики, способов ведения хозяйства этническими группами, обусловленных объективными условиями их существования, связанными с обычаями, традициями, национальными предпочтениями в сфере экономических отношений.

Этническое предпринимательство – опирающийся на земляческие связи и этническую групповую солидарность этнических меньшинств специфический способ организации и ведения бизнеса любого масштаба, от индивидуального или семейного частного предприятия до предприятий с наемными рабочими.

Чтобы определить понятие этнического предпринимательства более четко, следует ввести уточняющие замечания. Во-первых, к этническому предпринимательству относится только такая деятельность, которая базируется на внутриэтнических социальных сетях и связана с сознательным выбором значительной части занятых или с вынужденной концентрацией в данной отрасли. Во-вторых, взаимоотношения внутри групп, занимающихся этническим предпринимательством, обычно строятся на общности культуры, то есть на одинаковом понимании прав и обязанностей друг перед другом, а также на доверии, нередко подкрепляемом жёсткой дисциплиной. В-третьих, внутри групп этнического предпринимательства нередко действуют механизмы протекции, взаимной поддержки и страховки на случай финансовых неурядиц. Такой порядок имеет не только моральный аспект; тем самым этническая

группа обеспечивает устойчивость своих доходов. Наконец, этническое предпринимательство обычно развивается в тех отраслях, которые достаточно слабо развиты и не являются доминирующими среди преобладающего населения регионов; наоборот, эти занятия, как правило, традиционны для данных этнических общностей.

Несомненно, предпринятая попытка свести к общему знаменателю существующие трактовки этнического предпринимательства, содержит в себе недостатки. Однако необходимость поиска общепризнанного определения рассматриваемого понятия через дальнейшее развёртывание научной дискуссии ставит подобные попытки на повестку дня. Вместе с тем, разнообразие содержательно наполненного категориального аппарата определяется и задачами, которые ставит перед собой исследователь. Применение различных методологических подходов диктует свою логику исследования, в рамках которого и происходит построение и использование определённых понятий.

Таким образом, проблема неопределённости понятия «этническое предпринимательство» до сих пор является актуальной для исследований в области социальных наук. Представляется, что эта проблема будет оставаться нерешённой ещё довольно длительное время.

Литература

1. Радаев В.В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Политические исследования. 1993. №5. С.82.
2. Light I., Karageorgis S. The Ethnic Economy // The Handbook of Economic Sociology / N. Smelser, R. Swedberg (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 649.
3. Фирсов Е.Ю. Социальная стратификация, этничность и этнические экономики (на примере России) // Экономическая социология. Май 2004. Т.5. №3. С. 67-69.
4. Радаев В.В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Политические исследования. 1993. №5. С. 80.
5. Снисаренко А. Этническое предпринимательство в большом городе современной России (на материалах исследования азербайджанской общины С.-Петербурга) // <http://www.narcom.ru/ideas/socio/44.html>.
6. Рязанцев С.В. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов // Общественные науки и современность. 2000. №5. С. 73-86.
7. Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. Март 2002. Т.3 №2. С. 74-81; Воронков В. Существует ли этническая экономика? // http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik8/8r_voronkov.htm.

ВИЗУАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ – НОВЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

М. С. Демьяненко

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. Н.Г. Чернышевского (г. Чита)

Визуальные материалы (фотографии, фильмы, видеофильмы) представляют собой интереснейший объект для изучения социальных реалий в таких общественных науках, как, прежде всего, социология, социальная антропология, культурология, этнография. Тот объем информации об окружающем мире, его явлениях и процессах, который сегодня существует, все чаще и чаще преподносится человеку в виде визуальных репрезентаций, реализуемых посредством стремительно развивающихся медиа-средств, глобальной сети Интернет, телевидения. Соответственно, с ростом визуального потока информации (а в недалеком будущем, возможно, и его доминированием) будет увеличиваться в его структуре сведения о политической, культурной, экономической и социальной жизни социума. Поэтому именно изучение фотографий, фильмов и видеофильмов настолько актуально для современной общественной науки. Запечатленный фотографией образ не только воспроизводит внешний вид человека, но и более наглядно представить образ той эпохи, которой он принадлежит: мелочи быта, одежду, настроение – дух времени [Семенова В.В., с. 112]. Видеофильмы же призваны раскрыть перед исследователем тайну того, как происходило какое-либо общественно-важное событие, но уже более объективно, нежели из уст непосредственных акторов или сторонних наблюдателей.

К анализу визуальных свидетельств нужно подходить, прежде всего, с точки зрения современной парадигмы социальных наук, дабы не допустить грубых просчетов и субъективизацию результатов исследования. Необходим четкий и единый алгоритм изучения документов, единая техника методик и методологий. В странах Запада методология рассмотрения и всестороннего изучения фото и видео документов имеет достаточно широкое научное развитие в контексте визуальной социологии и антропологии и ведет свою историю примерно с середины XX века. Начало же данной отрасли исследований социума было положено теоретиками «социологии тела» (В. Семенова называет его «язык тела») – Э. Гофманом, П. Бурдьё, М. Моссом, М. Фуко, М. Батлером и рядом других [Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко., с. 1070-1072]. Язык тела понимается как несловесная эмоциональная форма коммуникации. Ориентация и положение тела, мимика, жесты отражают социальные реакции индивида по отношению к другим людям (реакция на социальный статус, отношения доминирования и подчинения, симпатии и апатии) [Семенова В.В., с. 113]. Сегодня зарубежные социологи и культурологи име-

ют большой опыт в разработке анализа визуальных документов, например, в США регулярно выпускается журнал «Visual Sociology», видный социолог П. Штомпка недавно завершил работу «Визуальная социология».

В России интерес к изучению визуальных материалов в качестве объекта исследований социума возник относительно недавно – в середине 90-х годов XX века, однако быстрыми темпами набирает обороты. Визуальные изыскания проводятся в Институте социологии РАН, Российском государственном гуманитарном университете, Удмуртском государственном университете, Саратовском государственном техническом университете. Ряд отечественных ученых, в числе которых В. Круткин, П. Романов, Е. Ярская-Смирнова, считают, что «репрезентации в визуальной культуре (кинематограф, фотография, живопись, реклама, медиа) влияют на социальные представления, направляя и оформляя повседневные практики людей. Фото, видео, кино, электронные СМИ, другие разнообразные визуальные материалы представляют интерес для исследователя и в качестве культурных текстов, и как репрезентации социального знания, и как контексты культурного производства, социального взаимодействия и индивидуального опыта» [Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / Под. ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина].

На сегодня аспекты работы с визуальными документами не исчерпан. Вот лишь некоторые из них: Е. Мещеркина-Рождественская предлагает использовать при рассмотрении фотографий принципы нарративного секвенционального анализа; Т. Власова – метод нарративизации семейных фотоальбомов (на основе соотнесения человеком себя с изображением на фотографии – как «катализатора» воспоминаний); Л. Малес ратует за то, чтобы использовать фото в преподавании социологических дисциплин [там же, с. 32, 129, 170-181].

Таким образом, использование визуальных документов в социальных и гуманитарных исследованиях в условиях современной российской действительности носит довольно актуальный характер, открывая перед учеными новые горизонты подходов и методик изучения общества. Научным деятелям Сибири и Дальнего Востока необходимо обратить свои взоры на данный новый подход, его становление, дабы привнести свои нововведения, свои оригинальные суждения по этому вопросу, накопление эмпирического материала в этой области.

Литература

1. Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / Под. ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. – Саратов: Научная книга, 2007.
2. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. – М.: Добросвет, 1998.

3. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003.
4. Cavin E. In search of the viewfinder: a study of child's perspective // Visual Sociology. 1994. Vol. 9 No 1. P. 27-42.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ГРАФИЧЕСКИХ ОБРАЗАХ*

М. А. Абрамова

Институт философии и права СО РАН

Один из подходов исследующий вопросы взаимосвязи поведения индивида и культуры может быть обозначен как межкультурный. В отличие от кросс-культурной и культурной психологии межкультурная психология рассматривает проблему особенностей взаимодействия группы и отдельных личностей в процессе культурного контакта, их адаптационные механизмы и пути интеграции (аккультурации) в социум.

Среди социальных институтов, функциями которых является, в том числе и адаптация индивида в социуме, выделяется институт брака. По переписи 2002 года на каждую тысячу приходится 7,5 смешанных браков [1]. Для нашего исследования межнациональный брак представлял интерес как увеличительное стекло, позволяющее лучше рассмотреть проблему формирования этнической и гражданской идентичности индивида. Ведь не смотря на различные социокультурные процессы, происходящие в стране необходимо признать, что на этническую идентификацию индивида в большей мере влияет национальность родителей.

По структуре этнического самосознания, предложенной Ю.Хотинцем, одним из первых пунктов является осознание тождественности со своей этнической общностью или так называемая декларируемая идентичность. Однако для детей из смешанных семей в отношении декларирования этнической идентичности разработана своя классификация [2]: 1) биэтническая идентификация (идентификация с обеими этническими общностями), 2) моноэтническая идентификация; 3) безэтническая идентификация (в этом случае соци-

* Данное исследование проводится в рамках гранта Президента РФ МД-3562.2007.06 «Мультикультурность как свойство картины мира современной молодежи Севера: репрезентация в графических образах (на примере Республики Саха(Якутия))» и при софинансировании Президиума РАН по программе «Социокультурная адаптация студенческой молодежи к условиям современных трансформаций» в рамках программы «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

альная идентичность иного рода доминирует над этнической); 4) идентификация с иным (неродительским) этносом.

На основании предложенной классификации из собранного в Якутии в 2006-2007 гг. массива мы отобрали 224 работы респондентов, родившихся в смешанных браках. Все они в письменных ответах на анкету выбрали одну из национальностей родителей, таким образом, заявив себя, как представители моноэтнической идентификации. Базой исследования выбраны учебные заведения Республики Саха (Якутия). С целью соотнесения декларируемой и переживаемой этнической и гражданской идентичностями студентами и учащимися разработана и апробирована проективная методика «Изображение на тему». Респондентам предстояло изобразить символически понятия «культура» и «этнос».

Проанализируем, как оказались связаны показатели вербализируемой респондентами этнической идентичности и репрезентируемыми в графической форме образами и символами по теме «Культура» (см. табл.1)

Таблица 1.

Варианты визуальной репрезентации термина «Культура»

№	Группы рисунков	Кол-во рисунков	%
1.	Изображение универсальных атрибутов культуры (книга, пианино, скрипка, картина, скульптура и т.д.)	135	60,3
2.	Символы якутской культуры	40	17,9
3.	Изображение нормативов культуры	18	8,0
4.	Символы государства	8	3,6
5.	Символы русской культуры	1	0,4
6.	Символы единения люди (хороводы, люди держащиеся за руки и т.д.)	8	3,6
7.	Изображение отношения к культуре (!, развитие, эволюция)	6	2,7
8.	Аллегорические изображения культуры (деревья, растения, цветы)	5	2,2
9.	Конфессиональные признаки (мечеть, церковь)	2	0,9
10.	Элементы Восточной культуры	1	0,4
	Всего рисунков	224	100

Таким образом, мы видим, что среди респондентов подчеркнувших свою этническую идентификацию – 42 человека (18,8%), а конфессиональную – 2. Для сравнения в группе респондентов рожденных в моноэтнической семье репрезентировали термин «культура» как этническая культура 40,6%. Однако мы посчитали, что указанный термин может восприниматься респондентами достаточно абстрактно, с чем связан высокий процент рисунков, содержащих универсальные символы культуры. Поэтому вторым понятием, предложенным к изображению, стал термин «этнос» (см. табл.2).

Особый интерес вызвал тот факт, что среди изобразивших символы якутской культуры, респондентов идентифицировавших себя как саха было толь-

ко 52%, остальные идентифицировали себя как русские, эвены, эвенки, саха-ляры, татары и т.д. Таким образом, мы можем предположить, что в данной ситуации на уровне подсознания реципиента влияние двух культур, представленных как в его семье, так и в ближнем окружении оценивается неоднозначно, а изображение символов якутской культуры связано с влиянием доминирующей группы.

Интересен также и результат по группе аморфные изображения. Одним из ярких рисунков этой группы стал «Котопес», который был и изображен и подписан автором. Фактически респондент продемонстрировал имеющийся конфликт на уровне переживаемой идентичности. Отрицательное отношение к этнической идентификации изобразили 2 человек, нарисовав границу, которая разделяет людей.

Таблица 2.

Визуальная репрезентация респондентами термина «Этнос»

№	Группы изображений	Кол-во рисунков	%
	Символы якутской культуры	57	25,4
	Аморфные изображения (лицо без признаков этнической принадлежности, «котопес», «Я», изображение амебы)	52	23,2
	Якутия (образы природы, республиканская символика)	35	15,6
	Множественность	25	11,2
	Символика России, СССР	15	6,7
	Символика народов стран СНГ и Зарубежья	10	4,5
	Символы русской культуры	9	4
	Символы единения (Хоровод, братство)	8	3,6
	Символы современной культуры	5	2,2
	Надписи (русские и чуваша, сахаляры и т.д.)	4	1,8
	Символы разделения (Граница между людьми)	2	0,9
	Церковь как сила объединяющая	2	0,9
	Всего рисунков	224	100

К рисункам изображающим маргинальность респондента можно отнести и надписи: «русские и чуваша», «сахаляры» и др. Последняя идентификация официально в статистике не встречается, однако в группе респондентов стабильно присутствуют до 15% людей идентифицирующих себя с данной этнической группой. Это потомки смешанных браков якутов и славян.

На основе групп изображений по теме «этнос» мы подвели следующие итоги (см. табл.3)

Таблица 3.

Типы идентификации

№	Варианты идентификации	Кол-во	%
---	------------------------	--------	---

1	Этническая идентификация	80	35,7
2	Идентификация не сформирована	52	23,2
3	Человек мира	40	17,9
4	Гражданская идентификация (Республиканская)	35	15,6
5	Гражданская идентификация (Российская)	15	6,7
6	Отрицательно отношение к этнической идентификации	2	0,9

Таким образом, на первом месте по численности оказались рисунки, которые затрагивали тему этнической идентификации респондента. При сопоставлении декларируемой этничности и визуально представленной в рисунке, мы можем констатировать, что среди 59 респондентов обозначивших себя как саха, только 26 изобразили этническую идентификацию, 14 – продемонстрировали себя как граждане Якутии, 2 – России, 7 – Мира, а 6 – создали аморфные изображения, что свидетельствует о существовании внутреннего конфликта. Из 67 русских респондентов – 6 изобразили свою этническую идентификацию, 3 – республиканскую, 7 – российскую, 1 – конфессиональную. 15 – идентифицировали себя как люди Мира, 4 – продемонстрировали свою причастность к народам стран СНГ и зарубежья (что подтверждено описанием национальности их родителей), а 19 респондентов отразили несформированную идентификацию. Особый интерес вызывает тот факт, что 11 респондентов декларирующих себя русскими в рисунке идентифицировали себя с якутским этносом.

Таким образом, 39% из числа Саха и 45% русских респондентов при декларируемой моноэтничности продемонстрировали в работах «безэтническую» идентичность по классификации Е.М.Галкиной. Мы бы в данной ситуации предложили иной термин – мультикультурная идентичность. В. А. Фаворский используя понятия «мироощущение», «миропредставление», подчеркивал важность «образной формы мировоззрения», говорил о предметно-пространственной форме понимания действительности. Мироощущению свойственно очень живое отношение к действительности, по большей части лишенное какой-либо предвзятости и какого-либо схематизма [3]. Так вот в работах 90 респондентов зафиксировано это непредвзятое мультикультурное восприятия мира. Также можно сделать вывод о том, что в ходе исследования мы получили возможность проанализировать индивидуальную проекцию «общего» (понятий «культура» и «этнос»), на уровне личностно переработанного содержания данного понятия для реципиента. Изучение проекции «общего» на данном уровне позволило выявить наличие у части реципиентов, рожденных в смешенном браке внутриличностного конфликта по выбору этнической идентификации. Одним из фактов стало принятие влияния доминирующей этнической группы, при этнической идентификации с «малой». А также было отмечено, что лица, выбравшие в качестве межкультурной стратегии интеграцию, демонстрируют менее агрессивные по содержанию рисунки.

Графическая работа несет на себе не только отпечаток субъективности автора, но и символику бытия, принадлежащую тому миру, в котором он родился и творил. Однако необходимо признать, что переход персональной и культурно-исторической мифологии друг в друга возможен при условии идентификации личности с миром данного бытия на архетипичном уровне, когда личность, не осознавая, воспроизводит те символы и образы, которые ей знакомы с детства. Наше исследование показало, что осознанный выбор декларируемой идентификации в этом случае может не совпадать с переживаемой идентификацией. И результаты использования с этой целью проективных методик является одним из ярких доказательств.

Литература

1. Журавлева. И.А. Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики http://www.perepis2002.ru/talks_gks/
2. Галкина Е. М. Этническая идентичность подростков из национально-смешанных семей (по материалам этносоциологического исследования в Москве). Авт. канд. дис. на соиск. уч. ст. канд. истор. н. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. 30 с.
3. Фаворский В. А. Литературно-теоретическое наследие. М.: Сов. художник, 1988.-С.218

МОЛОДЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ НА РЫНКЕ ТРУДА*

Г. Б. Мошонкин

Институт философии и права СО РАН

В современной России все более актуальной становится проблема трудоустройства выпускников вузов по специальности. Молодые специалисты, окончившие вуз, неизбежно сталкиваются с трудностями при устройстве на работу. Раньше, когда молодые выпускники были уверены в своем будущем и могли планировать карьеру на несколько лет вперед, когда существовало государственное распределение выпускников, была уверенность в том, что молодые специалисты после окончания вуза устроятся на работу по специальности и с достойной (на первое время) зарплатой. На сегодняшний день такой уверенности просто нет. Большинство молодых выпускников идут работать в любые сферы деятельности, зачастую не по своей специальности,

* Статья подготовлена при реализации проекта, поддержанного РГНФ и Администрацией Новосибирской области (грант № 07-03-65305а/Т «Комплексная оценка потенциала инновационного развития региональной системы высшего профессионального образования (на примере Новосибирской области)»)

лишь единицы находят рабочее место, соответствующее профилю полученного образования. Все это дает серьезный повод задуматься над причинами того, почему молодым специалистам не удается устроиться на работу по специальности.

В ходе опроса, проведенного агентством «РейтОР» [1], около четверти старшекурсников негосударственных образовательных учреждений (НОУ) заявили, что, получив образование, они смогут стать бизнесменами, откроют свое собственное дело. Еще около половины старшекурсников этих вузов считают, что им по плечу позиция топ-менеджера. Что касается старшекурсников государственных вузов, то почти половина представителей этой группы (42%) видят себя после окончания учебного заведения на должности специалиста. Еще 28% думают, что смогут попасть в топ-менеджмент вскоре после получения диплома о высшем образовании. С моей точки зрения, подобная статистика позволяет говорить о том, что запросы молодых специалистов не совпадают с реальными предложениями на рынке труда.

Различия между старшекурсниками государственных вузов и НОУ обнаруживаются и при оценке ими возможного размера своей будущей заработной платы. Около трети студентов негосударственных образовательных учреждений всерьез думают, что будут получать более 30 000 руб. сразу после окончания вуза. Те же студенты, кому предстоит получить диплом государственного вуза, более реалистично оценивают свой первоначальный доход. Однако и их мнения разделились. В частности, здесь можно выделить две многочисленные группы старшекурсников: с материальными претензиями 15–25 000 руб. в месяц и более 30 000 руб. в месяц сразу после завершения подготовки в вузе. Это говорит о том, что запросы молодых специалистов в данной области также далеко не всегда совпадают с реальной ситуацией на рынке труда, что опять же, на мой взгляд, является одной из возможных причин того, почему молодому специалисту не удается работу по специальности.

На круглом столе, который прошел в начале нынешнего года в Екатеринбурге по проблемам трудоустройства студентов, много говорилось о том, что инновации очень долго внедряются в систему высшего образования, а в результате подготовка выпускников не соответствует реальным требованиям рынка труда. Рынок труда испытывает потребность в тех специалистах, которых на данный момент система высшего образования просто не готовит. Обобщая, следует сделать вывод о том, что темпы трансформации системы высшего образования не соответствуют темпам научно-технического прогресса и молодые специалисты неизбежно оказываются мало или вовсе невостребованными на рынке труда. Знания, как пишет Б.П. Никитин, имеют «срок жизни», они имеют тенденцию к старению, на наших глазах умирают одни профессии и рождаются новые. Большинство вузов на сегодняшний день осуществляют подготовку специалистов по тем же профессиям, что и раньше, не расширяя круг предоставляемых образовательных услуг, в результате чего компетенции молодого специалиста устаревают раньше, чем он

попадет на рынок труда и предложит эти компетенции потенциальному работодателю.

На мой взгляд, здесь напрашивается вывод, что темпы развития системы высшего образования не соответствуют темпам развития научно-технического прогресса и экономики в целом.. Нельзя не согласиться с С. Гуриевым [2], мысль которого заключается в том, что строить систему высшего образования необходимо таким образом, чтобы она могла выявлять и транслировать сигналы не о вчерашнем, а о завтрашнем спросе на человеческий капитал, - тогда вузам будет легче ориентироваться в составлении образовательных и исследовательских программ. Стоит отметить, что одна из крупнейших международных торговых компаний мира METRO Group, с 2004 г. запустила программу “Metro образование” в России, направленную на подготовку специалистов, способных эффективно работать в новых торговых форматах. [3] Компания сама определяет, чему учить, себе она делегировала и функции оценки качества обучения. Задача учебных заведений – обеспечить набор учащихся на торговые специальности и организовать учебный процесс. Задача учащегося – выбрать то учебное заведение, которое наилучшим образом подготовит для успешной карьеры в выбранной отрасли. Таким образом, работодатель определяет, чему учить, система образования – как учить, молодой человек – где учиться.

Такая и подобные ей система образования, на мой взгляд, способны разрешить проблему востребованности молодых специалистов на рынке труда, поскольку работодатель не только с самого начала задает вектор образования, но и постоянно контролирует ход подготовки, корректируя ее в соответствии с теми потребностями, которые либо есть здесь и сейчас, либо станут актуальными в самое ближайшее время. Тем самым работодатель уверены в том, что получит те кадры, на которые он рассчитывает, а выпускник обоснованно рассчитывает, что устроится на работу по специальности.

Примечания

1. Публикация на сайте “Работа & Зарплата” (<http://www.zarplata.ru>).
2. С. Гуриев. Америка и российское высшее образование // Pro et Contra, 2007, № 2. – С. 42 - 53
3. Секрет фирмы. 2007, № 41(224)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕМОГРАФИИ СЕМЬИ

А. Е. Глушкова

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. Н.Г. Чернышевского (г. Чита)

На протяжении всего 20 века человечество сталкивалось с глобальными проявлениями развития цивилизации, такими как мировые войны, гонки вооружений, целый ряд военных конфликтов, культурные, научно-технические революции и религиозные метаморфозы. Все это оказало влияние на количественный и качественный состав населения нашей планеты. И не смотря на то, что с каждым годом мировое населения увеличивается, ряд государств в конце двадцатого столетия столкнулись с процессом депопуляции.

Демографическое развитие страны ныне все более втягивается под пресс не только внутренних, но и внешних угроз. Без преувеличения можно считать, что самым решающим для сохранения государственности в XXI веке становится демографический фактор.[2] Его значимость проявляется по трем направлениям: укрепление геополитического статуса государства; сохранение территориальной целостности страны; обеспечение национальной безопасности. Нет необходимости доказывать, что с социально-экономическим развитием связана в той или иной мере интенсивность демографических и миграционных процессов. На фоне затяжной и интенсивной естественной убыли (ежегодно теряется 0,6% населения) и уменьшением происходит падение численности населения и, как следствие, сокращение людских ресурсов: репродуктивных, трудовых, образовательных и др.[4]

Возникает закономерный вопрос о причинах возникновения, нарастания и обострения демографического кризиса, принявшего в наши дни поистине трагические формы. Какие социальные силы и факторы вызвали его и каковы, с другой стороны, перспективы его разрешения? Поиск ответов на эти непростые вопросы определяет характер социальных исследований для российских демографов и фамелистов.

Поиск ответов на сформулированные выше вопросы о причинах демографического кризиса и путях выхода из него должен вестись в направлении понимания того, что негативные проявления в жизни семьи и в демографической динамике является результатом действия факторов долгосрочного, фундаментального характера.

В настоящее время насчитывается около двух десятков различных демографических теорий, принадлежащих как западной научной мысли, так и российским ученым. Самыми известными и общепризнанными демографическими теориями, являются следующие: теория (концепция) демографического перехода, теория народонаселения, закон социально-демографической де-

терминации, парадигма помех, теория культурного фактора и теория кризиса семьи как социального института.

Часть из них объясняет негативные тенденции, которые имеют место быть и в современной России, нестабильной экономической ситуацией, низкими доходами населения большей части нашего государства. Доминирует точка зрения, что одна из главных причин наших бед – ухудшение экономической ситуации, и чтобы нация поздоровела, необходимо повысить уровень жизни. Однако, проанализировав динамику смертности за 25 лет (с середины 80-х годов), можно обнаружить, что ни один из экономических показателей не объясняет ее траекторию.[5]

Опыт наиболее развитых стран Запада, где жизненный уровень населения достаточно высокий доказывает, что причиной кризиса демографических процессов является не только экономический фактор, как считает большинство российских исследователей и демографов. В настоящее время все чаще звучат рассуждения о том, что одной из основных причин демографического кризиса является процесс падения значимости социальных ценностей в обществе, и как следствие обесценивание института семьи.

Кризис семьи является ценностным кризисом, кризисом ценностей семейного образа жизни: ослаблением мотивов брака, откладыванием браков, увеличением возраста вступления в брак, ростом сожительства и разводов, сокращением периода деторождения и семейного цикла в целом, массовым распространением малодетности и социальной патологии, связанной с ухудшением семейной социализации новых поколений.

Перехват семейных функций другими институтами, сфокусированность экономики и социума на индивиде (зарплаты и системы престижа), а не на семье – превратили семейную жизнь в домашнее самообслуживание, в чередование циклов гигиены и потребительства.

В этих условиях возникла необходимость социального исследования семьи как важнейшего института общества. Осознание этой необходимости подтолкнуло российских демографов к детальному исследованию института семьи, ее внутреннего климата, созидательной роли, и тех функций, которые до сих пор человечество не смогло заменить функциями никакого другого социального института. Но с исследованием семьи сопряжено много проблем, и главная из них нежелание или неспособность ряда ученых понять значимость семьи в сложившейся исторической ситуации.

Исследование феномена семьи необходимо для возрождения его равноправного положения среди всех социальных институтов, для социального поощрения материнства и отцовства. Это, бесспорно, повлияет на количественное увеличение семей с обоими родителями и несколькими детьми. Повышение статуса семьи может стать тем фундаментальным базисом, который будет способствовать повышению уровня рождаемости путем постепенного перехода от преимущественно малодетного к среднететному типу репродуктивного поведения семей, всесторонне укрепит институт семьи как формы

наиболее рациональной жизнедеятельности личности и ее нормальной социализации.

Литература

1. Антонов А.И. Семья на пороге третьего тысячелетия. Москва.1995. С.43.
2. Антонов А.И. Судьба семьи в 21 веке. Москва. 2000. С . 73.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Москва. 1999 . С . 23.
4. Гундаров И.А. Духовное неблагополучие и демографическая катастрофа // Общественные науки и современность. 2001. №5 . С . 35.
5. Солодовников В.В. Семья: социологическая и социально-психологическая парадигмы // Социологические исследования. 1994. №6 . С . 51.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ В МНЕНИЯХ И ОЦЕНКАХ СИМВОЛЬНОЙ ЭЛИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК ЮЖНОЙ СИБИРИ*

Е. А. Ерохина

Институт философии и права СО РАН

Проблема социокультурной идентичности России питает общественное сознание россиян уже несколько столетий. Однако наиболее остро проблема цивилизационного статуса России вставала в так называемые «кризисные» периоды ее развития. Особенно болезненно процесс обретения этой идентичности протекал в 90-е гг. XX века, с распадом СССР и возникновением новых независимых постсоветских государств. Как показало массовое социологическое обследование, проведенное сотрудниками сектора этносоциальных исследований в регионах Сибири, в ценностных ориентациях представителей славянских и тюркских народов наличествуют общие и типичные для российской евразийской цивилизации черты, весьма устойчивые, несмотря на социальные эксперименты, которые сопровождают историю России на протяжении XX века (1). Поскольку «Евразия» – это не только обозначение локальной цивилизации, но еще и интеллектуальный конструкт, призванный

* Работа выполнена при поддержке экспедиционного проекта СО РАН «Евразия» как метафора российской цивилизации в общественном сознании россиян (на примере народов Республики Алтай и Республики Хакасия) и исследовательского проекта «Цивилизационные константы Внутренней Евразии: ценностные системы и мировоззренческие ориентиры» (совместный конкурс РГНФ и Министерства образования, науки и культуры МНР № 07-03-92203 а/Г).

прийти на смену понятию «постсоветское пространство», привлекательной в исследовательском отношении представляется задача оценки его востребованности как культурной метафоры и политической идеи, выражающей органическое единство российского мира, в общественном сознании россиян – жителей Сибири.

Оценка жизнеспособности «евразийской» метафоры российского мира в системе представлений о России как социокультурном и геополитическом пространстве, задаваемом принадлежностью к локальной цивилизации, была сформулирована в качестве исследовательской задачи в рамках экспедиционного проекта Президиума СО РАН «Евразия» как метафора российской цивилизации в общественном сознании россиян (на примере народов Республики Алтай и Республики Хакасия. Согласно исследовательской гипотезе, евразийские ориентации при определении социокультурной идентичности России, ввиду азиатской специфики сибирского региона, должны были иметь, на наш взгляд, широкое распространение у представителей интеллектуальной элиты национальных республик Южной Сибири. В ходе интервью им предлагалось:

- взглянуть на свой регион как на часть сибирского макрорегиона азиатской части России, оценить геополитический статус Сибири, ее роль в российской цивилизации;
- определить свое отношение к промежуточному «европейско-азиатскому»// «евразийскому» положению России;
- высказать свое отношение к «евразийскому» определению специфики российского мира.

Естественно, что для удобства и интервьюера, и респондентов требовалась тематизация дискурса. Так или иначе, вопросы интервью касались в основном следующих тем: отношения России с соседями, с другими супердержавами и/или региональными лидерами; динамики развития азиатской части России, ее сценариев с учетом взаимосвязи трех компонентов: населения, территории и ресурсов макрорегиона; типа личности, сформированный российской цивилизацией; дилеммы «европейского» и «евразийского» в выборе социокультурной идентичности России. Каждая тема раскрывалась в ответах на последовательный ряд вопросов полужормализованного интервью. В данной статье приводятся мнения, высказанные по поводу «евразийского» определения специфики российской цивилизации, ценностных оснований менталитета россиян, оценки степени органичности российского мира.

Обращение к оценкам и мнениям экспертного сообщества не является случайным обстоятельством. Следует, на наш взгляд, признать убедительной общепризнанную ныне установку, идущую от дискурсивного метода М. Фуко, согласно которой в современном обществе именно экспертное мнение выступает в модусе обосновывающего социальные практики знания. Поэтому в контексте указанного исследования больший интерес для нас представляла интеллектуальная элита, ответственная за производство и продвижение культурных метафор и смыслов, в том числе и идеологического содержания,

в сравнении, скажем, с властной элитой, ответственной за принятие и исполнение конкретных решений.

Опрос проводился в летом и осенью 2007 года, в столицах Республики Алтай и Республики Хакасия – гг. Горно-Алтайск и Абакан. В качестве экспертов приглашались люди, достигшие определенных высот профессионального мастерства и признания в области науки и образования, СМИ, социально-значимой деятельности, располагающие символическим подтверждением своих достижений: лидерской позицией, высоким социальным статусом, «продуктами» собственной профессиональной деятельности в виде монографий, учебников, серии передач на телевидении. Все наши эксперты пользуются авторитетом среди своих коллег.

В числе экспертов, согласившихся высказать свое мнение по указанной проблеме, оказалось 25 человек различного пола, возраста (от 27 до 68 лет), статусного положения. В числе участников исследования – журналисты, преподаватели вузов, деятели науки и культуры, учителя, представители органов власти. Большинство участников исследования – обладатели степени кандидата или доктора наук, представители различных областей знания: филологи, историки, философы, экологи. Этнический состав участников исследования, в числе которых – представителей русской, хакасской, алтайской, казахской, татарской национальностей – учитывает сложившуюся ныне этническую структуру экспертных сообществ Республики Алтай и Республики Хакасия.

Несколько слов необходимо сказать и о самих регионах, где проводилось исследование. Обе республики являются национально-территориальными субъектами Российской Федерации. Обе находятся в зоне Саяно-Алтайского экологического района. Численность населения Республики Алтай составляет чуть более 200 тыс. чел. По территории Республики Алтай проходит государственная граница России с Китаем, Монголией и Казахстаном. Поэтому характеристикой, наиболее полно описывающей специфику региона, является его трансграничность. Причем указанная спецификация относится не только к политико-административным и государственным границам. Дело в том, что Алтай является границей двух географических зон – Южной Сибири и Центральной Азии, местом встречи тюрко-монгольской и славянской субцивилизаций.

Республика Хакасия также является полиэтническим регионом. Но ее следует охарактеризовать скорее как «внутренний» регион. На территории Республики Хакасии проживает более 500 тыс. чел. В отличие от Республики Алтай, где доминирующими сферами занятости являются сельское хозяйство и экологический туризм, на территории Республики Хакасии расположены крупные промышленные и энергетические гиганты, предприятия добывающей промышленности.

Внутренний и трансграничный характер двух указанных регионов проявился и в оценках экспертов степени органичности российского мира. Так, например, ответы представителей экспертного сообщества Республики Алтай на вопрос «Российский мир – это системное единство или, скорее, конгломе-

рат различных в социокультурном и цивилизационном отношении регионов, «скрепленных» государством?» были резко поляризованы. Часть экспертов высказала позицию, согласно которой Россия *«чисто политико-административный проект»*. Противоположная по смыслу позиция была высказана другими экспертом, которые полагали, что единство российского мира – реально существующий факт.

Что касается ответов экспертов в Республике Хакасия, то следует отметить, что в оценке степени органичности российского мира практически все были единодушны в том, что он (российский мир) представляет собой в настоящее время системное единство. Правда, это единство рассматривается как продукт длительной исторической эволюции, а не как некое изначально данное состояние. Сохранение этого единства, согласно мнениям экспертов, требует определенных, весьма серьезных усилий со стороны государства и всего российского народа.

Мнения и оценки в среде экспертных сообществ двух тюркских республик Южной Сибири в отношении евразийской специфики России разделились на два полярных лагеря точно также как, чуть менее столетия назад, разделились позиции сторонников евразийского движения и их противников (в лице последователей философии русской идеи) в стане русской послереволюционной эмиграции.

Дело в том, что 20-30-е гг. XX века в стане русской послереволюционной эмиграции наметился интеллектуальный тренд в осмыслении проблемы социокультурной идентичности России, который заключается в переходе от христианского провиденциализма русской идеи к евразийству. Новым в позиции евразийства в сравнении с философией русской идеи было следующее:

- заострение антитезы Запад – Россия;
- отказ от признания общих с Европой христианских корней;
- слияние двух Востоков – русского православного и азиатского, находящегося на периферии российского мира, в один «великий востокозапад» – «Россию-Евразию».

Евразийцы не просто поменяли полюса в дихотомии «Восток» – «Запад» на прямо противоположные, связав с тюрко-монгольским элементом («Востоком») в развитии российского мира позитивные начала социальной жизни, а с «западным» – негативные. Они изменили плоскость видения проблемы, отказавшись от западничества и славянофильства в пользу евразийской альтернативы.

Эмпирические исследования 2007 года показали, что сознание интеллектуальной элиты национальных республик Южной Сибири по-прежнему находится в состоянии выбора между «европейской» и «евразийской» альтернативами социокультурной идентичности России. Это, на наш взгляд, характерно для сибирской интеллектуальной элиты как части интеллектуальной элиты российского общества. Сохраняется идеал коллективистского бытия, с которым связывается идея общности народов российского мира. В то же время, как предполагают эксперты, российская идентичность, предъявленная

как евразийская, скорее всего, не будет востребована массовым сознанием. Эксперты высказали соображение, что актуальность евразийской идентичности будет зависеть от географических и социокультурных особенностей населения того или иного региона России. Для жителей европейской части России, по их мнению, евразийская идентичность вряд ли когда-либо будет значимой. Скорее всего, считают эксперты, наибольшими симпатиями евразийская идентичность будет пользоваться у жителей азиатской части страны. Однако это предположение требует дополнительных исследований.

Нереализуемость однозначного выбора России между «Европой» и «Евразией» заставляет предположить, что указанная альтернатива представляет собой один из структурных элементов социокультурной динамики современного российского мира. Это наводит на мысль о том, что российская культура имеет свой собственный, детерминированный ее внутренними потребностями источник культурного «напряжения» и социального развития, который в каждый конкретный исторический период реализуется через необходимость выбора между альтернативными принципами государственного уклада, общественной жизни и цивилизационной определенности. Это выбор между принципами нации и империи, либерализма и этатизма, между ориентацией на европейскую или евразийскую социокультурную идентичность.

Примечания

1. Попков Ю.В., Костюк В.Г., Тугужекова В.Н. Этноты Сибиря в условиях современных реформ (социологическая экспертиза) – Новосибирск: Изд-во «Нонпарель», 2003. – 128 с.

Раздел II

Философские исследования

Философия, логика и методология научного знания

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ

А. Ю. Нестеров

Самарский государственный аэрокосмический университет
им. ак. С.П. Королева

Стандартная для аналитической философии формулировка понятия знания вводит его в качестве «обоснованного истинного убеждения» [1]. Эта дефиниция восходит к приводимому Платоном определению знания как «правильного мнения с объяснением»[2], с конца 19-го в. – к дефиниции И.Канта, согласно которой «субъективно и объективно достаточное признание истинности суждения есть знание»[3].

Знание – это убеждение или признание истинности (Fuerwahrhalten), обладающее рядом специфических свойств, наиболее значимыми из которых являются истинность и обоснованность. Термин «убеждение» в современном употреблении, как правило, отсылает к английскому «belief» и синонимичен «вере», «верованию», «мнению», «полаганию»[4]. Б. Рассел даёт следующую дефиницию убеждения (веры): «вера есть совокупность состояний организма, связанных между собой тем, что все они полностью или частично имеют отношение к чему-то внешнему»[5]. Термин И.Канта «признание истинности» («Fuerwahrhalten») раскрывается в диалектике убеждения (Ueberzeugung, субъективная достаточность) и достоверности (Gewissheit, объективная достаточность) как мнение (Meinen), вера (Glauben) и знание (Wissen).

Знание – это определённое состояние сознания, фиксируемое в качестве убеждения или признания истинности и обосновывающее отношение сознания (субъекта) к своему объекту; соответственно знание как состояние сознания нуждается в обосновании как с точки зрения самого сознания, так и с точки зрения объектов, отношение к которым им легитимируется. В первом случае рассуждают о возможности знания как обоснованности убеждения (или признания истинности) в метафизическом ключе. Во втором случае рассуждают о возможности знания как особой характеристики субъект-объектного отношения, допустимого при реализации данного убеждения или признания истинности.

В первом случае обоснования знания мы имеем дело с т.н. герменевтическим принципом доверительности, принципом доверия (милосердия) или принципом понятности. Наиболее общая формулировка этого принципа заключается в том, что обладание убеждением является исходным моментом знания. (Рождение герменевтики как философской дисциплины напрямую связано с критикой суждений, не опирающихся на осмысленные убеждения). В качестве одного из первых применений данного принципа к обоснованию знания как состояния сознания можно указать на тезис А.Августина «верь, чтобы понимать», повторенный А.Кентерберийским в тезисе «я верю, чтобы я понимал». В современном контексте используются, как правило, формулировки Фр.Майера, У.Куайна, Г.-Г.Гадамера или В.Кюнне [6], применяющие принцип доверия для обоснования интерпретации коммуникативных данных или знания, получаемого посредством знака. Обоснованность убеждений (признаний истинности) как состояний сознания является аподиктической по статусу и конвенциональной по содержанию, т.е. зависит от способов собственной фиксации (от способов своего выражения). Перефразируя И.Канта и имея в виду убеждение как «belief» можно было бы утверждать, что для формирования знания как состояния сознания необходимо обладать убеждением (верой), и не очень важно, во что именно верить или в чём именно быть убеждённым.

Во втором случае, выявляя возможность знания в качестве особой характеристики субъект-объектного отношения, необходимо рассматривать обоснование убеждения (признания истинности) в качестве способа установления истинности заданного отношения. Значимые оппозиции, требующие здесь осмысления: историческое и рациональное познание (Аристотель, И.Кант); знание-знакомство и знание-по-описанию (Б.Рассел). В 20-м веке релевантными являются 4 базовых группы теорий истины: корреспондентская, когерентная, дефляционная, консенсусная; понятно, что применимость конкретной теории истины определяется типом заданного субъект-объектного отношения. В качестве последнего терминологического замечания отметим, что эта система отношений (убеждение как состояние сознания, обосновывающее истинность субъект-объектных конструкций), обозначаемая как «знание», является саморегулируемой, т.е. зависимой от состояния каждого из своих элементов.

Вопрос о гуманитарном знании – это вопрос об ограничениях, накладываемых на понятие «знания» в связи с объектом системы отношений, фиксируемых в этом понятии. Сам вопрос связан с противопоставлением знания о природе и знания о Духе, т.е. знания об объектах, данных человеческому сознанию, и о способах данности объектов сознанию. Другими словами, это вопрос, возникающий в противопоставлении классической и неклассической рациональности [7], или в споре об объективности. У нас нет возможности показать здесь историю этого вопроса, поэтому ограничимся попыткой выявить характер ограничений, накладываемых на понятие «знание» определением «гуманитарное».

Гуманитарное знание – это знание о Духе [8], т.е. такое субъект-объектное отношение, в котором субъект является объектом самого себя. Можно было бы отметить, что это философское знание, как оно легитимируется в тезисе «я знаю, что я ничего не знаю», приписываемом Сократу, или тезисе Декарта «*cogito ergo sum*», являющимся основанием рациональной метафизики. В 20-м веке различают язык, сознание и реальность как несводимые друг к другу виды бытия, так что говоря о Духе как об объекте нашего знания, можно сказать, что его реальность – это реальность сознания, его сознание – это рефлексия, его язык – это косвенный язык.

Утверждая таким образом Дух как объект гуманитарного знания мы осуществляем редукцию сложности реального объекта: то, что для знания о природе (о реальности, не являющейся реальностью нашего сознания) выступает лишь инструментом, в знании о Духе становится объектом. Для системы отношений, фиксирующей понятие знания, это выражается в принципиальном снятии корреспондентской теории истины (индивидуальные способы данности физических объектов сознанию не сообщаемы другому сознанию, поэтому внутреннее зрение или внутреннее восприятие не может служить здесь основанием для проверки «гуманитарной» теории, соответственно в корреспондентской теории нет здесь никакой пользы [9]) и, соответственно, в редукции программ обоснования до идеалистических моделей субъективного или объективного толка, допускающих лишь когерентные или консенсусные способы фиксации истинности заданных конструкций.

В свете сказанного нет оснований считать гуманитарное знание чем-то принципиально отличным от того, что считается знанием в иных сферах, к которым применяют понятие знания. Серьёзной проблемой для статуса гуманитарного знания остаётся и соотношение исторического (*ex datis*) и рационального (*ex principiis*): очевидно, что рефлексия может себя осуществлять и по отношению к знанию, как оно вводится в механике или экспериментальной физике, а не только по отношению к общественной жизни, и по отношению к переживаниям индивидуального сознания. Пожалуй, единственной возможностью определения статуса гуманитарного знания является его полезность: поскольку знание о способах данности объектов так или иначе конституирует способы деятельности в отношении этих объектов, т.е. формирует содержание убеждений (или признаний истинности) как состояний сознания, оно требует своего изучения именно как системы знания, в противном же случае оно будет функционировать в качестве системы неосознаваемых навыков.

Примечания

1. Шрамко Я.В. Аналитическая эпистемология // Лебедев М.В., Черняк А.З. Аналитическая философия. М., 2006. С.353.
2. Платон Тэетет // Платон Собрание сочинений в четырёх томах. Т.2. М., 1993. С.272.

3. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Т.3. М., 1994. С.600.
4. См. Лебедев М.В. Княжна Мэри, вам делают суждение // Логос №2 (47), 2005. С. 65-67.
5. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. М., 2000. С.137.
6. Ср. у В.Кюнне: «Интерпретатор конвенционального знака должен считать истинной ту интерпретацию, которая наиболее соответствует предпосылке «совершенства» знака, настолько долго, насколько это будет возможно» Kuenne W. Verstehen und Sinn. Kuenne W. Verstehen und Sinn // Buehler A. (Hrg.) Hermeneutik. Heidelberg, 2003. S.72.
7. Ср. «...«Рациональность» - способность (или, вернее, объединённая система способностей), которая позволяет её обладателю определить то, какие вопросы уместно задать и какие ответы уместно принять...» Патнэм Х. Разум, истина и история, М., 2002. С.263.
8. Dilthey W. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. F.a.M., 1981.
9. По этой причине для позитивизма любые «гуманитарные» языковые конструкции просто лишены значения.

DE DICTO МОДАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ МАТЕМАТИКИ

А. В. Хлебалин

Институт философии и права СО РАН

В философии математики вопрос о природе математической реальности является наиболее интригующим. Хотя, как и в любом другом случае, в философии математики мы сталкиваемся с переплетением гносеологической (природа познания математической реальности), эпистемологической (природа истинности математических утверждений и истоки ее необходимости) и онтологической (в отношении какой реальности математические утверждения являются истинными) проблемы – вновь, здесь эта связь представлена в наиболее явном виде: решение вопроса о природе предмета рассуждения математиков оборачивается метафизическим фурором. Если математические сущности – чем бы они ни были – не могут быть предметом непосредственного восприятия, то любое постулирование существования математических объектов претендует открыть совершенно таинственную сферу существующего, которая, помимо всего прочего, содержит в себе ключ к описанию с помощью необходимых истин окружающей нас чувственной реальности (знаменитая проблема непостижимой эффективности математики). В этой связи вполне ясным становится то, почему природа математической реальности и необходимости математических истин не раз вдохновляли спекулятивную философию на культивирование различного рода «метафизических

джунглей», столь раздражающих взгляд аналитического философа, который – по словам У. Куайна – предпочитает пустынные пейзажи.

Наши характеристики онтологии математики коренятся в анализе математического языка. Только логические исследования последнего могут пролить хоть какой-либо свет на специфику математических сущностей. Так, например, основания в пользу утверждений о существовании специфических, ни к чему не сводимых математических объектов, обладающих набором свойств, обеспечивающих их идентификацию, зачастую черпаются в устоявшейся трактовке теоремы К. Геделя о неполноте арифметики. Этот, пожалуй, один из наиболее известных результатов математической логики в устах интерпретаторов* обращается в окончательный аргумент в пользу реализма математических объектов. Для объективиста математические сущности являются вполне респектабельными объектами: они удовлетворяют критерию Куайна («нет сущности без тождества»), отождествление объектов возможно в силу того, что они обладают набором свойств, обеспечивающих их идентификацию и могут указываться, например, цифрами, выступающими в качестве сингулярных терминов, а модальный характер истинных математических утверждений свидетельствует в пользу *de re* интерпретации истин математики. На основе этой метафизики математических сущностей ее сторонник испытывает сильное искушение обратиться к семантической теории С. Крипке [см.1 и 5] как к основанию для интерпретации семантики математических утверждений**. Именно принятие семантической теории Крипке может быть использовано сторонником этой точки зрения для интерпретации математического знания как необходимых синтетических истин.

Именно такой расхожей точке зрения мы хотим ниже предложить некоторые возражения. Основой для этих может служить интерпретация П. Бенациррафом несовместимости аксиоматик теории множества Неймана и Цермело-Френкеля. Объяснением столь странного положения дел коренится в интерпретации математических сущностей не как объектов, а как структур. Принципиальное отличие объекта от структуры заключается в том, что объекты обладают свойствами «сами по себе», тогда как свойства элемента структуры полностью определяются местоположением объекта внутри структуры – свойства вообще неотличимы от положения в структуре. А зна-

* Речь идет именно о наиболее распространенной *интерпретации* результата Геделя. Здесь мы не претендуем высказывать какие-либо суждения о справедливости этой интерпретации и уж тем более воздерживаемся от характеристики спора, возникшего в последние десятилетия, о значимости теоремы Геделя о неполноте для онтологии математики.

** Нас не должно смущать столь странное соседство самых различных логико-семантических, метафизических и сугубо логических положений в рамках одной «концепции». Разнородность становится уже типичной для любителя спекуляций, который избегает столь необходимого при решении тонких проблем философии математики углубления в технические детали.

чит вся захватывающая метафизическая картина математики, смело нарисованная нашим спекулятивным философом, начинает рушиться. Принятие точки зрения П. Бенацерафа и С. Шапиро [см.2, 3 и 6] на то, что математика имеет дело не с объектами, а со структурами, требует переосмысления понятий, которые казались вполне устоявшимися. Среди первых встает вопрос о тождестве. Понятие тождества является фундаментальным понятием, поскольку предполагается всякий раз, когда задаются вопросами о семантике языка математики или истинности математических утверждений: семантика и онтология в случае математики явно определяют друг друга. Нас интересует связь интерпретации тождества математических сущностей и природы истинности математических утверждений в структурализме. Тесна связь проблемы существования математических сущностей и проблемы их указания очевидна, по крайней мере, со времени работ Фреге. И во многом именно ему мы обязаны признанием того факта, что семантические рассуждения могут служить весомым аргументом в решении онтологических проблем. Онтологический вопрос, сформулированный в духе У. Куайна: «Что есть?», тесно переплетен с семантическими проблемами при решении проблемы объекта - при попытке ответить на вопрос о том, что значит «быть объектом»?

Можно различать два ответа на этот вопрос: семантический и метафизический. Согласно семантическому ответу, объект понимается как возможный референт сингулярного термина (позиция явно сформулированная уже Г. Фреге и поддержанная М. Дамметом), или же, как возможное значение квантифицированной переменной (взгляд У.О. Куайна, выраженный в его лозунге «Быть значит быть значением связанной переменной»). Основная проблема, с которой сталкивается сторонник семантического подхода, состоит в необходимости объяснить возможность пустых сингулярных терминов. Данная проблема отчасти может быть решена адекватной переформулировкой исходного предложения. Кроме того, необходимо учитывать результаты расселовского анализа неполных символов и стратегии Куайна элиминировать сингулярные термины в пользу кванторов. Защите семантического подхода от других возможных возражений служит утверждение о том, что подлинные указывающие выражения всегда опираются на критерий тождества для указываемых или квантифицируемых объектов (наиболее известным в этой связи является лозунг Куайна - «Нет сущности без тождества»). Указанные ограничивающие требования – анализ неполных символов Рассела и стратегия Куайна – ставят пределы неограниченному раздуванию онтологии. Требование критерия тождества для указываемых или квантифицированных объектов сближает сторонника семантического подхода с проponentом классического метафизического ответа на поставленный вопрос.

Метафизический ответ на вопрос о том, что значит «быть объектом» может быть сформулирован следующим образом: «*быть объектом* значит быть сущностью, обладающей *определенными условиями тождества*». [4;511]. Окажутся ли семантический и метафизический ответ одним и тем же ответом, нас не будет интересовать. Для нас существенно то, что, в конечном сче-

те, любая попытка ответить на поставленный вопрос предполагает обращение к проблеме тождества. Среди многообразия формулировок этой проблемы нас будет интересовать только один ее аспект – модальный статус истинных утверждений тождества. Причины этого выбора достаточно очевидны: необходимость истинных утверждений тождества является проблемой, в которой пересекаются проблемы модального статуса математических сущностей и математического знания.

Проблема модального статуса утверждений тождества не раз оказывалась в центре внимания, и один из наиболее интересных способов ее решения был предложен С. Крипке. Как известно, решение Крипке состоит в том, что следует признать необходимость истинных утверждений тождества. Причем само это решение является результатом тесного переплетения семантических и метафизических аргументов. Это решение не раз обсуждалось в литературе, но нам кажется, что его значение для проблем философии математики требует гораздо более пристального внимания, чем ему уделялось. Практически во всех работах С. Крипке присутствуют утверждения о математических понятиях, как правило, именно их он предпочитает в качестве примера своих рассуждений. Исходя только из этого факта нельзя утверждать, что проблемы философии математики являются предметом его специального интереса. Но, как нам кажется, это означает, что метафизические следствия его логико-семантических рассуждений могут быть распространены на традиционные проблемы философии математики. Очертить такие следствия применительно к проблемам философии математики мы попытаемся ниже.

Центральным понятием семантики Крипке является понятие твердого десигнатора, которое он определяет как «термин, который обозначает один и тот же объект во всех возможных мирах». [1;351]. Крипке не однократно указывает, что математические понятия рассматриваются им именно как твердые десигнаторы [см., например, 1;351 или 5;60]. Понятие твердого десигнатора вводится для решения проблемы трансмирового тождества индивидов, возникшей в результате попытки эксплицировать модальные категории с помощью аппарата семантики возможных миров. Понятие твердого десигнатора обеспечивает то, что объект, существующий в различных возможных мирах, имеет одно и то же имя. Крипке особо подчеркивает, что само понятие возможного мира понимается им как исключительно дескриптивные ресурсы языка для спецификации контрфактических ситуаций, и наличие твердых десигнаторов не влечет необходимости существования указываемого им объекта, но единственным случаем, когда мы можем встретиться с необходимостью существования объекта во всех возможных мирах, является именно математика. Таким образом, первым следствием идей Крипке для философии математики является возможность утверждать необходимость существования математических сущностей.

Существенной чертой математических истин является их необходимость, природа которой эксплицируется средствами модальной логики. Различие между *de re* и *de dicto* модальностями является основным для прояснения

природы математических сущностей и налагают разные онтологические обязательства. Согласно М. Джубиену, онтологические допущения модальностей заключаются в следующем: если в $(\exists x) (x = c)$ c соответствует собственное имя, мы сталкиваемся с онтологическими обязательствами, если же c соответствует дескрипция – то нет. В теории С. Крипке имена являются твердыми десигнаторами. Что обязывает нас к *de re* модальности и признанию существованию математических объектов, обладающими существенными свойствами. В этом случае мы вынуждены признать математические сущности объектами, обладающими существенными свойствами, делающие возможным сформулировать для них критерий тождества и указания термином.

Но пример П. Бенацерафа демонстрирует невозможность принятия указанной позиции: если невозможен принцип индивидуации для чисел, тогда свойства математических сущностей определяются их положение, то есть, отношениями между элементами структуры. Принимая структуралистскую точку зрения, мы вынуждены отказаться от возможности рассматривать цифры в качестве имен объектов, обладающих свойствами, на основе которых формулируется критерий тождества объект и критерий указания именем. А как следствие – отказаться от *de re* интерпретации математических истин. В итоге мы должны принять именно *de dicto* интерпретацию и отказаться от объяснения необходимости математических истин через существенность связи свойства и объекта. Необходимость в математике оказывается обусловленной способом «порождения» математической структуры и не накладывает на нас серьезных метафизических обязательств, в отличие от *de re* интерпретации.

Литература

1. Крипке С. Тождество и необходимость. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. М.: Радуга, 1982. – с.340-376.
2. Benacerraf P. What numbers could not be. In: Philosophical Review. 1965, vol. 74, № 1.
3. Benacerraf P. Mathematical Truth. In: Philosophy of Mathematics: Selected readings. 2nd edition. – Cambridge University Press, 1983. – P.403-422.
4. Lowe E.J. The metaphysics of abstract objects. In: The Journal of Philosophy. 1995. Vol. xcii, № 10. – 509-524 pp.
5. Kripke S. Naming and Necessity. Basil Blackwell – Oxford. 1980.
6. Shapiro S. Philosophy of Mathematics: Structure and Ontology.- Oxford University Press, 1997.

НЕАКТУАЛИЗИРОВАННЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ И НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРИНЦИПА ПЕССИМИСТИЧЕСКОЙ ИНДУКЦИИ

А. А. Черезов

Институт философии и права СО РАН

При рассмотрении «основного вопроса» философии науки (вопроса о соотношении теории и реальности) на современном этапе её развития, можно выделить наиболее интересные интерпретации этого вопроса. В каком-то смысле они уже стали классическими, но, в то же время, споры вокруг них не утихают, усложняя формулировки и стимулируя их развитие. Речь идет о таких проблемах, как недоопределенность теории данными, пессимистической индукции, проблеме выбора из множества конкурирующих теорий и т.д.

В постановке этих проблем и возможных путей поиска ответов на них и соответствующих им построенный ключевую роль сыграли (и продолжают играть) представители таких философских направлений, как реализм и инструментализм, имеющих различное понимание о содержании научного знания. Реализм говорит о том, теория предоставляет собой дословное описание того, каким мир является «на самом деле», или, как вариант, что объекты теории реально существуют. Инструментализм утверждает, что теория является удобным инструментом, пригодным лишь для того, чтобы оперировать эмпирическими данными, описывать феноменальный мир и делать успешные эмпирически фиксируемые предсказания. Его основная задача – обосновать то, что научные теории являются просто инструментами для достижения практических целей, а не дословным описанием «скрытой» реальности [1–3].

В длительной полемике реализма и инструментализма были сформулированы различные аргументы и решения обозначенных выше проблем. В отечественной литературе, эта полемика рассмотрена, например в серии статей Головкин Н.В. (См. например [4]). По-видимому, противостояние реализма и инструментализма является вечной философской темой, окончательное разрешение которой, как и любого философского вопроса, невозможно.

Одним из подходов, направленном не только на прошлое развитие науки, но и на его вероятное будущее, является подход, предложенный Стэнфордом в работе [5]. В ней он отмечает, что основная угроза исходит не из фактов истории науки, а из возможностей ее развития, из ее вероятного будущего. Успешность теории не гарантирует соответствия ее объективной реальности. Опасность отказа от теории, даже самой успешной, и признания ее ложной существует до тех пор, пока есть вероятность существования или возможности хотя бы одной альтернативы. Ниже будет более подробно рассмотрена эта точка зрения.

Предварительно, кратко коснемся основных интересующих нас проблем. Суть вопроса недоопределенности, наиболее удачно сформулированная Бой-

дом [6], заключается в том, что для любой нашей теории (даже самой успешной) мы всегда можем найти эмпирический эквивалент. Причем, очевидно, что ситуацию, когда доступные эмпирические данные одинаково «хорошо» подтверждают альтернативные научные теории, представить достаточно легко. Далее, в ходе исторического анализа развития научного знания мы каждый раз убеждаемся в том, что теории, которые были признаны научным сообществом, в определенный период времени, как (приблизенно) истинные, со временем были опровергнуты, а теоретические описания или объекты, постулированные ими, были признаны ложными. Следовательно, у нас нет никаких оснований утверждать, что теории, принятые в настоящее время, не будут опровергнуты в будущем. Эта проблема получила название «пессимистической индукции». «Пессимизм» следует, по выражению Л. Лаудана, из представления о том, что с точки зрения будущих исследований мы должны критически относиться к объектам, постулируемым теориями сейчас, возможно, эти объекты не существуют, мы откажемся от них в будущем [7]. Все выше сказанное подводит нас к мысли о том, что, по крайней мере, с определенной вероятностью, можно считать, что мир устроен «немного не так», как предполагается даже в соответствии с самыми успешными и подтвержденными современными научными теориями.

Однако, в то же время, непонятным остается сам пафос, почему мы должны верить в то, что действительно возможны такие ситуации (и они были в истории науки), когда существуют принятые научным сообществом одинаковым образом подтвержденные альтернативы. Стоит ли заикливаться на поиске эмпирических эквивалентов? И почему, отмечая, якобы, ложность прошлых теорий, мы должны сделать вывод о том, что современные наши успешные теории так же окажутся ложными? С другой стороны, наши основания для веры в данную теорию были бы не менее строго оспариваемые, если бы мы полагали, что есть одна или более альтернатив, которые эмпирически эквивалентны ей, но тем не менее совместимы и одновременно хорошо подтверждены всеми фактическим материалом, который у нас есть на данный момент.

Итак, классическая пессимистическая индукция указывает на то, что успешные в прошлом теории, оказываются в последствии ложными, из чего следует, что у нас нет никакой причины думать будто современные хорошо зарекомендовавшие себя теории не постигнет та же участь.

В отличие от такого способа рассуждений, Стэнфорд предлагает свой вариант, названный им «новой индукцией в истории науки» [5, стр. 19]. Во всей истории науки, практически в каждой научной области, мы неоднократно наблюдаем одну и ту же эпистемическую ситуацию, когда развивался только один способ теоретического описания эмпирических фактов, который хорошо подтверждался доступными данными, в то время как последующее развитие науки приводило в дальнейшем к появлению радикально отличных альтернатив, которые также находили эмпирическое подтверждение. Стэнфорд полагает, что неоднократно в истории науки под давлением появлявшихся

аномалий обнаруживали себя новые теоретические подходы, которые вообще говоря могли появиться и раньше, на базе уже имевшихся эмпирических данных, т.е. носившее характер предварительно «неактуализированных альтернатив».

Стэнфорд приводит достаточное количество исторических примеров переходов (от теории флогистона к химии кислорода Лавуазье, от корпускулярной теории света к волновой и т.д.), свидетельствующих о том, что имевшиеся данные и аргументы в поддержку каждой более ранней теории в конечном счете, как оказалось, точно также поддерживали одну или даже более конкурирующих теорий, не предполагаемых на более раннем этапе развития науки. Таким образом, история процесса научного познания указывает на то, что достаточно часто существуют альтернативы нашим лучшим теориям, которые одинаково хорошо подтверждаются уже имеющимися данными, даже когда мы неспособны помыслить их (сактуализировать их) в данный исторический момент времени.

Здесь возможно возражение, что необходимо время для оценки новой теории и даже, возможно, изменение некоторых второстепенных деталей прежде чем новая альтернатива справедливо может быть расценена как предварительно «неактуализированная альтернатива», т.е. возможная на уже имевшемся эмпирическом материале, но первоначально не реализованная. Однако, это возражение игнорирует положение «новой индукции» Стэнфорда, что в таких случаях все имевшиеся данные, доступные во время принятия более ранней теории, предполагают одновременно и поддержку позже принятой альтернативы.

Вообще, теория не должна объяснить все, что объясняет конкурентная теория, чтобы она могла считаться поддержанной всем количеством доступных данных. «Аристотелевская механика использовалась, чтобы объяснить поколение котлов и формирования человеческих обществ, в то время как ньютонова механика не имела таких объяснительных амбиций» [5, стр. 22]. Теории могут просто иметь другие достижения и/или очевидные аномалии. Таким образом, указание на конечную несоизмеримость теорий не должно нас беспокоить.

Таким образом, проблема неактуализированных альтернатив касается альтернатив нашим лучшим научным теориям, но иным способом нежели идет поиск эмпирических эквивалентов. Для Стэнфорда важно даже не то, что лучшие научные теории любого более раннего периода, оказываются, ложными, а важно само беспокойство о том, что мы должны серьезно относиться к вероятным конкурентам даже самых проверенных и надежных теорий.

При рассмотрении позиции Стэнфорда возникает ряд вопросов. Во-первых, история развития науки носит не хаотичный характер. Появление новой теории – это не абсолютно стохастический процесс. Можно утверждать, что существует некоторая связь, логика развития (внутренняя и внешняя) между ранней, впоследствии оказавшейся ложной, теорией и последую-

шей теорией, ее наследницей. Если это так, то становится проблемой статус новых теоретических построений, которые, строго говоря, не были действительно вероятными альтернативами по отношению к их предшественникам. Во-вторых, реалисты могут утверждать, что возможно знание о том, когда наши численные расчеты некоторых показателей, по крайней мере приблизительно, истинны, вопреки большому перечню фундаментальных ошибок прошлых научных теорий, обладавших научным успехом. Исходя из этого, мы имеем хорошую возможность ответственно судить об истинности некоторых теорий, даже если им есть серьезные альтернативы, которые пока что остаются неактуализированными.

Итак, мы рассмотрели новый серьезный аргумент, указывающий на то, что мы должны серьезно сомневаться в том, насколько правильно наши теории описывают окружающую нас действительность. Подход, предложенный Стэнфордом, направлен не только на прошлое развитие науки, но, опираясь на ее историю, анализирует возможное будущее современных научных теорий.

Резюмируя, можно сказать, что, по мнению Стэнфорда, существует мало проанализированный сильный аргумент против реализма. Основная угроза исходит не из фактов истории науки, а из возможностей ее развития, из ее вероятного будущего. Не стоит искать альтернативные теоретические описания фиксированного набора эмпирических данных, чтобы лишний раз указать на конкретный случай эмпирической недоопределенности, гораздо опаснее для реализма, по мнению Стэнфорда, просто указать на возможность существования альтернативной теории, которая может быть разработана в будущем. Т.е. основная угроза исходит не из прошлого развития науки, а из возможностей будущего. Нет никаких оснований предполагать, что «еще не помысленное» не опровергнет, или по крайней мере не составит существенной конкуренции тому, что мы уже измыслили. Реалистов должна беспокоить мысль о том, что и прошлые и современные теоретики не исчерпали всего пространства хорошо-подтвержденных возможных теоретических объяснений явлений.

Литература

1. *Mach E.* The Science of Mechanics. Chicago: Open Court Publishing, 1893.
2. *Poincare H.* Science and Hypothesis. N.-Y.: Dover, 1950.
3. *Duhem P.* The Aim and Structure of Physical Theory. Princeton: Princeton Univ. Press, 1954.
4. *Головкин Н. В.* Натурализация эпистемологии и основные аргументы в пользу научного реализма // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Философия. Том 4. Вып. 2. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2006. С. 51–57.
5. *Stanford K.* Exceeding Our Grasp. Science, History, and the Problem of Unconceived Alternatives. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.

6. *Boyd R.* The current status of scientific realism / Scientific realism. Ed. by J. Lepplin. Berkeley: Univ. of California Press, 1984. P. 41–82.

7. *Laudan L.* A confutation of convergent realism // Philosophy of Science. Vol. 48, 1981. P. 19–49.

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАТУРАЛИЗМА В ЭПИСТЕМОЛОГИИ ПРАВА

А. Б. Дидикин

Институт философии и права СО РАН

Аналитическая философия права на рубеже веков развивается в большей степени под воздействием не отраслевых юридических наук, а под влиянием общих закономерностей научного познания, изменением научных представлений о моделях объяснения и научной рациональности в целом. Одним из важнейших факторов развития аналитической философско-правовой традиции в настоящее время становятся попытки прямого применения философской и научной аргументации основных концепций философии науки к анализу традиционной философско-правовой проблематики. В этом смысле классические вопросы о понятии и сущности права, соотношении права и государства, природе правовой системы и способах изучения правовой реальности в настоящее время могут быть сведены к постановке наиболее значимой теоретико-методологической проблемы – какие *модели юридического объяснения* используются в процессе изучения философско-правовых вопросов, и каковы теоретические ограничения и постулаты, формирующие научные представления о правовой реальности. Тем самым конкуренция основных методологических подходов в философии права XX в. (натурализм, позитивизм, реализм) превращается в научную дискуссию о поиске наиболее обоснованной аргументации, модели юридического объяснения и оценки процесса «*натурализации юриспруденции*», что выступает основанием для появления эпистемологии права как специфической области философско-правового знания.

Впервые использование философской программы «натурализации эпистемологии» в сфере юриспруденции наблюдается в работах Б. Лейтера, в которых он стремится дать собственную оценку достижениям американского правового реализма с позиции формирования натурализованной эпистемологии права. При этом Б. Лейтер полагает, что реалисты приводят аргументы в пользу необходимости создания «натурализованной юриспруденции, которая избегает анализа понятий в пользу постоянства эмпирического исследования» [1]. Обоснование такого утверждения в данном случае требует существенного изменения юридической аргументации и исследования различных значений термина «натурализм» в области философии науки и философии

права в контексте процедур натурализации эпистемологии. В дальнейшем различные интерпретации натурализма будут представлены с точки зрения критического анализа работ Б. Лейтера и с позиции научного исследования возможностей выявления таких форм натурализма в области юридического знания [2].

Философское и философско-правовое понимание натурализма в его классическом выражении значительно расходятся. В философии права термином «натурализм» обозначаются естественно-правовые теории античности, средних веков и Нового времени независимо от их внутреннего содержания. Ключевым положением при этом является то, что в структуре правовой реальности необходимо выделять наряду с позитивным правом (правовыми нормами, установленными государством и не существующими вне государства) сферу естественного права (представления о морали и справедливости; право, имеющее природное происхождение и действующее наподобие законов природы; неотчуждаемые права, присущие человеку как природному и социальному существу) [3]. Такое понимание натурализма становится основой для появления множества метафизических концепций естественного права в XVI-XVII вв. и в эпоху Просвещения. В дальнейшем позиции классического натурализма в праве пересматриваются в связи с появлением концепций юридического позитивизма, общее утверждение которых состояло в том, что естественное право относится к области морали и не имеет юридического значения, а исследоваться должно, прежде всего, позитивное право и его отдельные элементы. Такое положение ограничивает юридическую сферу действующими источниками права, которые применяются при наличии специального признания и санкции со стороны государства и общественных институтов.

Несмотря на доминирование позитивизма в отраслевых юридических науках сохраняется базовое утверждение онтологического натурализма (Дж. Локк, Т. Джефферсон) о наличии у индивида естественных и неотчуждаемых прав, существование которых предшествует воздействию норм позитивного права на поведение индивида. Данный тезис имеет существенное значение для юридической практики, развития международного и внутригосударственного права, но остается теоретически ограниченным установками и аргументацией правового позитивизма [4]. Но помимо данного тезиса Б. Лейтер указывает на специфику методологического натурализма, который формируется в философии науки в концепциях У. Куайна и его аргументах против фундаменталистских программ научного познания [5].

Методологический натурализм выступает философской позицией, которая позволяет дать альтернативные ответы на вопрос о реальности объекта научного познания. В частности, *онтологический натурализм* основывается на существовании только физических явлений, познаваемых методами естественных наук. Тем самым из позиции физикализма следует, что в социальных науках общество как объект познания не существует в качестве единого целого, а представляет собой совокупность индивидов. Соответственно, в

юриспруденции концепции *нормативного методологического натурализма* (юридический позитивизм и неопозитивизм) направлены на обоснование эмпирических методов изучения судебных решений как актов правоприменения, способов доказывания и оценки доказательств. Основу нормативности в данном случае составляют юридические нормы (правила) как необходимое условие обоснования судебного решения, поэтому позитивистские концепции образуют «фундаменталистскую» модель юридического объяснения. Помимо этого в XX в. сохраняют свое значение и возрождаются *классические формы натурализма*, в частности в скандинавском правовом реализме (А. Росс), когда правовые явления изучаются через категории и понятия психологии. Реализм в такой интерпретации допускает возможность натурализации философско-правового знания даже без критики априорности юридических правил. Однако реальная попытка натурализации юриспруденции, по мнению Б. Лейтера, осуществляется именно в американском правовом реализме. Третьей формой становится *концептуальный натурализм* (аналитические концепции естественного права), основной постулат состоит в том, что в процессе толкования юридических норм возможно выявление их морального содержания и, соответственно, интерпретации значений этических категорий и понятий. Естественное право в этом случае воплощено в позитивном праве и составляет неотъемлемую характеристику позитивной правовой системы.

В отличие от онтологического натурализма *семантический натурализм* характеризуется тем, что философский анализ понятийного аппарата науки сводится к эмпирическому изучению объекта научной теории, т.е. по существу философское исследование представляет собой подобие эмпирического исследования, направленного на описание явлений научной теорией. Семантические формы натурализма фактически не были распространены на юридическую науку из-за нормативности позитивистской методологии права. Таким образом, наиболее радикальной современной версией натурализма в правоведении, допускающей критику нормативности правовых правил, становится именно американский правовой реализм, что, по мнению Б. Лейтера, позволяет применить аргументы У. Куайна в юридической сфере: 1. критика априорности; 2. критика фундаменталистских программ научного объяснения; 3. идея «возвращения психологии».

Критика априорности юридических правил в американском правовом реализме основывается на утверждении, что содержание правовых правил определяется реальной практикой их применения судебными и административными органами власти в процессе принятия юридически значимых решений. В то же время на процесс принятия судебного решения оказывают влияние социологические, психологические и экономические факторы, поэтому обоснование юридических выводов невозможно путем традиционной ссылки на действующие правовые нормы. Их научное объяснение должно основываться на материалах реальной судебной практики, и в этом смысле является предметом натурализованной юриспруденции. Однако в концепциях методологического натурализма содержатся дополнительные аргументы в пользу

натурализации юридического знания: «преемственность результатов познания» (философско-правовые утверждения обосновываются данными отраслевых юридических наук) и «преемственность методов» (философско-правовые теории опираются на наиболее эффективные специальные юридические методы, определяющие способ объяснения правовых явлений). С позиции Б.Лейтера аргумент У. Куайна против априоризма позволяет объяснить значение американского правового реализма в развитии юриспруденции и его эффективность. Тем самым основной постулат реалистов состоит в том, что правовые решения требуют эмпирического обоснования.

Но особенности романо-германской и англо-саксонской правовых систем даже в условиях интеграции и взаимодействия не позволяют однозначно утверждать об ошибочности «юридического формализма» и отсутствии нормативности юридических правил. Законы как основные источники права в романо-германской правовой системе содержат, прежде всего, правовые нормы как стандарт и модель должного развития общественных отношений. Любое правовое решение независимо от его социальной обусловленности оценивается с позиции именно законодательства и в любом другом случае не является правовым. Таким образом, социальные факторы сами по себе не позволяют дать адекватное научное объяснение правового явления. В то же время в англо-саксонской правовой системе прецеденты вышестоящих судов не только *вводят ограничения* на толкование норм Конституции США и законов, но и являются *нормативной* основой принятия любого судебного решения. В этом смысле позиция реалистов не опровергает основные постулаты юридического позитивизма (объяснение на основе правил) даже при использовании аргументов о «судейском усмотрении» (Р. Дворкин) и «практике применения правил должностными лицами» (Дж. Рэз) [6]. Наиболее адекватной становится сформулированная Г. Хартом в «Постскриптуме» позиция, позволяющая включить в систему логически взаимосвязанных «первичных и вторичных правил» «правовые принципы», которые оцениваются по степени значимости судьей при принятии решения [7]. Это позволяет сохранить нормативность правовых правил.

Классической «фундаменталистской» моделью юридического объяснения, подлежащей критике в правовом реализме, является позитивистская модель, где разграничение юридических и неюридических норм (правил) проводится по источнику происхождения (для юридических норм необходимо соблюдение парламентских процедур законотворчества) [8]. Критика в данном случае основана на аргументах о существовании «внепозитивного естественного права» (Л. Фуллер, Дж. Финнис) и реалистическом утверждении, что моральные и политические решения *полностью определяют* юридические выводы судей и иных должностных лиц (Р. Дворкин) [9]. Примером проявления кризиса юридического позитивизма являются аргументы Джозефа Рэза против неопозитивистской доктрины Г. Харта: содержание «правила признания», имеющего высшую юридическую силу в системе правил, вытекает не из социальных фактов и источников происхождения, а из реальной

практики применения должностными лицами этого правила для разрешения споров. Критерий законности в данном случае конвенционален и не сводится к соблюдению действующих правовых правил [10].

Американский правовой реализм в качестве решающего аргумента против юридического позитивизма вводит «тезис о неопределенности юридических правил»: правила неопределенны по содержанию и подлежат специальной судебной интерпретации в процессе создания прецедентов, которые изменчивы. Отсюда следует невозможность объяснения судебного решения на основе законов и иных юридических правил и, как отмечает Б. Лейтер, эффективнее заменить позитивистскую теорию законности на эмпирическую теорию судебного решения. Следовательно, теория судебного решения должна быть *описанием* причинных связей между фактическими ситуациями и реальными судебными решениями без апелляции к нормативно-правовым основаниям. Это становится этапом натурализации юриспруденции как научной дисциплины.

Однако позиция реалистов не позволяет опровергнуть нормативность и использование юридической логики в судебных решениях. Влияние моральных и политических факторов не исключает применения логической аргументации и формализма в процессе обоснования в мотивировочной части содержания окончательных выводов суда. Такая процедура представляет собой неотъемлемую характеристику любого судебного процесса, а ее нарушение влечет пересмотр, либо отмену судебного решения. Тезис о неопределенности правил также не является верным, поскольку содержание законодательства становится более определенным под влиянием обязательных к исполнению правовых позиций конституционных и верховных судов, которые по существу конкретизируют положения законов.

В конечном итоге натурализация эпистемологии права как раз и предполагает признание «антифундаменталистской» позиции: правовые основания (правила) не предопределяют решение спора и не позволяют обосновать юридические выводы. Натурализованная юриспруденция, таким образом, превращается в один из разделов социологии (а юридическое знание в разновидности социологического, психологического и иного социального знания). Однако нормативность, по мнению Б. Лейтера, сохраняется только в отношении понятия права, которое фактически используется в судебной практике, что является важным ограничением позиции реалистов. В действительности нормативность правовых норм сохраняется на разных этапах юридической деятельности и механизма правового регулирования: «презумпции» позволяют предсказывать отдельные варианты юридически значимого поведения, а «фикции» - моделировать возможные ситуации. Кроме того, функция юридических правил состоит в определении правового статуса судей и иных должностных лиц (наделение властными полномочиями конкретных социальных субъектов), ограничений судебской деятельности (регламентация судебных процедур, делопроизводства, способов доказывания и оценки доказательств) и в обеспечении единообразия судебного толкования нормативно-

правовых актов. Субъективность оценки доказательств не имеет существенного значения ввиду наличия множества инстанций и возможностей устранения «судебных ошибок».

Литература

1. Leiter B. American Legal Realism // Public Law and Legal Theory Research Paper. - 2002. - Vol.042.
2. См.: Дидикин А.Б. Натурализация эпистемологии в юридической сфере: критический анализ философско-методологического проекта Б. Лейтера // Материалы Летней философской школы «Голубое озеро-2006». Наука и философия в Сибири – Новосибирск, 2006.
3. См.: Дидикин А.Б. Концептуальный натурализм в философии права и логическая структура отраслевой юридической науки // Труды МНСК «Студент и НТП». – Новосибирск, 2006; Фуллер Л.Л. Мораль права. – М., 2007.
4. См.: Дидикин А.Б. Методологический анализ оснований международного права в неопозитивистской теории Г. Харта // Международное сотрудничество России и ее субъектов: история и современность. Сб. трудов. – Новосибирск, 2005.
5. См.: Naturalistic Epistemology. A Symposium of Two Decades. – D. Reidel Publishing Company, 1987; Hookway C. J. Naturalism and Rationality// University of Sheffield (www.sheffield.ac.ru); Feldman R. Naturalised Epistemology (2001) // Stanford Encyclopedia of Philosophy (www.plato.stanford.edu); Аналитическая философия. – М., 2006.
6. См.: Дидикин А.Б. Философия права Р. Дворкина и современный либерализм: от натурализма к реализму // Актуальные проблемы социальных и гуманитарных исследований. – Новосибирск, 2006.
7. Hart H.L.A. Concept of law. Second edition. – Oxford, 1994; Харт Г. Понятие права. Перевод с англ. Е.В. Афонасина, А.Б. Дидикина. – Спб, Изд-во СПбГУ, 2007.
8. См.: Афонасин Е.В., Дидикин А.Б. Философия права. – Новосибирск, Изд-во НГУ, 2006.
9. См.: Дидикин А.Б. Методология практической рациональности и метафизика общего блага в философии права Дж. Финниса // Наука. Технологии. Инновации. 2006. Материалы конференции. – Новосибирск, Изд-во НГТУ, 2006.
10. См.: Dworkin R. Judicial Discretion // Journal of Philosophy. – 1963. Vol.60. No.21. P.624-638; Dworkin R. Is law a system of rules? // Philosophy of Law. Edited by R. Dworkin. – Oxford, 1977. – P.38; Dworkin R. Objectivity and Truth // Philosophy and Public Affairs. – 1996. – Vol.25. – No.2. P.87-139; Dworkin R. Taking Rights Seriously. – Harvard, 1977 (Рус. перевод: Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004).

ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОГО МИФА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Е. А. Рузанкина

Новосибирский государственный технический университет

Развитие современной историографии связано с формированием и функционированием в ней неклассического идеала научности. Неклассический идеал научности в исторической науке исходит из принципа истории-проблемы, согласно которому изучаемая историческая реальность перестает быть неизменной данностью и оказывается ответом на поставленные историком вопросы, познание перестает быть отражением и превращается в активное взаимодействие историка и истории; возрастает значение связи знания и ценностно-целевых структур, то есть социальной значимости научного продукта неклассического типа, ибо он становится ответом на наиболее острые вопросы современной жизни. Возникают новые методологические инструменты, позволяющие исследовать историческую реальность с новых, неклассических позиций.

Модель исторической дисциплины, предложенная Й. Рюзенем [1] отражает значение социокультурного аспекта исторического знания, не учитывающегося на классическом этапе развития истории. Историческая наука в этой модели выступает как сложный синтез обращения к прошлому в трех различных измерениях: эстетическом, политическом и познавательном. Эти измерения устанавливаются при рассмотрении особых взаимоотношений между факторами исторической науки. «В отношении между интересами и функциями исторические исследования реализуют *политическую стратегию коллективной памяти*. Она помещает исследования историков в область борьбы за власть и делает их необходимым средством обоснования и развенчания всех форм господства и управления. В отношении между концептами и методами осуществляется *познавательная стратегия производства исторических знаний*. Эта стратегия обосновывает научный характер исторических исследований. Она подчиняет дискурс истории правилам методического доказательства, концептуальному языку, проверке опытом и достижению согласия рациональными средствами. В отношении между формами и функциями воплощается *эстетическая стратегия поэтики и риторики исторической репрезентации*. Эта стратегия погружает историческое знание в подробности современной жизни, наделяя его силой для того, чтобы двигать разум посредством культурной ориентации» [1, с. 14]. Синтез трех стратегий поддерживает порядок истории как интегральной части культуры. Предложенная Й. Рюзенем схема отражает как тот факт, что работа историка зависит от практической жизни, так и то, что она имеет собственную сферу для достижения знаний вне практических целей жизненной ориентации. Схема

объясняет, почему история всегда переписывалась и почему, в то же время, существует прогресс в реализации познавательной стратегии.

В современной польской методологии истории в качестве инструмента выступает категория исторического мифа, не использовавшаяся ранее в силу противоречия идеалу классической науки. Историческая мифология, отражая *политическую стратегию коллективной памяти*, не вписывается в правила *познавательной стратегии производства исторических знаний*, действующие на классическом этапе развития истории. Однако неклассический идеал научности позволяет сделать исторический миф предметом научного исследования: «задача осмысления роли мифического элемента в историческом знании оказалась для польских историков достаточно актуальной» [2, С. 19], в силу национальной специфики историографии.

Основания научности неклассического исторического исследования включают в себя обязательную гносеологическую и методологическую рефлексию ученого: «Саморефлексия историка становится сегодня столь же нормативной как в свое время верификация» [3, с. 11]. В гносеологической рефлексии польских ученых-историков выявляется признак перехода на неклассические позиции в историческом познании: приоритетным становится восприятие истории, по выражению Е. Матерницкого, не как сферы «холодных научных изысканий», а как «предмета культа, источника веры и надежды на лучшее будущее» [4, s. 66]. Польские теоретики историописания предмет своей рефлексии сделали исторические мифы, и, осознав невозможность полной элиминации мифологического элемента из научного исторического исследования, отнеслись к мифам как к реальности с целью изучения и «нейтрализации их влияния на ход исторического исследования и форму исторического повествования» [5, s. 26.]. Данная позиция историка позволяет исключить «его осознанное или неосознанное участие в профессиональном воспроизводстве старых и создании новых мифологем» [2, с. 23]. Таким образом, экспликация ценностных ориентаций ученого-историка, осуществляемая в польской теории истории с помощью понятия «исторический миф», выступает неотъемлемым элементом неклассической парадигмы польской исторической науки и становится одной из актуальных задач научной практики.

Примечания

1. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М.: Едиториал УРСС, 2001. С. 8-26.

2. Карнаухов Д.В. Исторический миф как фактор стереотипизации взаимного восприятия поляков и русских // Полонии в Сибири, в России и в мире: проблемы изучения. Материалы международного научного симпозиума (Ир-

кутск, 8-12 сентября 2004 г.) / Редкол. Шостакович Б.С. и др. – Иркутск: Изд-во ООО «Мегапринт», 2006. С. 17-31.

3. Чеканцева З.А. Противоречия современного историописания и задачи гуманитарного образования. // Гуманитарное образование в Сибири. Проблемы и опыт работы преподавателей. Новосибирск. 2000. С. 9-14.

4. Maternicki J. Mity historyczne, ich geneza, struktura i funkcje społeczne // Metodologiczne problemy badań nad dziejami myśli historycznej / Materiały konferencji naukowej w Krynicy w 1989 r. – Warszawa: Uniw. Warszawski, Zakład Hist. Historiografii i Dydaktyki Hist., 1990. s. 66-80.

5. Topolski J. Mity a problem prawdy historycznej // Historia, mity, interpretacje. – Łódź: Wydawn. Uniwersytetu Łódzkiego, 1996.

ТИПЫ (ОБРАЗЫ) РАЦИОНАЛЬНОСТИ В НЕКОТОРЫХ ФОРМАХ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Е. А. Колмакова

Омский государственный аграрный университет

Постановка проблемы, связанной с выделением разнообразных типов рациональности, характерна для XX столетия. До этого, начиная с Нового времени, считалось, что наука воплощает в себе рациональность в завершенном виде.

По мере снижения статуса науки стали появляться расширенные трактовки рациональности. Не лишены разума были признаны формы духовной деятельности, ранее считавшиеся нерациональными: политика и политическая идеология, право и правосознание, мораль и нравственность, религия и мифология, искусство и художественное сознание.

Мы полагаем, что основные формы общественного сознания могут быть сведены к трем типам рациональности, которые мы назвали: объясняющая рациональность, коммуникативная и деятельностная. Науку мы рассматриваем как последовательную смену вышеназванных типов рациональности: знание проходит путь от объясняющей рациональности (в классическом естествознании) через коммуникативную (в неклассической науке и гуманитарном знании в период его становления) к деятельностной рациональности в современной постнеклассической науке.

Объясняющая рациональность. Объяснение – одна из функций науки. Позитивисты XIX века определяли: объяснить значит найти причины, для чего служит так называемый специализированный опыт: исследователь создает ситуацию, где вещь воздействует на другую вещь, а человек лишь наблюдает со стороны. Из опыта индуктивным путем выводятся законы, которые есть обобщение опыта. Здесь главное условие получения объективно-истинного

знания – элиминирование всего, что относится к субъекту и его деятельности.

Исторически первый вид мировоззрения – мифология тоже объясняет мир. Вернее, с мифами связаны первые попытки объяснения, которые наука продолжила позже. Как миф объясняет мир? Прежде всего, он ищет причину, источник всего сообразно своей логике – «логике чудесного», как назвал ее А.Я. Голосовкер. Роль категориального аппарата выполняют ряды противоположностей: правого-левого, неба-земли, света-тьмы, мужского-женского... В то же время события мифа как некая схема позволяют интерпретировать социальную среду; это нечто трансцендентное, которое существует вне мира, как и идеи Платона. «Прасобытия» мифа «отпечатывают» первоначальную временную последовательность событий, так что они «постоянно повторяются в отраженной форме».[1]

Помимо мифологии и науки, теология строится на объяснении. Она пытается научно обосновать и объяснить веру в Бога, ее высказывания выводимы одно из другого, для чего теология привлекает философию, различные исторические или герменевтические дисциплины. Русский философ С.Н. Булгаков исследует религию на основе научно-философской терминологии: у веры есть свой опыт, свои основания, закономерности, предмет (Бог).

Бесспорно, в повседневной жизни мы объясняем много раз в день различные явления, события, поступки. Мы ищем причины. Однако что касается сферы взаимодействия людей – как непосредственного, так и опосредованного, здесь на первый план выступает интерпретация.

Коммуникативная рациональность. Исследуя данный тип рациональности, мы опираемся на концепцию «коммуникативного действия» Ю. Хабермаса. Под этим действием подразумевается взаимодействие субъектов с целью достижения взаимопонимания. Данный тип рациональности характерен, в первую очередь, для гуманитарного познания и искусства. Культура есть набор символов. И если восприятие физического процесса есть отношение к объекту, то «восприятие» символического выражения предполагает установление интерсубъективного отношения с производителем этого выражения. М.М. Бахтин, говоря о диалогичной природе гуманитарного знания и искусства, использовал понятие «текст» как «всякий связный знаковый комплекс». Объект социальной реальности, художественная книга, и даже человеческий поступок – все это тексты, которые нужно читать в контексте своего времени. Объект познания – индивидуальное и единичное, которое нельзя подвести под общее. Отсюда особый метод познания такого рода объектов – понимание или герменевтика. А также в процессе научной коммуникации устанавливаются «критерии научной значимости», так называемое предположение социальных норм, ведь понимание зависит во многом от стандартов, а объективных эталонов – весов, часов и т.д. здесь нет и быть не может.

Деятельностная рациональность. Наука сегодняшнего дня характеризуется нами как деятельностная рациональность. Основой для такого понимания является концепция М. Вебера о целерациональном действии как выс-

шем проявлении рациональности. Он выдвинул идею о том, что так называемый иудейско-христианский способ отношения к миру, который появился на Ближнем Востоке, а затем вместе с религией перекочевал в Европу, позже – в Америку, содержит установку на овладение миром – деятельность, направленную вовне.

Обозначенная Вебером установка в наиболее полном виде воплощается в современной постнеклассической науке, характеристики которой следующие: множественные способы объяснения, мультивариативность научного дискурса, нелинейный характер мышления, мультипарадигмальность наук. Кроме того, сегодня существенно возросла роль прикладных исследований по отношению к теоретическим, что отражает ориентацию на результат и практическое применение любых знаний. А.П. Огурцов определяет данный тип рациональности как «динамическая» рациональность. Мы же полагаем, что определение «деятельностная» более отражает суть проблемы, так как сегодня все возрастает роль именно человеческой активности.

Литература

1. См.: Хюбнер К. Прогресс от мифа, через логос, к науке? / К.Хюбнер // Научные и вненаучные формы мышления [Эл. ресурс] <http://www.philosophy.ru/iphras/library/ruspaper/HUEBNER1.htm>

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПОНЯТИЯ «КАРТИНА МИРА»

Ю. С. Рудакова

Горно-Алтайский государственный университет

Определение места человека во Вселенной связано с построением картины мира как упорядоченной целостности, синтезирующей разнообразные знания на основе системообразующего начала, которое задает мировоззренческую установку и ценностные поведенческие ориентиры. Являясь фундаментальным понятием, за время своего существования оно претерпело значительные изменения.

"Под термином "картина мира" принято понимать целостный глобальный образ мира, который возникает у человека в результате мыслительной деятельности в процессе его контактов с реальностью"[1,39]. В литературе представлено достаточно широкое разнообразие точек зрения относительно понятий "картина мира", "научная картина мира", "общенаучная картина мира", "естественнонаучная картина мира", "частнонаучная картина мира". Кроме того, обосновываются и вводятся такие определения, как физическая, механическая, химическая, биологическая, экологическая, языковая и другие картины мира.

Первоначально термин "картина мира" был выдвинут в рамках физического знания в конце XIX века, и стал употребляться для обозначения образа исследуемой реальности. М. Планк под физической картиной мира понимал "образ мира", формируемый в физической науке и отражающий реальные закономерности природы. Кроме того, он разводит понятия практической и научной картин мира. С практической он связывал вырабатываемое постепенно на основании переживаний целостное представление человека об окружающем мире. Научную же картину, имеющую относительный характер, Планк рассматривал как модель реального мира в абсолютном смысле, независимо от отдельного индивида и всего человеческого мышления. Такой подход допускал некоторое упрощение и схематизацию реальности с выделением существенных элементов, отождествлявшихся с объективной реальностью. Поэтому до определенного момента картина мира соотносилась с самим миром и была безсубъектна. Именно схематизация реальности выдвигалась в качестве необходимого условия вычленения сущностных черт и закономерностей мира, которые позволяют понять реальность в ее полноте и многообразии. Этот принцип позволил применять термин "картина мира", "образ мира" по отношению к различным областям знания.

Традиционная деятельность человека до определенного времени протекала в рамках непосредственного взаимодействия с предметами труда. Однако выход за пределы реальности, воспринимаемой органами чувств, и получение результатов деятельности без прямого контакта с вещами включили в состав человеческого мира новые образования. Естественные органы чувств усиливаются искусственными приспособлениями, позволяющими видеть во много раз дальше, слышать лучше, что приводит к возникновению ситуаций, не контролируемых природными свойствами человека. Деятельность человека начинает выходить не только за пределы чувств, но и за пределы его мышления и даже воображения. Все это привело к появлению нетрадиционных способов схематизации реальности, основанных на конкретно-чувственном способе воспроизведения действительности.

М. Хайдеггер связывает суть развития картины мира с теми решающими изменениями, которые происходят в обществе. Он фиксирует этот процесс в отношениях человека и картины мира как изображение, понимание, превращение, покорение [2]. Очевидно, что для Хайдеггера проблема формирования картины мира тесным образом связана с мировоззрением как жизненной позицией человека.

Современное понимание этого интегрального понятия отражает позицию Хайдеггера и построено на включенности человека в систему "мир", "на его особую роль как субъекта познающего, описывающего и изменяющего этот мир" [1,39].

Таким образом, вторая половина XX века характеризуется становлением нетрадиционных картин мира, напрямую не соотносимых с объективной реальностью. По форме они тождественны обычной специальной картине мира, но по содержанию выходят за рамки схематизированного и систематизиро-

ванного знания. "Нейролингвистическая, лингвосинергетическая, публицистическая, языковая, информационная и другие картины мира с неизбежностью пополняют реестр образов реальности, воспроизводимых современным сообществом"[1,43]. Картины реальности, формируемые отдельными научными дисциплинами, взаимодействуют между собой, заимствуя язык, а также гносеологические и аксиологические конструкции и схемы.

Использование при оценке реальности когнитивных схем, заимствованных из различных областей знаний, привело к трансформации представлений и появлению новых образов реальности внешнего мира не вычленяемых ранее. Продуктивность таких заимствований заметно повышается при взаимодействии с мировоззренческими структурами. В свою очередь, общая картина мира, интегрирует наиболее важные достижения отдельных наук, постоянно углубляя, уточняя и усложняя, получаемый в результате этих исследований образ мира, отправной точкой отсчета в которой является человек, объединяющий рациональный и образно-эмоциональный способы упорядочения целостности Вселенной.

Литература

1. Мансурова, В.Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации // В.Д. Мансурова - Барнаул, 2002. - 237 с.

2 Хайдеггер, М. Бытие и время. Работы и размышления разных лет / М. Хайдеггер // Составл., переводы, вступ. статья, примеч. А. В. Михайлова -М.: "Гнозис", 1993. - 464 с.

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ: СТАНОВЛЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТОВ И НОВОЕВРОПЕЙСКИЙ ТИП УЧЕНОСТИ

Д. Н. Воробьев

Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары)

С интенсивным развитием современной науки усилился интерес исследователей к анализу ее оснований. Эти исследования приобретают особое значение в современный период, когда наука, сросшаяся с технологией и властью, не в состоянии предвидеть последствия активного использования собственных достижений. Исследования науки имеют уже значительную историю и в ней можно условно выделить два подхода: традиционная гносеология и нетрадиционная гносеология.

Традиционная гносеология ограничивается выделением логики познавательного процесса как производства явного знания в рамках наукоподобного

объяснения этого процесса. Современная гносеология преодолевает эти представления, осознает их ограниченность и абстрактность. Наука здесь понимается как исторически развивающийся социокультурный процесс. Результаты познания детерминируются не только объектом, но и методологией познания в широком смысле слова, предзнаниями разных форм, мировоззрением, социокультурными условиями бытия познающего субъекта. В последнее время в отечественной философии научного познания утверждается новый тип рациональности, названный Л. А. Микешиной и М. Ю. Опенковым социокультурным [1]. Одна из идей этого типа рациональности – это эволюционное рассмотрение естествоиспытателя как непрерывно формирующегося познающего субъекта, с учетом обусловленности этого процесса культурно-историческим бытием, в раскрытии внутринаучных детерминант, в исследовании социального механизма воздействия на процесс генерации знания [2]. В центре внимания здесь находится социальный механизм производства новых знаний, механизм социального генезиса субъекта научного познания.

В своей заметке мы намерены коснуться проблемы социальных оснований формирования познавательной идентичности сообщества ученых новоевропейского или модернистского типа учености.

Стало общим местом, что наука появляется в XVI-XVII веках и связана она с деятельностью таких ученых как Галилео Галилей, Исаак Ньютон, Фрэнсис Бэкон и бурной механизацией техники [3]. Благодаря их трудам возникает то, что можно назвать «новоевропейским (модернистским) проектом науки». Именно в XVII веке формируется новый тип учености, активизируется социальная институционализация экспериментально-математических наук (которые, устоявшись, отказали остальным наукам в праве именоваться науками, т.е. «science»), появляются Королевские научные общества, Академии Наук, формируются ведущие научные дисциплины и т. д. Именно в это время природа начинает пониматься как объект, используемый человеком в своих целях, а конечный результат познания – это овладение природой. Выражаясь в терминологии Т. Куна, именно в это время возникает «нормальная наука», возникает «научное сообщество» – «общество практикующих специалистов, получивших сходное образование и профессиональные навыки; в процессе обучения они усвоили одну и ту же учебную литературу и извлекли из нее одни и те же уроки» [4] – сообщество исследователей, придерживающихся одной парадигмы.

С нашей точки зрения, «научное сообщество», в указанном выше смысле, возникает раньше – в период расцвета схоластики (с XIII века). Возникновение этого ученого сообщества напрямую связано со становлением системы университетов в Европе, производивших исследователей схолистического типа учености. Модернистский тип учености возникает в уже существовавшем сообществе ученых позднее, в результате радикальных перемен в идеологии, господствовавшей в системе образования (Эта система, собственно, и производит «научное сообщество»). Перемены в ней происходили под влиянием социально-политических процессов (секуляризации, Реформации, ста-

новления абсолютных монархий и т. д.). Одним из ярких идеологов новоевропейского типа учености, ратовавшего за пересмотр схоластической системы обучения, был Ф. Бэкон. Примером осуществления подобного проекта реформы образования можно считать педагогику Яна Амоса Каменского.

Мы считаем, что средневековые европейские университеты стали важными элементами социального механизма, создавшего сообщество специалистов схоластического типа учености. Первые университеты были органами «средневековой науки», имевшей единые, как сказали бы мы сейчас, «образовательные технологии», единые требования к тому, что должен знать и уметь делать учащийся. Во всех странах латинского влияния наука была единой (так как была одна церковь) и преподавалась одинаковым способом на общенаучном латинском языке. В экономическом отношении университеты опирались в основном на церковные пожертвования. В административном отношении университетская корпорация была независима от государственных и городских властей. Схоляры избирали ректора. Через него студенты, среди всего прочего, платили жалование доцентам [5].

Средневековый университет отличался от современного как по задачам, так и по методам преподавания. Подготовка государственных деятелей не входила тогда в задачи университетов. Готовили защитников истинной веры, верных слуг Папы Римского, если так можно выразиться, «специалистов по спасению человеческих душ». Хорошим ученым считался тот, кто мог отстоять свою веру или утверждения, считавшиеся доказанными и «научными», в (устном) споре, т.е. отстоять веру с помощью разума и логики; хорошим ученым считался тот, кто проявил ловкость и остроумие в спорах. В средневековой природе еще не понималась как существующая независимо (по собственным, независящим от божественных) законам. В силу теологического-текстуального характера познавательной деятельности акцент делался на изучение авторитетных текстов (в первую очередь Аристотеля), на анализ понятий, а не на изучение вещей; считалось, что через освоение понятия познается и сама вещь. Учебников в современном виде тогда еще не было. Вместо учебников был набор общепризнанных трудов, изучение которых преподаватели считали обязательным. Именно эти труды закладывали в учащихся то, что Кун называет парадигмой – моделью постановки проблем и их решений на основе имеющихся достижений [6]. Ход размышлений при исследовании был дедуктивным, аналитическим. Выводы из априорных мыслительных конструкций применялись к различным моделируемым ситуациям. О собирании фактов и их объективном исследовании не могло быть и речи. Такой созерцательный, теологический-текстуальный подход господствовал на всех факультетах, даже на медицинском, который считался тогда крайне непрестижным в силу неизбежной эмпирической направленности образования. Схоляры привыкали смотреть на мир глазами авторитетов.

Университетское преподавание складывалось из чтения лекций и диспутов. Причем лекции были лишь средством образования, а целью являлись диспуты. На лекциях, вне зависимости от предмета и профиля, профессор по

частям причитывал и интерпретировал общепризнанный, авторитетный труд. Диспуты проходили регулярно. Они были строго регламентированы. Уклонение студентов от диспутов влекло за собой тяжкие наказания.

Начиная с периода Ренессанса, власть абсолютных монархов развивается в универсальное, охватывающее все общественные институты предприятие, между тем как католическая церковь выдавливается из большинства сфер социальной жизни. Протестантские государи овладевают университетами: сокращается автономия университетской корпорации, государство начинает платить доцентам и профессорах из государственной казны, вмешивается в ход преподавания, пересматриваются учебные планы, созерцательный теологически-текстуальный характер преподавания сменяется деятельностно-эмпирическим. Студентов воспитывают как верных слуг государя. Профессор делается правительственным чиновником.

Виднейшим борцом со схоластической ученостью и идеологом реформы образования и науки в Англии был барон Веруламский, виконт Сент-Альбанский, хранитель государственной печати и лорд канцлер во времена правления Иакова I, Фрэнсис Бэкон. Он был придворным ученым, адвокатом и политиком, верным слугой монарха. Бэкон выступает с резкой методологической критикой схоластического университетского образования, с критикой его целей, задач и методов. Целью науки не должны быть прилюдное умничанье, не демонстрация эрудированности, не победы в спорах по отвлеченным вопросам. Необходимо обратить взоры науки к земле, к познанию природных явлений индуктивно-эмпирическими методами. Миссия науки состоит в том, чтобы познать причинную связь природных явлений ради использования этих явлений для блага людей, для блага государства. Знание, которое не приносит практических плодов, – что, кстати, вполне созвучно духу протестантизма, – Бэкон считает ненужной роскошью. «Мы хотим предостеречь всех вообще, – пишет Бэкон, – чтобы они помнили об истинных целях науки и стремились к ней не для развлечения и не из соревнования, не для того, чтобы высокомерно смотреть на других, ... но ради пользы для жизни и практики...» [7].

В созвучии с мыслями Ф. Бэкона находятся идеи Яна Амоса Каменского, реформировавшего систему европейского образования в духе протестантского требования. Вслед за Лютером Каменский считает должным применять разум, прежде всего в делах земных, предоставив небесное вере. Как и Бэкон, он выступает с критикой схоластической учености, за приближение содержания и методов образования к практической жизни, к целям современного ему государства. «Люди образованные ... часто оказываются ниже их (необразованных – В.Д.) в отношении пригодности к задачам жизни. Я говорю не только об одних грамматических буквоедах: относительно большинства стремящихся ввысь философов и богословов справедливо, что, хотя в своих отвлеченных умозрениях они и кажется себя орлами, в делах жизненных и общественных они не более как кроты. Отсюда и вышла поговорка: «Хороший

схоластик – плохой политик». Между тем школа должна быть преддверием жизни» [8].

Европейские университеты возникли в лоне церкви как социальные механизмы воспроизводства и накопления знаний общества. Единые цели и методы, язык, правила, содержание и стандарты образования средневековых университетов привели к тому, что образованных людей того времени можно отнести к одному типу учености, который мы называли схоластическим. Поэтому можно утверждать, что сообщество практикующих специалистов идентичной познавательной ориентации возникло не XVI-XVII вв., а раньше. Свойственные новоевропейской учености познавательная ориентация, нормы и правила исследовательской деятельности, стандарты образованности и т. д., социальные институты новоевропейской науки возникли не внезапно, не на пустом месте. Они возникли и окрепли, среди всего прочего, благодаря изменению расклада политических сил. Укрепление абсолютных монархий привело к тому, что университеты стали принадлежать государю. В них произошла радикальная перестройка стратегии образования, и они стали социальными механизмами, обслуживающими политические и экономические потребности государства, социальными механизмами производящими научное сообщество новоевропейского типа учености.

Литература

1. Микешина Л. Ю., Опенков М. Ю. Новые образы познания реальности. – М. : РОССПЭН, 1997. – С. 17
2. Кульков Ю. П. Мировоззрение в познании природы. – Йошкар-Ола : МарГТУ, 2005. – С. 5.
3. См. например: Котенко В. П. История и философия классической науки : учебное пособие. – М. : Академический проект, 2005. – С. 3–10.
4. Кун Т. Структура научных революций / [пер. с англ. И. З. Налетова] // Кун Т. Структура научных революций : сб. – М. : АСТ ; Ермак, 2003. – С. 262.
5. Здесь и далее информация о специфике обучения в средневековых европейских университетах и их устройстве взята из электронной версии «Энциклопедии Брокгауза и Ефрона»: Готтлиб А. Университет // <http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/007/104/104544.htm>
6. Кун Т. Указ. соч. – С. 12
7. Бэкон Ф. Великое восстановление наук // Сочинения : в 2 т. Т. 1 / [пер с англ. Н. А. Федорова, Я. М. Боровского]. – М. : Мысль, 1971. – С. 71.
8. Каменский Я. А. Предвестник всеобщей мудрости // Избранные педагогические сочинения. Т.1 – М. : Педагогика, 1982. – С. 484.

КУЛЬТУРА И ТЕХНИКА

А. Е. Безменщиков

Московский государственный технологический университет «Станкин»

Разговор посвящен рассмотрению феномена взаимоотношения Культуры и Техники, ещё точнее: фиксации порождаемого ими как феномена.

Культура зрима здесь как пред-данное безграничное пограничье (горизонт) человека – она непреодолима, заранее уже знаема и дана как самое и непрерывна для человека; и в отличие от границы, которая есть несхватываемое ничто, Культура – это пребывающее где-то и как-то Нечто, а именно пограничье. *Техника* оговаривается как то, что скрыто всяким произвольным методом действия, как и всяким произвольным методом (если допустить таковой). Но эти «методы» – только самая внешность, самая поверхность того, что есть в мире Культуры, и вне всякой Культуры – хитрость *techné* как самое себя.

То, что человек изобретает, открывает и именует Техникой, есть часть его Культуры. Но полная совместность такой части как части целого должна быть поставлена под сомнение. Если возможно сказать, что Культура зиждется на двух Любях – к Добру и ко злу, как устремление сотворить и выстрадать жизнь, то Техника – *часть* Культуры – покоится на третьей Любви, Любви к упорядоченному самостоятельному рациональному миру, где самостоятельность значит уже устроенность и действие согласно предписанию. *Техника человека есть исполнение мечты о таком мире.*

Важнейшим в ряду описываемых феноменов является *утрата непосредственного чувственного опыта в его целостности и глубине*. Это касается взаимодействия Культуры и Техники после НТР, когда опыт непосредственного чувственного восприятия у «орудующего человека» иссякает. Мнение, будто техника и наука – это расширение чувственной области восприятия человека, вполне оправдано, ибо ни электромагнетизма, ни бактерий, ни газовых скоплений во Вселенной и т.п. человек своими собственными чувствами не видит, не слышит – никак не принимает. Но новая техника не дает чувственного опыта, она лишь предоставляет возможность удостовериться в незримом в рамках возможностей неизменных человеческих чувств. Наукоемкая техника предлагает человеку вместо непосредственного чувствования, чувственного мышления, которое невозможно, *чувство мнимого – разумное удостоверение* в том, что что-то есть, но не чувством понятное, а только разумом, только интеллектом признанное. Растрата чувственного означает прежде всего не утрату количества фиксируемых самими чувствами утверждений, но утрату чувственного мышления, чувственного ума.

С помощью рассмотрения искусства обнаруживается его завроженность Техникой. Эта извечная зачарованность в XX веке стала иной. Уже с начала прошлого века человека окружает Техника, которая в самом прямом смысле

всё больше утаивает от него в своем действии, всё более вбирая в себя и действие и результат, тем самым сама выступая на передний план зрения. Техника задает достоверность и мнимость, притупляя опыт чувства, она выходит на первый план мира и она же предоставляет возможность преодоления Культуры на пути к самому миру, ибо Техника не тождественна части Культуры. Искусство перед лицом такой Техники открывает для себя то, что можно назвать фактичностью: чувственно глухую достоверно мнимую завораживающую фактичность. *Фактичность* – это как раз и есть одна из проявленных сторон возможности выхода из Культуры, потому как чистую феноменологическую фактичность как культурно не оседающую не-пред-данность возможно полагать как внекультурную. Потому и высказаться о ней самой непросто: это чистейшее и притом актуальное есть, это то, что рождается из чувственно глухого стремления к достоверному, результатом которого выходит самое элементарное есть как есть.

В рассмотрении информации обнаруживается нужда Техники и ее требования. Незримые миры, не данные чувственному опыту ума, передаются в качестве информационной пищи сегодня в каждый дом с помощью средств массовой информации и коммуникации. Но науко-техника вовсе не предоставляет выбора между глубоким частным знанием и быстрой информацией обо всем угодно, выбора в ней нет, потому что Техника, являясь «средой производства информации», затребовывает эту информацию вновь, в себя. Современная техника требует информации, а информацию *катализирует* человек, потому *Техника затребовывает и человека*. Человек поставлен в необходимость заполнения собою всех возможностей и постоянного прогресса средств к этим возможностям. Современная техника является новой средой извечной информации, которой по причине ее неодолимой тленности никогда не годился человек; зато в современной технике информация находит среду, где возможна бессчетная репродукция и бесконечное движение. То, что является при данном рассмотрении формацией этой нужды, есть *публичность*. Накопленная в человеке информация требует выхода и одновременно зовет в возможность, предоставленную Техникой, потому что, не будучи выпущенной, исчезнет. Всё то, что когда-то в человеке было неинформативным и непубличным – чувственное, мыслительное – ныне, выйдя на поверхность достоверного и став информационным, а после слившись в неразличимую массу с извечно обыденной информацией, и есть требующее публичности.

Лишь удостоверенный мнимостью человек ещё не может войти в мир современной техники, он обязан принимать и отсылать информацию, тогда он – информацией – втягивается и закрепляется в новом мире, он, будучи связанным порокой информации, становится затребован современной техникой как оболочкой новой формации Культуры, потому что обязательное затребование Культуры стало требованием Техники.

Сам исход из Культуры – это самостоятельная тема; но здесь возможно зафиксировать: если Культура – это необозримое пограничье человеческого мира, то Техника дает возможность выйти за пределы Культуры таким обра-

зом, чтобы не давать никакой Культуре быть, т.е. осесть, подобно знанию, – привести ее в непрерывное движение и изменение, не давать ей быть чем-то... и тогда выйти на край Культуры и посмотреть: что там?

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА СОСТОЯНИЕ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКАХ БЫВШЕГО СССР, СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

А. Н. Савостьянов¹, В. П. Балтажи²

¹Институт физиологии СО РАМН (г. Новосибирск)

²Тираспольский государственный университет (г. Тирасполь, ПМР)

Исследование структурно-функциональных характеристик научных коллективов в условиях изменяющегося общества, относится к предметной области социологии науки. Одной из задач такого исследования является определение роли общественных процессов в формировании направленности научного поиска. Согласно точке зрения Т. Куна, кардинальные изменения в научной картине мира возникают вследствие социальных трансформаций, изначально не связанных с наукой. Смена политико-экономических отношений может послужить причиной изменения теоретических представлений о мире. Кроме того, большой интерес представляет изучение обратного влияния, которое оказывает наука на состояние общества. Возникновение новых технологий и их практическое внедрение могут служить источником изменений, затрагивающих все сферы общественной жизни. Однако, несмотря на очевидность таких взаимосвязей и на многочисленные исследования в этой области, проблема описания науки как социального феномена остается до конца не решенной.

Современная наука испытывает влияние глобализационных процессов, оказывающих существенное воздействие как на отношения внутри научного сообщества, так и на содержание теоретических воззрений, свойственных большинству ученых. Суть глобализации состоит в объединении нескольких локальных социумов, ранее разделенных физическими или политико-экономическими границами, в одну макросистему. Кроме политико-экономического объединения в ходе глобализации происходит слияние культур, когда формируется единая система ценностей и стереотипов поведения. Применительно к науке, речь идет о возникновении интернациональных исследовательских коллективов, объединяющих ученых из разных стран и осуществляющих свою деятельность одновременно в нескольких регионах планеты. Такое объединение предполагает наличие общей системы норм научного исследования и отношений в коллективе, критериев проверки гипотез и общих онтологических постулатов, лежащих в основании науки. Поскольку

ранее локальные системы научных представлений в значительной степени различались друг от друга, постольку сейчас возникает процесс их объединения в одну целостную конструкцию. Однако, согласно утверждениям М. Полани, наука представляет собой систему деятельности, основанную на западноевропейской этике и культурных традициях. Внесение в науку незападных элементов способно привести к значительным трансформациям как в отношениях между учеными, так и в содержательной части научного знания.

Необходимо отметить, что современная наука является во многом результатом глобализации общественных отношений. В то же время, сам процесс глобализации порожден развитием транспорта и коммуникаций, и, в какой-то мере, является следствием происходящей в данный момент научно-технической революции. Таким образом, развитие науки и общества связано взаимным влиянием и представляет собой единый процесс. Например, внедрение вычислительной техники одновременно в научные исследования, сферу производства и быта, привело к размыванию границ между профессиональными учеными и специалистами-практиками, работающими в высокотехнологичных областях экономики. Возникает своеобразный феномен «неэзотерической науки», т.е. науки, доступной непрофессионалам. Совместное развитие науки и общества порождает не только интернациональную науку, но и науку, вышедшую за свои узкопрофессиональные границы. Наличие таких процессов требует существенного изменения методологии социологического исследования, для того чтобы мы могли понять суть происходящих явлений.

Цель исследования состоит в сопоставлении глобализационных процессов в научном и образовательном сообществе, происходящих на части территорий бывшего СССР – Литва, Латвия, Эстония, Молдавия (отдельно для Приднестровской Молдавской Республики), Казахстан, Узбекистан; в Восточной Европе – Польша, Чехия, Болгария; и в регионе Юго-Восточной Азии – Южная Корея, Китай (отдельно для Тайваня), Сингапур и Индия. Выбор регионов обусловлен тем, что в них наблюдаются различные стратегии глобализации. Если в республиках бывшего СССР и Восточной Европе глобализация происходит в виде попытки интегрироваться в экономикополитическую систему Западной Европы (Прибалтика, Молдавия) или России (Казахстан, Узбекистан, ПМР), то Юго-Восточная Азия претендует на роль нового мирового лидера. Государства Юго-Восточной Азии в ближайшем будущем планирует стать самостоятельным интеграционным центром, осуществляющим экономическое, культурное и политическое подчинение соседних регионов. Мы предположили, что разные стратегии развития экономики должны привести к существенным различиям в области организации науки и образования.

Исследование проведено на материале научных публикаций, посвященных теоретическим вопросам медицины, молекулярной биологии, биохимии и общей биологии. Нами рассматривались публикации индексированные в международных системах учета научных статей за последние 25 лет, а также

списки статей, монографий и диссертаций, выложенные на официальных Интернет-сайтах научно-исследовательских институтов и высших учебных учреждений. При анализе публикации учитывались такие параметры как государственная принадлежность авторов, язык публикации, тематическая направленность публикации, издательство, в котором опубликована статья.

В результате исследования можно заметить, что во всех рассмотренных регионах научное сообщество в первую очередь ориентировано на развитие международных связей. Так, фактически отсутствуют научные публикации на национальных языках. В части республик бывшего СССР (Казахстан, Узбекистан, ПМР, Украина) сохраняется тенденция использовать в качестве национального языка русский, даже если он и не является официальным государственным языком. Например, на Украине и в Узбекистане русский язык не является государственным, но он служит почти единственным языком научных публикаций. Однако основной тенденцией остается внедрение в научное сообщество английского языка. В странах Юго-Восточной Азии, Прибалтики и Восточной Европы появляется практика полного перехода квалификационных работ на английский язык. Например, все дипломные и диссертационные проекты на Тайване выполняются только на английском языке. Также на английском языке проходят научные дискуссии, даже если в них не участвуют иностранцы.

Публикации в рейтинговых (т.е. высоко цитируемых) изданиях демонстрируют специфику стратегий развития науки в разных регионах. В республиках бывшего СССР и Восточной Европы распространена практика, когда исследователь выполняет свой научный проект на территории западноевропейского или американского исследовательского центра. Фактически, реальное исследование проводится только за рубежом, а восточноевропейский центр лишь составляет отчет по своей работе, пользуясь материалами тех сотрудников, которые формально числятся в своей стране, но живут на Западе. Почти не встречаются публикации, выполненные на территории Восточной Европы с участием западных специалистов, но существует множество статей, выполненных на Западе с участием восточноевропейских специалистов. Таким образом, стратегия глобализации восточноевропейской науке состоит в экспорте дешевой рабочей силы и импорте технологий. Наоборот, Южно-Азиатские исследовательские центры проводят политику привлечения западных (и в меньшей мере, российских и восточноевропейских) специалистов для выполнения исследований на своей территории. Хотя отъезд исследователей из этого региона в Западную Европу и США имеется, в последнее десятилетие наблюдается тенденция обратной миграции, в которую включены как возвращающиеся с Запада азиатские специалисты, так и европейские и американские ученые. Таким образом, нам удалось подтвердить гипотезу, согласно которой в научной политике Южно-Азиатских государств происходит смена вектора от усвоения западной системы теоретических и технологических представлений к попыткам создания собственной науки, претендующей на мировое лидерство в ближайшем будущем.

ОНТОЛОГИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ НЕОМАРКСИЗМА

В. А. Сергеев

ИВМиМГ СО РАН (г. Новосибирск)

Марксизм, шире – марксизм-ленинизм=марксистско-ленинская философия (МЛФ), сохранил свою актуальность. Его сверхзадача – убедительное обоснование для пролетариата необходимости, возможности, стратегии и тактики революционного преобразования капиталистического общества в социализм. Данная статья посвящена частичной теоретической модернизации марксизма.

Далее в тексте знак (МЛФ) стоит перед фрагментом традиционного марксизма, а знак (ВАС) с моими инициалами стоит перед предлагаемым мною фрагментом неомарксизма.

Материализм и познание

МЛФ: «Основной вопрос философии» (ОВФ), введённый Ф.Энгельсом, содержит два подвопроса: онтологический (что первично: материя или сознание?) и гносеологический (познаваем ли мир?). При этом под «материей», по упрощённому ленинскому определению, понимается «объективная реальность, данная человеку в ощущениях, которая отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них».

ВАС: Замечания. (1) Сама постановка этих подвопросов не корректна: не уточнено, что понимается под «первичностью», «материей», «сознанием», «миром», его «познанием». Ленинское определение «материи» также не корректно (см. далее) и картины не проясняет. Методологически верным было бы введение классифицирующих свойств и их значений, задающих все различные важные варианты смыслов этих терминов, встречающихся у философов и теологов, и построение на их основе перечислительной классификации, формализующей данный раздел философии. (2) «Материя» по В.И.Ленину определяется через столь же неосмысленный термин «реальность» и через термин «объективная», требующий уточнения. (3) Слово «нашими» уже предполагает существование людей вне сознания. (4) Ощущения возникают не только у людей, но и у животных.

ВАС: Конструктив. Мною введены свойства и построена совместная онтолого-гносеологическая классификация, упомянутая в (1). Её классы проанализированы на теоретическую допустимость и эмпирическую подтверждаемость. Сделан вывод о допустимости (неопровергаемости) ни одного из классов, соответствующих различным «идеализмам», «материализмам» и «дуализмам», а также различным «познаваемостям». Утверждается, что выбор отсюда класса – это неформальная волюнтаристическая процедура, основанная на приписывании субъективной вероятности реализации выбранного класса (это вера, но не религиозного типа).

Что касается меня, то я выбираю «чистый» материализм и познаваемость объективного Мира (просто мне так менее сложно и менее гипотетично), допуская ненулевую вероятность реализации других «-измов».

Классики МЛФ рьяно отстаивали материализм, поскольку другие «-измы» мешали их Сверхзадаче: уводили пролетариев (= наёмных работников) от борьбы, безволили их, оставляя им иллюзорные надежды на вечную жизнь в «раю», треножили предопределённостью судьбы «свыше», оправдывали несправедливости «высшим разумением», замыкали в индивидуализме солипсизма.

Наука, религии, атеизм

МЛФ: Религии являются разновидностями идеализма или дуализма, а потому вредны для Сверхзадачи, как и эти «-измы». Основа любой религии – вера в сверхъестественное, в мифы «священных писаний», в некий внечеловеческий «абсолют истины» (онтологический, гносеологический и этический), которые не признаёт марксизм. Поэтому идеологически марксизм всегда был непримирим к любой религии, считая её «опиумом для народа» (К.Маркс). С другой стороны, марксизм считает науку высшим источником знаний, а практику – лучшим критерием их истинности. Отсюда – активный атеизм марксизма и его опора на науку. Наиболее поздними и самыми влиятельными монотеистическими мировыми религиями являются иудаизм, христианство и ислам. Их церкви имеют миллионы сторонников, огромные финансы, штаты священников, молельни и т.п. Важно, что во всех странах, при разных эксплуататорских строях и почти всегда (за исключением недолгих переходных периодов) одна из этих церквей становилась идеологически господствующей и охраняемой государством, а государственная власть этой страны обожествлялась и поддерживалась церковью. Это было ещё одной причиной, почему партии марксистов, стремившиеся заменить эксплуататорское государство социально справедливым, всегда находились во вражде с соответствующей церковью. Марксисты не допускают религиозность у членов своих партий, но терпимо относятся к иным верующим. Основой этики марксизма является нравственность пролетариата, а не священников или капиталистов.

ВАС: Разделяя полностью приведённые выше суждения о религиях, внесу следующие дополнения и коррективы.

(5) Не только в религии, но и в науке имеет место вера. Учёный или обучаемый верит в достоверность знаний, полученных другими учёными. (С одной оговоркой: большинство учёных, особенно в естествознании, разделяют идеи материализма, и некоторые знания учёных-идеалистов считают ложными). Наука позволяет любому усомниться в своих знаниях, несмотря на то, что научные знания получают посредством СРП - строго регламентированных процедур (с постановкой задач, со скрупулёзным планированием эксперимента или наблюдений, с приборной фиксацией, с воспроизводимостью опытов, со статистической представительностью выборок, со специалистами в качестве наблюдателей или экспертов, с традициями искоренения из науки

домыслов, фантазий и лжи). Получатель научного знания может приписать ему интуитивный показатель доверия (ИПД), имеющий значения от 0% (полное недоверие) до 100% (полное доверие). Даже, если СРП выполнены безукоризненно, может быть $ИПД \neq 100\%$. В науке считается недопустимым приписывать гипотезе о некотором объекте, явлении, процессе $ИПД=100\%$ тогда, когда фактов для этого явно не достаточно.

(6) В религии – всё наоборот. Никаких СРП для получения знаний в религии нет. Все религиозные знания получены из мифов, сказаний (письменных или устных). Религиозные знания о реальном Мире (например, из «Ветхого завета») полностью противоречат соответствующим знаниям науки. И в этой ситуации священники требуют от своих прихожан полной и непоколебимой религиозной веры (т.е. $ИПД=100\%$) в существование «Бога» (или «богов»), «души», «рая», «ада» и т.п. Гипотезы в религии постоянно объявляются фактами. Таким образом, всякая религия содержит и навязчиво распространяет умышленную ложь, состоящую в том, что при отсутствии СРП и недостатке фактов, некое знание (например, о том, что «Бог» существует) объявляется священниками стопроцентно достоверным. И тот, кто верит в это знание, находится в психопатологическом состоянии религиозной веры. По-видимому, к религиозной вере склонны люди (преимущественно мало-развитые, престарелые, женщины, гипнабельные и впечатлительные), в той или иной мере страдающие симптомами и синдромами психиатрии: бреда, галлюцинации, иллюзии, сверхценной идеи, состояния навязчивости, паранойи, аутизма и других. Для общества и для них самих было бы полезнее опекать их не церквям, а психолого-психиатрическим службам.

(7) В силу сказанного в (6) и (7), с позиций марксизма наука и религия не совместимы – ни по методам получения знаний, ни по самим знаниям, ни по способам их пропаганды. В основе научных методов лежит тезис: «Всё подвергай сомнению», а в основе религиозных методов: «Верь, не сомневаясь». Знания эволюционной биологии, антропологии, палеонтологии, геохронологии, астрономии находятся в вопиющем противоречии со знаниями из «Библии». Разумному и отважному сообществу граждан (если таковое есть!) уместно поставить вопрос ребром: или эти науки продуцируют ложь, и тогда их существование надо прекратить, или ложь исходит от «Библии», и тогда жирный организационный крест надо поставить на признающих её религиях. Религия пропагандирует свои знания, апеллируя, в основном, к подсознанию реципиентов.

Это – приём жуликов, проникающих с заднего хода. В арсенале современных религий для этого используется всё то же, что и у самых примитивных дикарей: красочные одежды, песнопения, иконы, свечи, кадила, колокола, молитвы, крестные ходы, купания, антигигиеническое и унижающее целование рук и трупных останков (мощей). Наука же распространяет свои знания, обращаясь к сознанию, разуму, используя цивилизованные приёмы психологии и искусства, и лишь в дидактических целях. Религия бесполезна науке. Наука же может помочь обществу в проверке и сертификации любых

религиозных гипотез, например, о существовании «богов», «рая», «ада», «души», «загробной жизни душ», а также может изучать эти объекты и явления, если их существование подтвердятся.

(8) Развивая тезис К.Маркса о том, что религия – это наркотик, обобщим это понятие. «Наркотиком» можно считать любое воздействие на индивида, которое 1) даёт кратковременное удовольствие (кайф, опьянение, нирвану, благодать, экстаз), 2) вырабатывает привычку к воздействию, 3) отвлекает от насущных дел и от решения проблем, 4) даёт приятное ощущение причастности к Команде, 5) ухудшает состояние индивида (физиологическое или психологическое), 6) разоряет затратами денег и времени на повторение воздействий. Такое воздействие может быть физиологическим (алкоголь, героин, экстремальный спорт и др.) и/или психологическим (религия, азартная игра, спортивное или эстрадное фанатство). Поэтому принадлежность к церкви или секте (разницы – нет!) даёт не только малую, мнимую и краткую пользу, но и большой вред.

(9) Этика, нормы морали необходимы. В частности, потому, что они являются основой законов страны. Они различны у разных народов, у их социальных подмножеств, в разные времена. В их основе могут быть этика традиций, этика религий и светская этика разумного общественного договора. Этики традиций во многом архаичны. У разных религий разные этики, включающие и неясные, и противоречивые, и устарелые, и неприемлемые нормы. Сами церкви веками нарушали свои же запреты и предписания (например, «не убий!» и «возлюби даже врага своего», благословляя на казни и войны инквизиторов, крестоносцев, конкистадоров и прочих). Поэтому только светская этика должна лежать в основе нормативов поведения и законов страны. Термин «духовность» абсолютно безосновательно приватизирован церковью. Духовность светской этики, постоянно корректируемая и наиболее гуманная, превышает религиозную духовность. Претензии церковей на нравственное и идеологическое лидерство в государстве предосудительны. Фидеизм религий (их стремление оказаться над наукой и светской властью) – наглость и абсурд. Наоборот, в разумном цивилизованном обществе (вне зависимости от строя) идеальной была бы наукократия. Одной из функций науки при этом должно быть руководство цензурой над СМИ (чего так не хватает современной России!).

(10) Антикультура религий. Культура народов (как совокупность информации, её носителей и антропогенных материальных предметов) состоит из «ценностей» и «мусора», что необходимо уметь отделять и удалять. С точки зрения и марксизма, и неомарксизма веры, религии, церкви как раз и относятся к такому мусору. Изучать религии нужно, но только лишь как историю лжи, глупости и жестокости, связанных с верой в «Бога» («богов»).

(11) Религиозно верующий учёный, преподаватель или воспитатель должен считаться профессионально не пригодным, поскольку он склонен возводить недоказанную гипотезу в ранг истины и распространять ложные знания

и негодные понятия о добре и зле. Тем более это должно относиться и к чиновникам всех ветвей и всех уровней власти.

История философии в новом интеллектуальном контексте

ПРЕДПОСЫЛКИ ВВЕДЕНИЯ ПРОБЛЕМНОГО ПОДХОДА К ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

М. Н. Вольф, И. В. Берестов

Институт философии и права СО РАН

В настоящих тезисах развиваются идеи, обозначенные в [Вольф, Берестов, 2004].

Прежде чем перейти непосредственно к обсуждению тех проблем, что можно назвать «содержанием» проблемного подхода (далее ПП) к исследованию древнегреческой философии (см. вскоре выходящую в свет в журнале «SCHOLE» публикацию: Вольф М.Н., Берестов И.В. «Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии»), кратко остановимся на основных предпосылках и тезисах ПП, в какой-то мере обосновывающих необходимость применения ПП, и составляющих ядро нашего понимания историко-философского жанра ПП.

1. Мы полагаем, что концептуальное содержание философских систем составляют в первую очередь проблемы и аргументы в пользу и против их решений.

2. Проблемы следует понимать и прочитывать так, как они могли бы быть сформулированы, поняты или заданы самими греческими философами.

Иными словами проблемы, решаемые греческими философами следует отличать от наших (исследователей) рабочих проблем (Например, в качестве проблемы исследователя мы можем указать на задачу Гегеля *схематизировать историко-философский процесс и концепции составе этого процесса в виде положения «тезис – антитезис – синтез»*). Либо более близкий задачам данной статьи пример: в качестве проблемы у Парменида может выступать положение: «Как возможно помыслить сущее (мышление сущего)?», которая преобразуется в собственную проблему исследователя: «Как учение Парменида представить в виде продукта разложения или осадка, получившегося при саморазложении учения о первовеществе» [Гомперц, с. 180].

3. Посредством поиска решений этих проблем задается процесс развития истории философии как и самой философии, которые мы можем задать как проблемное поле, или проведя аналогию с деревом, сказать, что ветви указанных проблем и их решений могут ветвиться, пересекаться, что задает соб-

ственно процесс развития и состояние единства всей философской проблематики.

4. Мы будем считать *состоявшейся* философской концепцией только ту концепцию, которая отвечает на три вышепоставленные проблемы. Если философ ищет ответы на эти проблемы, он вынужден либо обозначить гносеологию, онтологию и выйти на аксиологию (благо, добродетель, цель деятельности), отвечающие его решениям этих проблем и отозваться о предшественниках (аналитически, критически, но опять таки в рамках понимания решений проблем ими и собственного понимания), либо представить собственные онтологию и гносеологию.

Любая более-менее развёрнутая философская концепция содержит в себе более или менее обоснованные ответы на все три проблемы, однако степень проработанности могут сильно различаться.

Пожалуй, можно доказать, что абсолютно необходимым для философского рассуждения являются ответы на гносеологические проблемы. Действительно, без гносеологии невозможно ни одно рассуждение, ни простая фиксация «у меня имеется мысль». Поэтому именно гносеология обеспечивает возможность и осмысленность **любого** рассуждения, в т.ч. онтологического и аксиологического. Гносеология, тогда логически первична для любого рационального построения (философского, научного и пр.).

Таким образом, при логическом рассмотрении философских проблем исходной проблемой является гносеологическая проблема, исходными посылками – логические посылки. У досократиков, как правило, аксиология весьма редка, но гносеология и онтология, как правило, присутствуют. Для ПП важно различать и не путать метафизику с онтологией и мы будем говорить о метафизике в следующем смысле.

5. **Метафизика** будет рассматриваться ниже как совокупность всех тех объектов (как правило, понятий), наличие и использование которых является необходимым условием для *любого* суждения, рассуждения и познавательного акта, либо акта существования, либо акта целеполагания.

Подчеркнём, что метафизика в силу этого будет представлять собой не только ядро онтологии, но также и ядро гносеологии и ядро аксиологии.

6. Поскольку мы считаем метафизику необходимой частью концепции любого греческого философа, то необходимо различать здесь философию (важнейшим компонентом которой является метафизика), философствование и мировоззрение, которые часто смешивают, и важно указать, что проблемы «философствующие» и мировоззренческие проблемы не рассматриваются как существенные для собственно философских систем.

7. Проблемный подход, на наш взгляд, с достаточно хорошим обоснованием, которое мы намерены представить ниже, претендует на отображение подлинной истории философии и даже самой философии, ибо философия, на наш взгляд, может существовать в виде только истории философии. Тогда как ни «история идей», ни «интеллектуальная история», призванные, по Р. Рорти, заменить историю философии, приводят к утрате философией своего

предмета из-за того, что метафизика в них уже не является обязательным компонентом. История философии это никоим образом не «галерея героев», а галерея проблем. Одной из целей настоящей статьи является указание на преимущество ПП по сравнению с иными способами проведения историко-философского исследования.

8. Мы выделяем в нашем ПП к истории философии исторический и логический компонент, к которым исследователь в своей работе прибегает попеременно. Если исторический компонент может быть представлен как традиционная работа с текстами, то логический компонент представляет собой перебор логически возможных вариантов решений проблем. Мы отказываемся навязывать истории философии цель (некую окончательную истину и к ней все сводить). Но мы также и не хотим описывать мнения философов «как они есть», это в любом случае невозможно. Мы пытаемся поместить аргументы философов в более широкий контекст – в контекст всех тех аргументов, что логически возможны, наряду с исторически зафиксированными аргументами, и имеют не худшую, чем последние, объяснительную силу. Это прояснит их роль и значение, поможет усмотреть ещё не замеченные недостатки в аргументации.

9. Мы полагаем, что философские проблемы не являются «личными» (собственными и только) проблемами философа или его интерпретатора. Именно проблемы и аргументы связывают историю философии. Благодаря наличию проблем мира разных философов не являются несовместимыми.

Список литературы

1. Вольф М.Н., Берестов И.В. (2004) «Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии как способ выявления специфики ее рациональности» *Вестник Самарского госуниверситета*, 33 (№ 3), с. 29-36.
2. Гомперц Т. (1999) *Греческие мыслители*, (Минск: Харвест).

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ГЕНЕЗИСА ГРЕЧЕСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИЙ

А. Е. Сысоева

Новосибирский государственный университет

Проблема происхождения философии – одна из вечных и по-прежнему актуальных проблем современности. Особенный интерес представляет генезис Греческой и Китайской философий – основ западного и восточного мировоззрений.

Происхождение Греческой философии принято объяснять переходом от архаического полиса к классическому, распространением железа и другими

изменениями, которые по сути носят внутрикультурный характер. Но исторический опыт показывает, что ускоренная общественно-политическая и экономическая трансформация обычно не приводит к возникновению философии. В лучшем случае он становится временем расцвета религии и около-религиозных течений, всевозможных ритуальных практик и суеверий. Для возникновения философии недостаточно внутрикультурных изменений, так как философия требует нового уровня переосмысления критической массы культурного опыта, который не может произойти внутри самой этой культуры.

Пока человек находится внутри своей материальной культуры и культурно-исторических связей, возникших на определенном географическом пространстве, он склонен искать решение своих проблем, опираясь на опыт своих предков, на те шаблоны, которые предоставляет ему «его» культура – культура автохтонного населения. Выход за географические пределы исконной культуры, или вторжение чужой культуры в исконную лишают его этой возможности.

Возникновение и становление греческой философии происходило как раз на изначально не-греческих территориях - побережье Малой Азии, Южной Италии и Северной Африки. Решение проблемы возникновения греческой философии поэтому также связано с попыткой разграничить ближневосточные и греческие предфилософские идеи и по возможности выявить их влияния друг на друга. Но возможно, что влияние Востока на процесс генезиса греческой философии было лишь косвенным.

Древний Милет, будучи развитым торговым центром, испытывал непрерывное, каждодневное давление чужой (ближневосточной) культуры. Это давление, а также, постоянная угроза завоевания, расшатывали основы культурных и религиозных представлений греков и открывали пространство для сомнения, которое впоследствии стало движущей силой Западной философии.

Философия в западном смысле начинается тогда, когда исконной культуре угрожает серьезная опасность быть разрушенной, и в этом состоянии ее представители начинают искать опору надкультурном пространстве категорий. Пространство родной культуры больше не является абсолютным и становится относительным. Человек начинает ощущать себя индивидуально, силой объективных обстоятельств противопоставленной окружающему миру, вынужденной вступать с ним в диалог и искать компромиссы.

Таким образом, главным условием возникновения философии является восприятие будущим философом основ родной культуры (знатность рода, образование) и изгнание из исконной культуры, либо путешествие в иные края. Фалес якобы ездил в Египет и привез оттуда грекам знания по геометрии. Многие другие философы имели «стажировки» на Востоке, были изгнаны из полисов, или перемещались между греческими городами.

Фигуры греческих философов во многом мифологизированы. Что касается «первопроходца» Фалеса, то здесь его путешествие совпадает с одной из

ключевых мифологем, названной В.Я. Проппом, «отъезд героя в поисках приключений» и связанной с посвящением героя. Вне зависимости от того, имело ли место путешествие на самом деле, оно занимает важное место в биографии философа. В этом видится теоретическое обоснование необходимости контакта с иной культурой для получения по-настоящему нового знания.

Оформление философских идей в Китае шло прямо противоположным способом. Подвергнутые евгемеризации, даосские легенды привели к созданию фигуры «реально существовавшего» Лао Цзы. Когда тот решил отказаться от общественной жизни и отправился на запад, на пограничной заставе его встретил начальник и попросил оставить хоть что-нибудь для своей страны. Лао Цзы дал ему рукопись в 5000 иероглифов («Даодэзин»).

Примечательно, что здесь философ также покидает исконное культурное пространство, но знание не приносится откуда-то извне, а наоборот – пытается быть унесенным, но остается в культуре с отъездом самого философа. Вероятно, это связано с тем, что даосизм формировался как автохтонное китайское учение, восходящее к шаманским верованиям царств Ну, Ци и Янь. Контакты Китая с другими территориями и культурами (в частности, с Индийской культурой) в середине I тыс. до н.э. были невозможны в силу неосвоенности и незаселенности сопредельных азиатских территорий. Соответственно, знание было получено внутри культуры, что и закреплено в «биографии» Лао Цзы. Однако здесь также соблюдено и описано одно из условий возникновения философии – «отъезд философа в иные края» (в данном случае – «на запад»).

Если мы имеем философию, возникшую вследствие контакта с иной культурой, мы имеем «конфликтный» тип генезиса философии. Такая философия полагает наличие объективного мира и познающего разума, поиск первоначала. Это та философия, которую мы называем философией в западном смысле, и которая становится основой западной науки.

Если философия возникала как оформление идей автохтонного населения на основе его культуры вне столкновений с инокультурным пространством, мы имеем «неконфликтный» тип генезиса философии – то, что мы называем Восточной философией. Такая философия основывалась на идее природнородовых циклов и членения пространства, поскольку сохраняла представление о генетической связи человека с природно-родовым предком, что на философском уровне проявлялось как их отождествление. В Китае это был даосизм с его представлением о единстве человека и природы, стремлением вернуться к первозданной простоте с ее минимумом учености и целенаправленной активности.

КРИТЕРИЙ «ОЧЕВИДНОГО» В СКЕПТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ НА ОСНОВАНИИ МАТЕРИАЛА СЕКСТ ЭМПИРИК «ТРИ КНИГИ ПИРРОНОВЫХ ПОЛОЖЕНИЙ»

Д. С. Зудилин

Новосибирский государственный университет

Ни один из видов античной мысли не был столь противоречив в отношении истины, как скептический способ рассуждения. Ведь в этом месте у Секста Эмпирика, существует небольшое противоречие, а именно характеристика скепсиса - как философии ищущей истину, с одной стороны, и призыв к невозмутимости и отказу от высказывания суждений, с другой. На наш взгляд необходимо поэтому по другому расставить акценты на скепсисе, не акцентировать его как Секст Эмпирик на стремлении к невозмутимости, а постараться воскресить именно "Академический скепсис". С его способностью опровергать устоявшиеся догмы и утверждения. Что на наш взгляд и было самое ценное в Скепсисе, как части Античной традиции. Предположим, что это была своего рода способность продвигать мысль за рамки ограниченные догмами. Поэтому Скепсис и назывался ищущей философией, из-за этого скептик ничего и не говорил первым, избегая догматизма, сама цель Академического скепсиса, в создании альтернативного суждения. Но настолько благи, настолько и далеки цели, только, что выдвинутые нами. В основном из-за полнейшей не разработанности данной темы, представляющей в отечественной науке одно большое белое пятно. Поэтому скорее в рамках кандидатской или докторской диссертации, причем вполне вероятно не одного доктора вероятно возможно их достижение. О пользе которого мы говорить не будем, признав её очевидной. В рамках данной работы наша цель довольно скромнее, а именно наметить разбор таких понятий, употребляемых Секст Эмпириком как "явленное", "мыслимое", "очевидное", "неочевидное".

В основании всей скептической философии Секст видит способность противопоставлять то, что явлено в ощущениях или "явленное", с мыслимым о явленном или "мыслимым". Ставя под сомнение мыслимое, и сомневаясь в его достоверности, Секст говорит о построении любых скептических рассуждений путем именно противопоставления явленного и мыслимого, мыслимого и мыслимого, явленного и явленного. И через нахождение противоречий, во время этого противопоставления и появляется возможность опровергать любые суждения или создавать новые противоположные изначально, "создавая, таким образом, Апорийность суждений"[1]. Но во время подобных рассуждений нам не стоит забывать, что Секст, будучи скептиком, не создал "жесткой и хорошо обозримой конструкции собственной терминологии" [2] (Лосев). И все понятия, вводимые им для объяснения основ скепсиса не догматичны. В частности обратите внимание: "мыслимое" для него уже находится под сомнением. Но если одна из введенных категорий уже вызывает

сомнение, то это может означать признание второй, а именно "явленного" - истинной, или достоверной. Что перечит изначальной посылке скепсиса Секста, утверждающей что "цель скептической философии в воздержании от окончательного суждения". Но и с другой стороны отождествление явленного и мыслимого, через постановку и того и другого под сомнение, неприемлемо для Секста. "Явлением же мы называем "ощущаемое" и поэтому противопологаем ему "мыслимое"[3]. Вероятно это различие было частью античной традиции. Вспомним, например Платона и его невозможностью видеть мысли и мыслить вещи: "И мы говорим, что те вещи можно видеть, но не мыслить, идеи же, напротив, можно мыслить, но не видеть"[4]. Да, и третий троп Энесидема, предупреждает о невозможности "мыслить вещи", говоря: "Все видимое есть не в большей степени одно, чем другое"[5]. Вводя, таким образом, иссономию в процесс осмысления того, что дано в ощущениях, и останавливая мысль от движения в этом направлении. Вероятно, для этого Секст и вводит особую главу "Отрицает ли скептик явленное", где признает не возможность этого отрицания. Выходит из сложившейся ситуации Секст следующим образом, когда он дает определение догмы, вводится новый термин "неочевидное". На котором, по мысли Секста и строятся все догмы, через: «Приятие какого-либо положения из неочевидного и составляющего предмет научных изысканий». Истинным же, Секст признает, очевидно явленное в ощущениях, и во всех рассуждениях, он на первое место всегда ставит явление. И все последующие рассуждения он стоит на «положениях в соответствии только с явлением».

Таким образом, Скептическая способность, по мнению Секст Эмпирика строится, на способности разделять и противопоставлять «очевидно явленное» и «мыслимое». Причем противопоставление всегда начинается с рассмотрения явленного и признание истинным того положения, что идет непосредственно вслед за явлением[6]. Тем не менее, работа на эту тему автором данных тезисов только начата, и окончание её предвидится еще очень не скоро.

Примечания

1. Чанышев А.Н. «Философия древнего мира», М 1999, стр 341.
2. Лосев А. Ф. Примечания к «Три книги Перроновых положений» №3
3. Секст Эмпирик «Три книги Перроновых положений» кн. 1, фраг. 9
4. Платон «Гос-во» VI кн. фрагм. 22 b..
5. Диоген Лаэртский. «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» Пиррон фрагм. 80-82, стр 358
6. Секст Эмпирик « Три книги Пирроновых положений» кн1. фраг. 17

ДИАЛОГ В ГОМЕРОВСКОМ ЭПОСЕ И ЕГО РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

А. А. Санжениаков

Новосибирский государственный университет

Под диалогом в гомеровском эпосе мы понимаем постоянные обращения Одиссея с речью к своему сердцу. Возникает правомерный вопрос, а корректно ли называть это диалогом? Нам думается да, так как несмотря на то что на первый взгляд, это односторонний процесс, у него есть и двусторонность. А именно. Когда Одиссей обращается к своему сердцу, обычно с какой-либо скорбной речью, сердце ему «отвечает» подсказывая ему более правильный выход из ситуации.

В пятой песне мы находим подобные диалоги. В одном из них Одиссей стелает и горюет над своей судьбой, так как его жизни угрожает смерть (V,299-313). Но должно сказать это еще не типично одиссеевский диалог, потому что здесь он лишь выплескивает свои эмоции, подобно какому-нибудь Ахиллесу, но не пытается решить или просмотреть какие-либо варианты как это он делает уже в следующем фрагменте. Там он размышляет, как же ему выйти из бушующего моря на скалистый берег и не разбиться о скалы. И в ходе обращения к своему отважному сердцу он постоянно говорит, если, если, если. В итоге же ему помогает Афина. Выйдя на берег, он снова обращается со скорбной речью к своему сердцу. Раздумывает он, где ж ему лечь спать. Если он будет спать на берегу, то замерзнет, а если поодаль, в лесу, то там может стать добычей для диких зверей. И здесь он уже сам принимает решение, зарывшись в кучу палых листьев (V,465-474).

Итак, Одиссей обращается к своему сердцу только в случаях, когда ему грозит смертельная опасность, и страх перед ней заставляет его вести внутренний диалог (что позже у Платона будет названо мышлением - разговором, которая душа ведет сама с собой, и к чему будут призывать многие древнегреческие философы). Этот внутренний диалог помогает Одиссею блокировать тот поток чувств, который захлестывает его. Греки гомеровского эпоса, влекомые сердцем, легко поддавались эмоциональному воздействию. Слезы – обычное состояние для них. Часто «в их груди сокрушалось милое сердце» и они плакали, но «от слез и от стонов их не было пользы». Не умея управлять своими чувствами, греки в гомеровском эпосе безрассудно стелают. Одиссей же отличается от всех них тем, что может выходить из этого потока чувств и не «плыть» в нем безвольно. А делает он это как раз с помощью внутреннего диалога, в ходе которого он намечает для себя различные перспективы (пусть и порою малоутешительные), смотрит на ситуацию с различных сторон и в итоге видит что выход есть, что ситуация не безысходна. После этого он уже может спокойно реализовать одну из наиболее подходящих перспектив.

Еще стоит отметить, что порой с помощью этих внутренних диалогов он блокирует не только свои эмоции, но и речи богов. Когда он плывет в бушующем море на утлом плоту, Афина обращается к нему с советом прыгнуть в воду, окутавшись плащом, подаренным нимфой Калипсо. И вместо того чтобы, как всякий нормальный гомеровский грек, принять этот совет к сердцу и поступить по нему, он обращается к своему сердцу с речью, в которой подвергает сомнению совет богини. Что является nonsensом. Именно поэтому Одиссей наделяется эпитетом хитроумный, а не мудрый. Он направляет на свое сердце свои слова, а не бога. Мудрый – это тот, кто в одностороннем порядке принимает волю богов, принимает в свое сердце их слова и поступает, руководствуясь ими (классический пример – провидцы, прорицатели, птицегадатели).

Таким образом, Одиссей – первый разумный человек в истории Запада. Он первый среди греков научился жить не чувствами своего сердца, а разумом (или рассудком). Который формируется в ходе внутренних диалогов, но каков механизм этого формирования – это мы выясним в последующих исследованиях.

**СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО:
СТО ЛЕТ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ СПОРОВ**

Ю. Б. Вертгейм

Новосибирский государственный университет

Социальная реальность переживает значительные изменения за последние десятилетия. Появляются новые виды деятельности, новые типы социального неравенства, новые формы культуры и новые технологии, которые делают невозможное возможным. Изменяется позиция человека в мире – он получает все больше власти над материальным миром, включая биосферу. Теоретики стремятся выразить это своеобразие исторической эпохи, предлагая самые разные концепции современного общества. Подобная концепция так или иначе учитывается в любой социальной деятельности, поэтому ответ на вопрос о том, что такое современное общество, имеет особое значение.

Первые идеи, которые позже стали частью концепции «потребительского общества», предложил американский социолог Торстейн Веблен [Веблен, 1984]. Он изучал феномен престижного потребления, когда вещи и услуги приобретаются ради подтверждения социального статуса. Так что первые попытки разработать концепцию современного общества можно обнаружить в конце XIX века. Интересно, что даже более чем сто лет обсуждения не привели к согласию – оценки колеблются от критических концепций общества риска, потребительского общества, общества ненависти до почти социальных утопий постиндустриального общества, информационного общества, общества знания [Вертегейм, 2006]. Это выглядит поразительным, поскольку все изучают одно и то же современное общество, которое у всех перед глазами.

В качестве одной из причин можно назвать переходный характер современного общества – предметом изучения являются не сложившиеся формы, а набор тенденций. Поэтому сложно с достоверностью судить о том, какие тенденции окажутся наиболее значимыми. Соответственно, обычно используемая в таких исследованиях методология, близкая к социальному прогнозированию, не позволяет делать окончательные выводы. Чаще всего в разных вариантах используются предложенный Максом Вебером метод идеальных типов и представленный Людвигом Витгенштейном метод семейного сходства [Вебер, 1990; Витгенштейн, 1994; Сторожук, 2000].

Самой свежей версией среди концепций современного общества является дискуссия, идущая в настоящее время вокруг концепта «общество 2.0». Этот термин стал одним из серии концептов, построенных на основе популярной метафорой «Web 2.0», которую Тимоти О'Рейлли предложил для анализа Интернет-технологий второго поколения, начавших развиваться после краха Интернет-компаний – «доткомов» осенью 2001 года [O'Reilly, 2005]. Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей современного общества в этой версии, остановимся на значении самого термина «современный».

Проблема современности тесно связана с проблемой периодизации истории в целом – что считать основным содержанием современных социальных процессов и где провести границу между современным и несовременным. В новейшей истории два самых впечатляющих рубежа связаны с геополитикой – борьбой за господство. Это распад СССР в 1991 году и теракты в США в 2001 году (борьба с терроризмом). Ранее, в советский период российской истории, таким рубежом была Октябрьская революция. Самые популярные концепции современного общества, например информационное общество, в качестве рубежа принимают середину XX века – превращение сферы услуг в основную область деятельности. Наконец, самая недавняя дата для границы современности – 2004 или 2005 год, переход к технологиям второго поколения Интернета Web 2.0 и «обществу 2.0».

Представляется, что наиболее существенным процессом современности является рост технологической мощи. В настоящее время человечество по масштабу воздействия сравнимо со всей биосферой, по крайней мере, в негативном смысле, но, по-видимому, еще не вполне сравнимо с геологическими процессами и точно не сравнимо с космологическими. Для такого «человека могущественного» необходима новая этика, а по поводу его разумности можно спорить. Если задать вопрос о том, когда начал формироваться такой «сверхчеловек», то в качестве границы можно обозначить рубеж XIX XX веков – на уровне идей происходит развитие новой физики, отказ от механицизма, а на уровне событий разворачивается Первая мировая война, впервые применяется оружие массового поражения (пока ограниченного действия).

Однако новые внутренние рубежи делают современное общество все более современным. В качестве таких промежуточных границ выделим середину XX века – итоги Второй мировой войны, новые геополитические лидеры, новые сферы занятости, взлет контркультуры, а также рубеж XX и XXI веков – распад СССР, изменение структуры геополитического лидерства, рост глобализации, влияние Интернет-технологий первого и второго поколения. Попытаемся выделить наиболее яркие и своеобразные качества последней версии современного общества – «общества 2.0».

Неизбежность виртуализации. Появление виртуальных статусов и ролей становится неотъемлемую частью процесса социализации – уже не получается жить в обществе и быть свободным от влияния Интернета. Для многих социальных слоев и субкультур присутствие в Интернете становится фактором принадлежности к сообществу. Кроме того, виртуальные статусы все

больше воздействуют на реальные и наоборот. Возникает парадокс «нулевых» статусов: в «обществе 2.0» человек наделен разнообразными «нулевыми статусами», то есть отсутствием в определенных виртуальных структурах, и может даже не подозревать об этом.

«Овеществление» виртуальной социальности. Парадоксальная особенность формирующихся сообществ состоит в следующем – социальный статус в них жестко выражен и, можно сказать, «овеществлен». Этот статус в сообществе и социальные связи невозможно утаить. Получается, что виртуальное общество в версии 2.0 гораздо «овеществленнее», чем реальное. В «обществе 1.0» никто не носит «порядковый номер на рукаве» – это характерно только для самых репрессивных практик XX века. А в сетевом мире участник сообщества сообщает о себе либо ему приписывают множество сведений: он заполняет анкету, ведется подсчет его высказываний, составляется список его виртуальных друзей, его блогу или ему лично присваивается определенный рейтинг в сообществе и т.д. Если попытаться представить аналоги в обычном мире, то можно почувствовать, насколько это серьезно. Вряд ли кому-то захочется в любой ситуации предъявлять свой рейтинг в Сибири, координаты друзей, количество высказываний на определенную тему за всю жизнь и прочее. В этом смысле, символической реальностью является «общество 1.0», что явно противоречит распространенным мифам о природе виртуальности. Обычно о статусе и репутации человека мы судим по косвенным признакам – одежда, стиль разговора, место жительства. В результате, в «обществе 2.0» рост свободы идет параллельно с увеличением жесткости социальных отношений.

Размывание границ повседневности. Естественной средой обитания для человека является его повседневность, при этом повседневная культура людей из других обществ или социальных слоев остается для него далекой и закрытой. Однако виртуальная повседневность устроена совершенно по-другому – в нее включаются принципиально не повседневные элементы, например общение с носителями иных культур. В результате, повседневность приобретает совершенно не свойственные ей черты – глобальный масштаб, поликультурность, неустойчивость и непредсказуемость.

Возможность Интернет-робинзонады. Для «общества 1.0» подход социальной робинзонады, как правило, критикуется. Однако вторая версия общества делает возможным своеобразного Интернет-Робинзона – сейчас на «виртуальном острове» можно найти все нужное для выживания: общение, работу, информацию, товары на дом. При желании, можно вообще не покидать своего жилища, оснащенного по последнему слову техники, и даже вести относительно здоровый образ жизни, обзаведясь тренажерами, кондиционером и охраной. «Общество 2.0» делает возможным пребывание за пределами «общества 1.0», за исключением общей инфраструктуры и проблем безопасности. Очевидно, что это новый социальный опыт, который пока не изучен.

«Когнитивная демократия». Новые версии сетевых СМИ – проекты наподобие Digg.com или, в русскоязычном варианте, News2.ru – позволяют пере-

страивать фрагментарную информацию о мире в зависимости от итогов голосования, при этом на главной странице сайта размещаются те новости, которые набрали больше всего голосов. В итоге, происходит значительная архаизация мышления: отдельный фрагмент новостного интертекста сделан конкретным автором, однако сама текущая картина мира становится анонимной, с безликим коллективным автором. Так что виртуальное сообщество знает о мире то, что хочет знать, – все прочее не набирает нужного рейтинга, чтобы попасть в фокус внимания. В англоязычном проекте Digg.com за самые популярные новости голосуют тысячи человек, а в русскоязычном News2.ru – десятки. Уже сейчас по «когнитивной мозаике» на Digg.com можно составить яркое представление о своеобразии интернетной культуры второго поколения. Кнопку «digg it» можно разместить на любом Интернет-сайте, так что масштаб участия, скорее всего, будет нарастать.

Такой культурный механизм позволяет участникам по-новому решать фундаментальные философские проблемы – не рациональным и не иррациональным, а социальным способом. Само «когнитивное большинство», голодая за определенную информацию, проводит границу между сущим и несущим. Тем самым, сообщество самостоятельно решает, какую именно информацию оно получает и откуда – специалисты как особая социальная и профессиональная группа больше не нужны. Возникает своеобразная ситуация «когнитивной демократии» – перед кнопкой «digg it» все социальные мыслители равны, потому что у каждого имеется только один голос в пользу истинности или значимости конкретной информации. Мощь аргументов ничего не значит, поскольку отсутствует структура спора. Более того, в результате такого механизма не может появиться истина в классическом понимании – в «обществе 2.0» значимость подменяет собой истинность. Большинство выделяет нечто в качестве значимого, а убедиться в истинности или ложности никакой возможности нет – и дискуссия не предусмотрена, и альтернативная информация остается далеко за кадром. Вместо эпистемологии воцаряется аксиология – принцип ценности становится более важным, чем принцип истинности. Изменяются основные вопросы, характерные для сферы познания – уже не так важно, что я знаю или что могу знать. Гораздо важнее, что мне ценно знать о мире, поскольку все остальное попросту не существует.

Современное общество в начале XXI века приобретает новые, парадоксальные черты. Виртуальное все теснее сближается с не-виртуальным, у индивида появляется возможность собрать новую, виртуальную личность. Однако «общество 2.0» не означает безудержного роста свободы – напротив, для виртуальной социальной характерны новые, жесткие механизмы контроля, например «овеществление» социального статуса. Этим парадоксы не исчерпываются – впервые становится возможной Интернет-робинзоада, можно почти полностью освободиться от «общества 1.0» ценой подчинения второй версии общества. Для адептов новых реалий существенно изменяется познавательная деятельность – значимость заменяет истинность, а место эпи-

стемологии для «когнитивного большинства» занимает аксиология. «Общество 2.0», скорее всего, не является окончательной версией современного общества, однако позволяет судить о многих его особенностях.

Литература

Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. 520 с

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 44-271

Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.

Вертгейм Ю. Б. Очертания общества: поиски концепции // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: Философия. 2006. Т. 4. Вып.2. С. 58-65.

Сторожук А. Ю. Проблема построения определения критерия научности гипотезы // Философия науки. 2000. № 1. С. 98-100.

O'Reilly T. What is Web 2.0 [Электронный ресурс] Электронная статья [цит. 22 октября 2007 года]. Официальный сайт издательства O'Reilly Media. Режим доступа: <http://www.oreilly.com/pub/a/oreilly/tim/news/2005/09/30/what-is-web-20.html>. Загл. с экрана.

КРИЗИСЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА С ПОЗИЦИЙ МИРОСИСТЕМНОГО АНАЛИЗА*

В. В. Цыганков

Институт философии и права СО РАН

В рамках миросистемных когнитивных средств обращение к отдельному обществу всегда связано с проблемой интерпретации способа включения этого общества в капиталистическую мир-экономику (КМЭ). Проблема эта двуединая: каким образом удавалось выдерживать приемлемую норму прибыли, и каким образом (если только это не «ядро» КМЭ) удавалось компенсировать изъятия в процессе неэквивалентного обмена.

В данном случае «социальный кризис» понимается широко: как *перерыв в функционировании социальной системы с позитивным или отрицательным выходом*. При изменении внешних условий должны наблюдаться эпизоды адаптации к ним. Это – и есть социально-исторические кризисы. Каждая крупная российская трансформация - кризис как реакция на изменение стои-

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Исследовательский грант №06-03-00346а.

мости содержания «ядерного» сектора. В случае России особая проблема для включения в мир-экономику – низкая прибыльность ее хозяйства. Очевидны природно-географические препятствия на пути хозяйствования в России.

Можно выделить два типа кризисов. Первый тип связан с долговременным давлением КМЭ-конъюнктуры на российское общество как на сегмент мир-экономики. Второй – со сбоем конъюнктурного давления.

Пример первого типа: кризис включения в КМЭ («Петровские реформы»).

Вызов. Массированное кредитование государей в Европе привело к появлению «регулярного государства» с регулярной армией и налоговой системой. Это был новый механизм обеспечения нормы прибыли для «ядра». Впервые он отчетливо выражен в Англии, после «славной революции» 1688г. Однако успех английского тандема «государство-крупный капитал» означал, что расширяется круг «статусных групп», претендующих на эти прибыли. В самом конце XVII в. началось крушение английских торговых монополий. Это вело к увеличению издержек «колониальной торговли», которые должен кто-то оплатить. Как появление новой структуры обеспечения нормы прибыли, так и фритредерство как фактор возрастания издержек – стало вызовом для всех государей, стремящихся сохранить политическую субъектность.

К концу XVII в. максимальную норму прибыли демонстрирует строительство морского флота. Для поднимающегося гегемона Британии и «мирового извозчика» Голландии проблема строевого леса и «морских припасов» чрезвычайно важна. До конца XVII в. поставщиком всего этого была Прибалтика, которую удерживала Швеция (и тем была включена в КМЭ). Силу она черпала в «регулярности» своего государства. Возникшее удорожание статусности «ядра» шведское государство могло переложить на тех, кому оно посредничало в торговле: на Россию, Польшу, Пруссию. Периферийность последних, соответственно, возрастала. Эта часть «вызова» для России была вскрыта и осознана «Великим посольством» Петра.

Ответ. Им стало подключение к рынкам «ядра» путем организации «регулярного», воюющего государства на экономической базе «второго издания» помещной системы (которая до того как институт по своим характеристикам приближалась к вотчине).

Другого типа кризис – комплекс социальных изменений, который можно назвать Русской революцией (1905 – 1917 гг.).

Вызов. В конце XIX – XX вв. наибольшую норму прибыли начинает демонстрировать вывоз капитала. У России рынок для такого вывоза – только незначительные по масштабу концессии на проекты хозяйственного развития Северо-Восточного Китая. «Реформы Витте» стали попыткой компенсировать уозсть рынков привлечением инвестиций. Результатом стало явление, получившее у историков обозначение «аграрное перенаселение», у социологов «ложная урбанизация», у экономистов – «секторный разрыв экономики». Общий «заряд» российского общества становится всё более периферийным. Русско-японская война наглядно это подтвердила. **Ответ.** В период начала Русской революции на политическую арену как субъект выходит поземель-

ная община с требованием расширения низового компенсаторного механизма нерыночного распределения (земли) как единственного из обозримых способов ограничения давления на физиологическую безопасность своих членов.

Вызов. Быстро периферизирующаяся страна с островками современного производства внезапно потребовалась в ее «ядерной» ипостаси. Знаменитые французские займы должны были в короткие сроки (но – на короткий срок) привести «ядерную» часть России – прежде всего, сектор казенных заводов, сеть коммуникаций, армию и флот – в терпимое состояние. Способность вести войну превратилась в оплачиваемый товар, на продаже которого могла теперь строиться легитимация режима российской власти. **Ответ.** Режим, играющий роль механизма внеэкономического обеспечения приемлемой нормы прибыли в российском хозяйстве (через податную систему, выкупные платежи и аренду земли) – получил новый импульс в прежнем направлении. Выстраиваемая вокруг манифеста 17 октября новая легитимация режима была отброшена, и вызванный им к жизни новый политический субъект – «волостной сход крестьянских общин» – оказался в подвешенном состоянии. Вместо длительной тяжбы о темпах и способе расширения компенсаторного механизма общинного распределения в аграрном секторе – был выбран проект краткосрочной его ликвидации – столыпинская реформа. Однако массовая крестьянская армия, набранная для фронтов Первой мировой войны, затем, фактически, повторила требования «приговорного движения» крестьян 1905-1907 гг. – расширить сектор уравнительного передела. Уже на основании этого требования происходило видоизменение легитимации правящего слоя и властного режима (не «война до победного конца», а «чёрный передел»). Говоря коротко, сбой «вызова» конъюнктуры КМЭ привел к сбою «ответа», которым в конце концов стала гипертрофия компенсаторного механизма общинного распределения, могущая справиться с голодом и прогрессирующим малоземельем. Это была разновидность практики «полуухода» из мир-экономики, и советская власть, легитимируемая «черным переделом» внутри общества и оппозиционным политическим сектором Европы за его пределами – стала продуктом нащупанного способа «полуухода».

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРИТЕРИЕВ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ АСПЕКТЕ

Э. С. Кузнецова

Югорский государственный университет (г. Ханты-Мансийск)

Актуальность темы обусловлена спецификой социальной ситуации, в которую поставило себя современное человечество. Именно сегодня крайне интересным объектом для исследования являются философские учения, в которых всё вращается вокруг вопроса о демократической власти, которая

сегодня существует более чем в половине всех стран; полезно выявить, благодаря чему подобные философские учения приобретают популярность и как они воплощаются в тех или иных результатах деятельности отдельных людей и целых организаций.

Социальная сущность, природа и роль демократии как общественного явления интересовала философов на протяжении двух с половиной тысяч лет: этой проблемы касались уже Сократ, Платон, Аристотель. Ш.Монтескье, Т.Гоббс, Д.Локк, Т.Пейн, Б.Спиноза, Ж.-Ж.Руссо, К.Маркс, К.Ясперс, К.Поппер заложили основы понимания современной демократии. Позднее интерес философской мысли к демократии усилился в связи с ее развитием в большинстве стран мира. Среди современных философов в этой связи следует выделить И.Шумпетера, А.Лейпхарта, Б.Гуггенбергера.

Целью данной работы является попытка определения критериев демократии как общественного явления в основных философских подходах и в современных теориях XX века.

Классическое определение демократии неразрывно связано с его этимологическим происхождением. Термин происходит от греческого слова, состоящего в свою очередь из двух слов: *demos*– народ и *kratos*– власть, правление. Зародившись еще в античности, демократия дословно означает «власть народа» или «народовластие».

Впервые термин “демократия” встречается у греческого историка Геродота. Это государство, построенное на равенстве. Его характеризуют: занятие должностей по жребию; обязанность должностных лиц отчитываться о своей деятельности; сосредоточение важнейших дел, требующих обсуждения, в руках народного собрания.

Переоценка концепта демократии происходит в период Французской революции. С этого времени демократия становится философско-историческим кодом как для целого ряда либерально-буржуазных требований автономии и соучастия в принятии решений, так и для идей и устремлений к социальному равенству. Это связано с такими именами как Т.Гоббс, Д.Локк, Б.Спиноза, Ш.Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Мэдисон, Т.Пейн, М.Вебер, К.Ясперс.

Крупнейший философ XX века Карл Поппер демократию определял как формальную свободу, право народа оценивать и отстранять свое правительство, т.е. это контроль за правителями со стороны управляемых.

Наряду с классическими теориями демократии перечисленных философов в современный период появился и ряд теорий, развивших основные идеи обозначенных концепций с учетом изменившихся реалий, динамикой демократических процессов. Значительный вклад внесли И.Шумпетер, Х.Вольфон, Г. Ласки, Д. Трумэн, Р. Даль.

Каждый автор пытается назвать демократию по-своему и выделить свои критерии. Однако, вопрос об определении критериев демократии, как и о понятии демократии, по сей день является весьма спорным и до конца не решенным. Автор не ставит перед собой задачу составить исчерпывающий перечень демократических институтов и признаков демократии – это занятие, в

общем-то, бесполезное и безнадёжное. Однако некоторые существенные и необходимые элементы демократии выявить можно, даже исходя только из опыта античного мира. В частности демократию невозможно представить без вовлечения граждан в принятие политических решений – собственно народо-властия; определенного равенства граждан; некоторой степени их независимости и гарантий свободы; главенства закона; выборности высших должностных лиц, подконтрольности и подотчетности должностных лиц и государственных чиновников народу; независимого и справедливого правосудия.

Отсутствие единого или хотя бы достаточно общего представления о демократии – ее понятии, сущности и содержании – открывает огромные возможности для произвольного ее толкования и выделения критериев, наименования демократическими государств, правящих режимов и политических систем, которые, по сути, никогда не были таковыми. Чтобы убедиться в этом, достаточно сказать, что в современную эпоху, именуемую эпохой демократии, не было и нет такого государства или правящего режима, которые не причисляли бы себя к демократическим, действующим от имени всех своих граждан и в интересах всех.

Что же касается мнения самих граждан по поводу демократии и критериев демократии, то какая-то часть россиян ассоциирует демократию со свободой, другая - и таких большинство - со всем тем, чего не хватает в сегодняшней жизни. Критерием демократии, как явствует из социологических данных, большинство российских граждан считают защиту прав человека, и эта позиция на первый взгляд не отличается от "западных" представлений. Однако сами эти права то же большинство понимает иначе, нежели на Западе: на первом месте для него стоят права материальные, социально-экономические и относительно незначительное место в них занимают отношения с властью.

Во избежание злоупотребления термином «демократия» и в целях его более рационального и эффективного использования весьма важно выработать наиболее полный перечень единых критериев демократии. По мнению автора данной работы таковым может являться следующий перечень критериев, характеризующий демократический режим:

1. Суверенитет народа - народ является источником власти, именно он выбирает своих представителей власти и периодически их сменяет.

2. Периодическая выборность основных органов власти позволяет обеспечить четкий легитимный механизм преемственности власти. Государственная власть рождается из честных демократических выборов, а не посредством военных переворотов и заговоров. Власть выбирается на определенный и ограниченный срок.

3. Всеобщее, равное и тайное избирательное право. Выборы предполагают наличие реальной соревновательности различных кандидатов, альтернативность выбора, реализацию принципа: один гражданин - один голос.

4. Конституция, закрепляющая приоритет прав личности над государством и обеспечивающая одобренный гражданами механизм разрешения споров между личностью и государством.

5. Принцип разделения властей в построении государственного аппарата.
6. Наличие развитой системы парламентаризма.
7. Гарантия основных прав человека.
8. Политический плюрализм, позволяющий легально действовать не только политическим и общественным движениям, поддерживающим политику правительства, но и оппозиционным партиям и организациям.
9. Свобода выражения политических суждений (идеологический плюрализм) и свобода формирования ассоциаций, движений дополняется многообразием различных источников получения информации, независимыми СМИ.
10. Демократическая процедура принятия решений: выборы, референдумы, парламентское голосование и др. Решения принимаются большинством при уважении права меньшинства проявлять несогласие. Меньшинство (оппозиция) имеет право выступать с критикой в адрес правящей власти и выдвигать альтернативные программы.
11. Разрешение конфликтов мирным путем.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИЧИН И ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕМОКРАТИИ

А. Г. Лигостаев

Новосибирский государственный педагогический университет

Любое общество предоставляет каждому его члену определенный набор свобод. Существует некий «средний» уровень свободы, что предоставляет каждый политический строй. Совокупность политических режимов, измененных по уровню свободы, можно условно разместить на линии, проходящей между относительными полюсами демократии и авторитаризма.

Демократическим считается политический режим, удовлетворяющий критериям: 1. подчинение меньшинства большинству; 2. равноправие граждан; 3. выборность основных органов государственной власти; 4. наличие обширных прав и свобод граждан и условий для их реализации; [1, с. 112] 5. наибольшее значение выборных учреждений власти в системе государственной организации; 6. верховенство закона.

Для проведения исследования мы воспользовались методом теоретической истории – см.: Н. С. Розов [2]. Сущность его в следующем. К одинаковым социальным следствиям (например, революции) всегда приводят одинаковые факторы, вне зависимости от того, где и когда происходят события.

В исследовании использованы следующие случаи формирования демократии: образование демократии в древней Греции VIII – VI веков до н. э., в США, Новгороде XII века, Португалии в 1974 г., в Испании 1975 г., и в Никарагуа в 1979 г. В результате проведенного сравнения получено, что во всех

случаях установления демократии (или режима близкого к демократии, социальной эволюции к ней) проявлялись следующие факторы.

1. Высокая экономическая, социальная, политическая активность населения, подъем народного движения. Значение фактора в том, что активность народа делает шаткой предшествующую власть. А в период становления новой власти вынуждает приходящие к власти элиты устанавливать такой строй, который бы учитывал стремления и потребности масс.

2. Развитость в рамках страны различных социальных организаций, в которые бы входило большое число активного населения, самостоятельность этих организаций; организованность поддерживающих потенциальный строй.

3. Неприемлемо высокая цена полного подавления соперника, невозможность, невыгодность окончательного подавления, которая складывается либо сразу после победы сторонников демократии в жесткой борьбе с противником (но ни в коем случае не до этого), либо в ходе социальной и политической эволюции без такой борьбы, когда складывается такое соотношение сил, когда это подавление становится невозможным и невыгодным. Трудность подавления должна охватывать не только отношения борющихся социально-политических сил, но и все общество, т. е. должна быть велика трудность подавления народного движения, действий «низовых» организаций, отдельных общественных групп.

4. Зависимость власти от потенциально демократических элит (до их прихода к власти) и масс, или зависимость элит и власти от масс и других элит (после прихода к власти). Одновременно – решимость народа поддержать разные политические силы.

5. Наличие социальной напряженности или социального конфликта между элитами и народом и/или между элитами. Взаимодействие социальных сил на этапе становления демократии требует социальной нестабильности, так как в это время происходит укрепление социальных сил и их развитие.

Итогом социальных процессов становится либо победа сторонников демократии в ходе борьбы, либо такое соотношение сил, когда устанавливается компромисс, позволяющий активно развиваться социальным силам, поддерживающим демократию. Это и есть те самые факторы, которые в итоге равнодействия приводят к демократии, когда в социальной ситуации присутствуют они все, а не по отдельности.

Установление демократии возможно, если силы элит и народа либо в балансе, либо если народ «перевешивает». Это значит, что на «низовом уровне» народ должен быть организован, должен обладать ресурсами, в том числе и финансовыми.

Более «мягкие» методы становления демократической власти присутствуют (как правило) в том случае, если в обществе отсутствует или ослаблены «социальные затворы», что сдерживают вертикальную мобильность общества, когда возможна свобода деятельности, возможно, строить карьеру разными способами.

Непрочное положение, рост слабости власти, претендующей на авторитаризм и периодически использующей умеренно жесткие репрессии, при наличии сильной тенденции эволюции к демократии, не использующей силовые методы прихода к власти, способствует более медленному и эволюционному пути внедрения демократической системы. Но, чем более жестким является предшествующий режим, тем в большей степени силовые методы используются для установления демократии.

Где не существует определенной подвижности государственных институтов, системы власти, политических институтов, нет определенной мягкости задаваемых ими ограничений, там реализация демократической власти и институтов идет, как правило, более жесткими методами.

Наше исследование получило любопытные отрицательные результаты, ставящие под сомнение во многом устоявшиеся мнения по поводу факторов, приводящих к авторитаризму или демократии: 1. уровень богатства населения не является фактором, ведущим к образованию по итогу демократического или авторитарного режима; 2. сила политических традиций не является решающим фактором, определяющим будущий режим: демократическим он будет или авторитарным; 3. высокая роль военных, даже если они выступают как часть социума, политизированность армии не влияет на выбор демократического или авторитарного режимов.

Таким образом, можно сказать, что демократия является результатом сложения определенных социальных сил, а ее «классические» формы реализуются неодинаково в разных обществах.

Литература

1. Краткий политический словарь / общ. ред. Л. А. Ониксова, Н. В. Шишлина. 4-е изд. – М., Политиздат, 1987. – 509 с.
2. Разработка и апробация метода теоретической истории / под ред. Н. С. Розова. Вып. 1. – Новосибирск : Наука, 2001. – 503 с.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ

Л. П. Кружкова

Сибирский филиал Международного института философии и права
(г. Новокузнецк)

Концепция устойчивого развития, которая сегодня оценивается как основная идея в цивилизованном строительстве мира, быстро приобретает признаки экономической и идеологической основы процессов глобализации. Сопровождаемый глобальными процессами переход к устойчивому развитию

предполагает формирование нового уровня регулирования экономических и социальных отношений на внутристрановом, межгосударственном, международном и наднациональном уровнях. Поэтому в условиях становления новой модели социально – экономического развития России вопросы конкуренции, конкурентоспособности и устойчивого развития российской экономики занимают главенствующее место в теории национального хозяйствования.

Конкурентные отношения представляют собой механизм взаимодействия экономически обособленных субъектов, преследующих частные интересы. Следовательно, конкуренция играет роль «невидимой руки», ставит пределы реализации частных интересов и заставляет действовать в интересах общества, то есть вынуждает учитывать интересы других субъектов и общества в целом. Конкуренция имеет две стороны:

1. борьба (за потребителя, за доступ к экономическим ресурсам и новым технологиям, за наиболее выгодные сферы приложения капитала);
2. сотрудничество (принуждает к совместному созданию инфраструктуры, совместным научно – техническим проектам, к принятию единых стандартов).

Однако в последнее время фокус внимания экономической теории стал смещаться с конкурентных «сил отталкивания» на кооперационные «силы притяжения» и эволюционно – коэволюционные «силы инерции». Сочетание соперничества и сотрудничества в бизнесе приводит к тому, что во многих элементах конкуренции можно обнаружить резервы сотрудничества, а в каждом элементе сотрудничества – проявление конкуренции. Таким образом, конкуренция рассматривается не как проявление хаотических сил в бизнесе, а как упорядоченное взаимодействие рыночных агентов. Варианты стратегии конкурентного поведения в профессиональном бизнесе включают действия, направленные не только на устранение соперников, на обособление от них, но и на сближение с ними и даже на выгодную уступку позиций и продажу бизнеса. Все подобные действия связаны с конкуренцией в прямом смысле. Таким образом, стратегический альянс – не просто способ сотрудничества, но и стратегия конкуренции, в соответствии с которой стороны объединяют ресурсы в борьбе с общими соперниками, при этом отчасти нейтрализуя друг друга.

В экономической науке существует множество трактовок конкуренции, однако наибольший интерес представляет институциональный подход.

В мировой экономической мысли накоплен богатый опыт теоретических исследований и практических рекомендаций по формированию эффективной институциональной среды конкуренции. Однако, несмотря на повышенное внимание со стороны отечественных и зарубежных исследователей к законам и закономерностям развития конкурентных отношений, ряд вопросов теоретического и практического характера, связанных с проблемами преодоления устоявшихся стереотипов относительно понимания конкурентоспособности товара, фирмы, отрасли, страны; формирования конкурентной стратегии в целях их эффективного функционирования и развития на основе конкурент-

ного потенциала в совокупности отношений конкурентоспособности; содержания институциональных факторы становления и развития конкуренции в России остаются слабо изученными

Сущность и направления развития конкурентных отношений и их структурные элементы – конкурентного потенциала и конкурентных стратегий – обусловлены в значительной степени состоянием институциональной среды, которая трактуется как совокупность формальных (индивидуальных контрактов, правил обмена, структур управления, прав собственности) и неформальных институтов (неформальных ограничений - стиля поведения, мировоззрения, структурирующих политическое, экономическое и социальное взаимодействие), как конституирующий фактор взаимодействия противоречивых экономических интересов и альтернативных вариантов их реализации в системе предпринимательских отношений.

На основании анализа эмпирических данных были выделены несколько определяющих факторов, которые формируют институциональную среду конкуренции в российских регионах:

Первый фактор - «транзакционно-инфраструктурный», который определяется характеристиками среды с точки зрения издержек, связанных с использованием инфраструктурой: транспортом, складами, услугами таможенных служб, администраций.

Второй фактор - «административных предпочтений» предполагает характеристики административных предпочтений бизнесу, условий доступа к госзаказу и кредитной инфраструктуре.

Третий фактор - «региональной экономической политики», характеризуется деятельностью администрации региона в области экономического законодательства и политики относительно финансового сектора.

Четвертый фактор - «собственности» - характеризуется ресурсной базой предпринимательства (эффективность распределения прав собственности).

Результатом проведенных в России институциональных преобразований стало формирование в значительном объеме системы рыночных институтов.

Институты - это набор формальных правил, неформальных ограничений и механизмов их принудительного осуществления. Важно то, что формальные правила могут быть изменены государством, а неформальные ограничения изменяются очень медленно. И формальные правила, и неформальные ограничения, в конечном счете, формируются под воздействием субъективного мировосприятия людей, которое, в свою очередь, и определяет эксплицитный выбор формальных правил и развитие неформальных ограничений.

Российская практика показала, что созданные по западному образцу, формальные рыночные нормы и соответствующие им структуры неэффективны. Эта неэффективность была обусловлена невозможностью следования данным нормам. Причина заключается в том, что изменения происходили лишь на уровне формальных правил, не был учтен фактор существования неформальных норм. Процессы трансформации индивидуального сознания и формирования новых стереотипов поведения резко отставали от проводимых

экономических преобразований. В итоге произошло рассогласование в функционировании формальных и неформальных институтов, когда новые институты и образцы жизненного поведения противоречили как сложившимся навыкам деятельности, так и привычкам большинства населения.

Спецификой институциональной системы России является то, что возникает конфликт между формальными и неформальными нормами, выражающий «эффект исторической обусловленности развития». Возникший институциональный вакуум начинает заполняться неформальными институтами, свойственными прежней системе. В итоге формальные «правила игры» отходят на второй план, уступая место неформальным. «Эффект исторической обусловленности развития» означает, что любые формальные институты, попадая в российскую среду, прорастают неформальными отношениями и личными связями.

ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ И ЕГО АЛЬТЕРНАТИВЫ

Е. И. Сапожников

Институт философии и права СО РАН

Анализ общества потребления и его альтернатив уместно начать с прояснения категориального аппарата. Под *обществом потребления* в данном исследовании понимается общество индустриально развитых стран, характеризующееся:

- массовым потреблением товаров и услуг;
- формированием соответствующей системы ценностей.

Основная причина превращения объективно существующих потребностей в психическое отклонение коренится в *двойственной сущности человека* – его телесной и духовной составляющих, каждая из которых влечёт человека к разнонаправленной деятельности. Физическая организация влечёт человека к физиологически обусловленной жизнедеятельности, духовная – к духовно обусловленной соответственно.

Под духовным потенциалом имеются в виду познавательные, эстетические и этические способности. Нереализованность духовных способностей вызывает у человека психическую подавленность и дискомфорт, для снятия которого используется потребление. В потребительском обществе потребление (выбор и регулярное обновление товаров) сделалось главным содержанием социальной жизни.

Общество потребления нельзя считать эталоном развития человечества по следующим причинам:

- потребительский образ жизни не развивает, а зачастую и тормозит развитие, высших (познавательных, эстетических, этических) способностей человека;

- культура потребления ведёт к отступлению в эволюционном развитии, примитивизации человеческого поведения, вследствие увеличения его детерминированности инстинктами;
- все мировые религии, весь опыт и традиция человеческой цивилизации отрицают потребительский образ жизни в качестве социального идеала, делают идеологию потребления антиисторичной;
- ресурсы нашей планеты ограничены, в то время как потребности общества потребления безграничны, что делает принципиально невозможным продолжительную экспансию потребительского образа жизни;
- потребительская ориентация ведёт к медленному вымиранию популяции, ибо альтернативные (содержанию семьи) способы использования ресурсов обеспечивают более высокий уровень комфорта, усиленно культивируемый в социуме.

В связи с вышесказанным, дальнейшее развитие и популяризация идеологии общества потребления видится весьма неперспективной и опасной для человечества.

Однако, ситуация не безнадёжна. Несмотря на отнюдь не радужные перспективы существующей культуры, в ней содержатся объективные предпосылки для становления альтернативной культуры и альтернативного будущего.

Вероятно, общество будущего будет основываться на творчески преобразовательных формах деятельности, быстрое внедрение которых в практику повседневной жизни будет обеспечиваться глобальной коммуникационной сетью. Культура будущего в отличие от культур прошлого будет создавать не столько материальные и духовные ценности, на основе существующих способов жизнедеятельности, сколько сами способы жизнедеятельности, вырабатывая, тем самым, новую систему ценностей. Деятельность и ценности поменяются местами. Если ранее, в процессе деятельности вырабатывались определённые ценности, то теперь, сама возможность самостоятельного формирования способов жизнедеятельности изменит и систему ценностей - появятся гиперценности.

Благодаря научно-техническому прогрессу, люди получают новую степень свободы - возможность самостоятельно определять свою форму существования, а через неё, и самих себя. Таким образом, новая культура может быть названа метакультурой, так как позволит выбирать любую из известных науке культур (способ жизни), или сформировать собственную.

Предпосылками возникновения новой культуры являются:

- развитие производительных сил, обуславливающий удешевление информационных технологий и рост уровня доходов населения;
- рост численности и плотности населения, особенно мегаполисов;
- наконец, лавинообразный рост информации и знания (90% существовавших когда либо учёных живы до сих пор), а также *доступность лучших достижений мировой культуры широким слоям населения.*

Принципиальным отличием недалёкого будущего в передовых странах станет то, что *скорость формирования новых способов осуществления жизни резко увеличится*. Данное количественное увеличение предоставит качественно новую возможность - в течение одной жизни реализовать множество форм жизни, воплотиться во множестве образов, попробовать себя в тысяче амплуа. Провозглашённый девиз Гегеля – Учиться, учиться и учиться – трансформируется в установку - Воплощаться, воплощаться и воплощаться.

Быстрое внедрение новых способов жизнедеятельности будет основано на сети. Сеть позволит быстро распространять информацию среди большого числа потенциальных участников проекта. В будущем появится возможность выбирать способы деятельности так же, как сейчас есть возможность выбирать один из 150 телевизионных каналов. Глобальное коммуникационное пространство предоставит возможность найти единомышленников, оперативно организовывать научные конференции и публичные дебаты, спортивные состязания и фестивали искусств, сформировать собственный «жизненный мир».

Воплощение новых форм жизни будет возможным не благодаря отзывчивости и альтруистичности участников какой-либо сплочённой социальной группы (например, семьи, школьных друзей или корпорации), но благодаря глобальности коммуникационного пространства (широте охвата аудитории), а также способности генерировать востребованные идеи.

В возникновении и функционировании общества будущего решающую роль будет играть философия. Её центральное место и определяющее значение в метакультуре очевидны, ведь философия – это, прежде всего, критическое осмысление практикуемых способов жизнедеятельности, ведущее к выработке иных оснований и новых форм жизни. По сути, философствование открывает новые способы жизни. Благодаря этому, в культуре будущего философствование будет ключевым фактором развития человечества.

ПРИЧИНЫ НАРАСТАНИЯ КРАЙНЕ ПРАВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В. Б. Володин

Новосибирский государственный университет

Начало двадцать первого века в России отмечено усилением активности ультраправых политических группировок, которое наблюдается на фоне общего политического сдвига вправо, происходящего в стране. Это особенно бросается в глаза после непродолжительного периода демократического подъёма, приходящегося на конец 80-х и начало 90-х годов прошлого столетия. Почему это происходит?

Существует мнение, что рост ультраправого движения является ответной реакцией на революционный подъём. В подтверждение данной точки зрения указывается на тот факт, что фашистское движение в Италии началось в период массовых революционных выступлений, сопровождавшихся захватами предприятий в Пьемонте и Ломбардии. Аналогично движение немецких нацистов рассматривается в качестве ответа на революционные события в Германии. "Революция слева подготовила революцию справа" - пишет К. Мильке о победе нацистов.

Но современные факты противоречат данной теории, поскольку Россия отнюдь не переживала в недавнем прошлом никакой социальной революции, ответом на которую могло бы явиться усиление правого радикализма, свидетелями которого мы являемся.

Однако если сравнивать современную Россию с Италией начала 20-х или Германией начала 30-х годов прошлого века, то действительно можно увидеть нечто общее. Это общее заключается в экономической нестабильности. Во времена экономического подъёма основная масса населения относится к существующему на данный момент политическому режиму с симпатией или безразлично. Но в условиях экономического спада или стагнации, которые неизбежно ведут к снижению доходов большинства семей, в людях просыпается недовольство.

В начале 90-х годов в обществе преобладали оптимистические настроения. Многим казалось, что в ближайшее время положение простых людей должно измениться к лучшему. Эти ожидания не оправдались, и поэтому лояльное отношение населения к существующему режиму стало превращаться в негативное. А поскольку режим позиционирует себя в качестве демократического, то недовольству можно было придать антидемократический характер.

Проводя сравнения, следует отметить, что в Германии нацизм распространялся в условиях послевоенной нищеты, усугубленной репарациями, навязанными Антантой. Однако до конца 20-х годов влияние нацистов на политическую жизнь страны было ограниченным. Перелом наступил, когда в 1929 году разразился великий экономический кризис. Широкие слои немецкого населения винили в своих бедствиях Веймарский режим. Но этот режим был республиканским и возник после революции. Поэтому в представлении многих немцев голод и безработица были тесно связаны с понятием демократии. Недовольство своим положением перерастало в ненависть к демократии, что вело к усилению нацистов.

В Италии фашистам удалось захватить власть на десять лет раньше, чем в Германии, но в очень похожей экономической ситуации. Грамши писал, что причиной, позволившей фашистам увлечь за собой часть итальянского населения, была послевоенная стагнация.

Грамши также указывал на типологическое сходство итальянского фашизма с движением сторонников Луи Бонапарта в середине 19-го века, которое завершилось свержением республики и установлением Второй империи.

И здесь во Франции падение жизненного уровня населения также вело к росту влияния бонапартистов.

Перечисленные исторические ситуации имеют определённую аналогию с современной российской действительностью. Но есть и ещё один элемент сходства. Это отсутствие сильных левых организаций, которые могли бы оказать сопротивление крайне правым. Хотя в Германии существовало массовое рабочее движение, но основные рабочие партии, Социал-демократическая и Коммунистическая были в равной степени неспособны к сопротивлению, благодаря чему нацисты пришли к власти даже без вооружённой борьбы. Троцкий считал, что дело не только в том, что Коммунистическая партия отказалась от союза с социал-демократами против нацистов, но и в том, что обе рабочие партии были не в состоянии противопоставить утратившей популярность политике Веймарской республики никакой альтернативы, благодаря чему политическая инициатива переходила в руки нацистов.

В современной России массовое организованное рабочее движение вообще отсутствует, и поэтому антифашистские организации представлены здесь только небольшими группами анархистов и так называемых троцкистов, состоящими по преимуществу из интеллигенции.

Возникает вопрос, в чём причина слабости левого движения? Усиление правого радикализма очевидно, в то время как число левых радикалов остаётся незначительным. Падение популярности официальной идеологии объясняется падением уровня жизни. Разочаровываясь в официальных ценностях, люди становятся аполитичными или обращают свои симпатии в сторону крайне правых, но левые организации растут очень медленно.

Причина, видимо, заключается в том, что левое движение скомпрометировано результатами революции 1917 года. Социалистические программы революционных организаций предполагали создание нового строя без эксплуатации и угнетения. В действительности революция завершилась образованием тоталитарного режима, по сравнению с которым даже старая монархия выглядит привлекательной. А поскольку сегодня в общественном мнении бытует стойкое представление о том, что тоталитарный режим возник именно как следствие революции, то негативное отношение к революционному движению является неизбежным.

Кроме того, революционных взглядов всегда придерживались демократические круги общественности. Но именно люди с демократическими убеждениями не приемлют тоталитаризма, который сегодня в массовом сознании тесно связан с революцией. Поэтому сейчас левое движение лишено поддержки именно тех кругов, которые составляют его базу.

Но если недовольство существующим положением вещей не может выразить себя в революционном движении слева, то оно находит выход в радикальных выступлениях справа. А поскольку неспособность существующей власти справиться с экономической нестабильностью ведёт к дальнейшему нарастанию общественного недовольства, то нарастание правого радикализма продолжается.

И хотя было бы преждевременным утверждать, что Россия неизбежно должна прийти к установлению режима фашистского типа, такой вариант развития событий является не только возможным, но и весьма вероятным.

Литература

1. Грамши А. Избранные произведения. Москва. 1980.
2. Троцкий Л. Д. Что дальше? Нью-Йорк. 1932.
3. Троцкий Л. Д. Против национал-коммунизма // Бюллетень оппозиции. 1931. № 24.
4. Mielcke K. Geschichte der Weimarer Republik. Braunschweig. 1951.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ В ИЗУЧЕНИИ ДИНАМИКИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

О. С. Терехов

Новосибирский государственный университет

Проблема поиска единой формулы динамики межэтнических конфликтов занимает умы современных политологов, этноконфликтологов и социологов. Для нашей цели – построения единой модели динамики насилия в межэтнических конфликтах, мы рассмотрели следующие теоретические подходы: теория мобилизации Ч. Тилли, реалистские концепции в этноконфликтологии, восходящие к традиции общей конфликтологии (Л.Коузер, К. Боулдинги, Р.Брубейкер, В.Вуячич, С.Мештрович, Ч.Роса др.), эволюционистскую традицию (Дж. Граб) социально-психологическую школы (Р.Каплан, Ч.Марден, Г.Мейер А.Пухар, З.Сикевич), статью Р. Брубейкера “Мифы и заблуждения в изучении национализма”. Для дальнейшего исследования в рамках метода теоретической истории нам необходимы следующие процедуры:

– Фиксацию набора объясняемых явлений (в нашем случае это примеры насильственных межэтнических конфликтов).

– Формирование набора возможно объясняющих переменных-экспланандумов, с помощью которых будет проводиться анализ исторических случаев. В нашем исследовании необходимо сформировать общий набор факторов, воздействие которых приводят к всплеску насилия в межэтнических конфликтах.

Основные критерии отбора переменных-экспланансов:

1) по возможности, обзор наиболее широкого спектра конкурирующих концепций и парадигм.

2) переменные должны охватывать наиболее широкий круг аспектов исторической действительности.

4) возможность проверки переменной для каждого случая

5) бинарность (или легкая сводимость к бинарности) переменных: есть признак/нет признака.

Нас интересуют исторические случаи, удовлетворяющие таким условиям: период достаточно длительного мира между этническими группами, длящийся как минимум 20-25 лет (срок смены поколений), нарушаемый межэтническим конфликтом, как открытым вооруженным конфликтом между этническими общностями с привлечением хотя бы половины существующего людского и военного ресурса хотя бы одной из этнической группы. Последним условием мы подчеркиваем отличие межэтнического конфликта от различного рода мелких стычек и драк, а также деятельность отдельных террористических групп, преследующих частно-политические интересы. Также мы сознательно отделяем межэтнические войны от войн межгосударственных. Отличие состоит в том, что в межэтнических конфликтах агенты различают "своих" и "чужих" по этническому признаку.

В группу изучаемых случаев вошли следующие конфликты: арабо-израильский конфликт(1947г), англо-ирландский (всплеск сепаратизма в 1939 году), всплеск насилия в баскском конфликте в 1975 году, конфликт в Чечне (1995г.), конфликт между Приднестровьем и Молдовой (1992г.), грузино-абхазский конфликт(1992г.). Поскольку такого рода случаев много и они достаточно разнообразны, необходимо не упустить из виду различные и наиболее существенные причины межэтнических конфликтов.

На основании данных критерий мы получили следующие переменные-экспланандумы влияющие на динамику насилия в межэтнических конфликтах: А) Уровень пересечения ниш экономической активности этнических групп в полиэтничном государстве, В) Наличие внешних границ и беспрепятственный доступ к источникам финансирования боевых действий, С) Численность этнической группы (> 500000 чел), D) Отсутствие легитимной центральной власти с эффективным аппаратом насилия. Е) Предшествующий опыт эффективной кооперации этнических групп. F) Депривация преждедоступных ресурсов для этнической группы. G) Организованная и легитимная этническая элита. H) Уровень взаимной культурной дезинтеграции этнических групп.

На данном этапе исследования мы ограничиваемся только положительными случаями присутствия насилия в конфликтах. Методы Бэкона-Милля допускают уточнение через использование булевой алгебры в версии Ч.Регина, которая позволяет конкретизировать вид искомой причинности. Применяя аппарат булевой алгебры в формализме Регина, мы представляем данные каждой строки таблицы в виде уравнения булевой алгебры, при этом левая часть уравнения изображается буквой S, означающей экспланандум (тот факт, который мы объясняем); каждый случай представляет блок сомножителей, или конъюнктивно связанных переменных-экспланандов (большие буквы – для наличия признака (1) и малые – для отсутствия 0; случаи-блоки соединяются в уравнение знаками +, что означает нестрогую дизъюнкцию. Далее мы проводим вынесение за скобки всех общих множителей, что

соответствует методу единственного сходства по Бэкону – Миллю. Далее мы избавляемся от тавтологий в скобках, поскольку тавтология (дизъюнкция B и его отрицания b всегда верна) означает нерелевантность признака B , т.е. возможность его не учитывать в сочетании с A в блоке $A (B + b)$. Оставшиеся в результате данной процедуры дизъюнктивно связанные блоки считаются далее первичными импликантами, претендующими на включение в эскизную универсальную гипотезу.

Выполнив вышеизложенные процедуры, разбираем на первичные импликанты, получаем следующее:

$$S = ABCdefGH + ABCdEFGH + ABCdEfGH + ABCdEFGH + ABCdEfGH + ABCdEFGH = ABCdGH (ef + EF + Ef + EF + EF + EF)$$

Упрощаем формулу до вида

$$S = ABCdGH + E$$

Для того чтобы универсальная гипотеза приняла более общий вид необходимо провести концептуальную адаптацию – некоторые изменения содержания факторов. E (опыт кооперации) изменяем на E' – опыт мобилизации этнической группы не только на насилие, но и, как первоначальная стадия, для решения проблем мирным путем.

Соответственно вариант универсальной гипотезы звучит так: если есть опыт мобилизации этнической группы E' , пересечение ниш экономической активности этнических групп A , беспрепятственный доступ к источникам обеспечения боевых действий B , численность этнической группы C , отсутствие легитимной власти с эффективным аппаратом насилия d , депривация доступа к преждедоступным ресурсам у этнической группы G , дезинтегративное положение этнических групп H , то возникает насилие в межэтническом конфликте.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА ФЕНОМЕНА БЕЗОПАСНОСТИ

А. А. Гриценко

Институт философии и права СО РАН

Обострившиеся проблемы, связанные с обеспечением безопасности в современном обществе и активно разрабатываемая в последние годы общая теория безопасности актуализируют целый ряд философских вопросов. Среди них выделяется проблема онтологического статуса феномена безопасности (ФБ): что такое безопасность? Без решения этой теоретической проблемы невозможно построить целостную систему знаний о ФБ.

Основные трактовки сущности безопасности. На обыденном уровне безопасность понимается как «отсутствие опасности; сохранность, надежность» [1].

Отвлекаясь от обыденных представлений, обратимся к трактовкам феномена безопасности в современной научной и философской литературе.

Первая трактовка феномена безопасности, с которой можно вести отсчет теоретическому рассмотрению проблемы: безопасность есть *состояние защищенности интересов*. Данный подход сложился в сер. XX в. в США при концептуализации представлений о национальной безопасности (Г. Моргентау). Он реализован в российском законодательстве [2] и получил широкое распространение в научном сообществе.

Вторая трактовка развивает обыденное представление: безопасность есть *состояние / условие деятельности*, способствующее сохранению и успешному функционированию субъекта / объекта [3].

Третья трактовка заключается в следующем: безопасность есть *специфическая деятельность по выявлению и нейтрализации опасностей* [4].

Четвертая трактовка основывается на рассмотрении взаимосвязи между безопасностью и развитием [5]: безопасность есть *фактор развития*, и одновременно *безопасность обеспечивается развитием*.

Пятая трактовка, сложившаяся сравнительно недавно в связи с развитием социальной синергетики: безопасность есть *устойчивость / стабильность открытых нелинейных неравновесных самоорганизующихся систем* [6]. Данная традиция пересекается с четвертой, поскольку рассматривает объекты через их динамику, развитие, эволюцию.

Шестая трактовка состоит в интерпретации безопасности как *реализуемости природы / интенций субъекта* [7].

Критические замечания в адрес существующих трактовок ФБ. Многие из упомянутых трактовок ФБ уже подверглись справедливой критике в специальной литературе, другие остаются достаточно распространенными в научном сообществе, часто несмотря на свою сомнительность. Необходимо критически подойти ко всем существующим на сегодняшний день пониманиям ФБ, невзирая на распространенность и авторитетность некоторых из них.

Обыденное понимание безопасности как *отсутствия опасности*, с одной стороны, критикуется большинством исследователей за “негативизм”, с другой стороны, служит отправной точкой исследования данного феномена. И то, и другое верно. Во-первых, опора на обыденное представление позволяет зафиксировать феномен и начать его изучение. Во-вторых, в процессе изучения закономерно возникает осознание недостаточности, ограниченности первоначального представления.

В качестве содержательной критики отметим то очевидное обстоятельство, что ситуации отсутствия опасностей не бывает. Формулирование искусственного критерия для определения “допустимого” уровня опасности не решает проблемы, поскольку означает субъективизм в понимании ФБ: в данном контексте можно вести речь лишь об «условной» безопасности, не претендуя на объективное постижение феномена.

Наиболее распространено в настоящее время определение безопасности как *защищенности интересов*. Объяснить данный факт нетрудно: множество

ученых, занимаясь узкоспециализированными разработками проблем обеспечения безопасности, не утруждают себя собственными исследованиями природы ФБ или анализом соответствующей философской литературы, а попросту ссылаются на правовые документы.

Сегодня очевидно, что безопасность не может быть сведена к защищенности. Безопасность в новых условиях отождествляется скорее с предотвращением, управлением, развитием: «...обеспечение безопасности должно все в большей степени осуществляться через развитие и все в меньшей – через защиту...» [8]. К тому же, говоря о защищенности, предотвращении и т.д., мы ведем речь не о безопасности как таковой, а об обеспечении безопасности.

Действующим законом безопасность определяется как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [9]. Под жизненно важными интересами, в свою очередь, понимается «совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства» [10]. Ни интересы, ни потребности невозможно защитить, их можно только удовлетворять. Поэтому интерпретация безопасности как защищенности жизненно важных интересов отражает не концептуальный, а скорее практический подход.

Обозначение безопасности как *состояния деятельности*, способствующего сохранению субъекта, фактически ничего не прибавляет к обыденному представлению, кроме слова «деятельность». Г.В. Иващенко предлагает следующее определение: «Совокупность условий существования субъекта, которыми он овладел (постиг, усвоил, создал) в процессе его самореализации, и которые он, таким образом, в состоянии контролировать, есть безопасность субъекта, безопасность его деятельности» [11]. Объяснение безопасности через контролируемые условия деятельности субъекта является недостаточным, хотя и необходимым шагом на пути постижения сущности ФБ. Данная трактовка страдает субъективизмом, от которого Г.В. Иващенко стремится избавиться: овладение условиями своего существования совсем не обязательно означает сохранение субъекта. Достаточно вспомнить многочисленные случаи действия “себе во вред”.

Понимание безопасности как *специфической деятельности по выявлению и устранению опасностей и угроз* игнорирует различие между безопасностью как объективно существующим феноменом и обеспечением безопасности, т.е. человеческой деятельностью, стремящейся на этот феномен воздействовать.

Трактовка безопасности как *фактора развития* является односторонней: фиксируя важную характеристику ФБ – его динамический, а не статический характер – она ограничивается этим. Здесь, как и в большинстве случаев, разговор о природе безопасности вырождается в разработку рекомендаций по обеспечению безопасности (речь, прежде всего, идёт о концепции устойчивого развития).

Рассмотрение ФБ с точки зрения синергетики как *стабильности / устойчивости открытых нелинейных неравновесных самоорганизующихся систем* также страдает известной долей редукционизма. Можно ли свести безопасность к стабильности, устойчивости? Представляется, что это пересекающиеся, но не совпадающие полностью понятия. «Устойчивость (или “стабильность” в западной терминологии) определяется как качество, состояние или степень сопротивляемости (адаптивности) системы изменениям, позволяющее восстанавливать в случае изменения внешних условий ранее существовавшее равновесие» [12]. Стабильность, таким образом, предполагает наличие фиксированных “допустимых” границ. Безопасность тоже рассматривается в контексте предельных допустимых значений, однако лишь до определенного момента, когда происходит переход к нестабильному режиму существования.

На наш взгляд, интерпретация безопасности как *реализуемости внутренней природы субъекта* является перспективной с эвристической точки зрения. Однако в данной трактовке имеется тенденция к субъективизму, между тем как задача состоит в постижении объективного содержания понятия «безопасность».

Основные дискуссионные моменты. Как видно из критического и отчасти сравнительного анализа наиболее распространенных трактовок феномена безопасности, среди научного сообщества нет согласия в ряде ключевых моментах. Безопасность представляет собой свойство или отношение? Безопасность – это состояние среды, состояние объекта защиты или состояние деятельности? Является ли феномен безопасности состоянием чего бы то ни было? Как соотносятся безопасность и развитие?

Подходы к пониманию безопасности. На сегодняшний день не приходится говорить о существовании развернутых концепций безопасности, тем более о «научно-исследовательских программах» (И. Лакатос) в рамках философии безопасности. Можно констатировать наличие спектра философских и методологических подходов к определению онтологического статуса ФБ, которые невозможно даже классифицировать по одному основанию. Обозначим устоявшиеся подходы.

Парадигма защищенности трактует безопасность как «свободу от опасностей», то есть такое состояние окружающей среды, когда потенциальные опасности нейтрализованы, нет реальной возможности для их реализации.

Парадигма самореализации, напротив, рассматривает безопасность как утверждение себя, реализацию ценностей, целей, интересов и т.д., квалифицируя опасности, угрозы, риски как нечто вторичное по отношению к ним.

Синергетический подход заключается в интерпретации безопасности как определенного свойства, характеристики системы, именно как стабильности, устойчивости ее функционирования и развития.

С точки зрения *деятельностного подхода* безопасность представляет собой необходимое для сохранения (и развития) субъекта условие его деятель-

ности, заключающееся, в частности, в том, что субъект контролирует условия своей деятельности.

Уже на начальной стадии конституирования философских и методологических подходов к определению онтологического статуса ФБ обнаруживается их ограниченность. Существуют два варианта развития ситуации: сосуществование альтернативных парадигм или их взаимопроникновение. Представляется, что предпочтительнее второй вариант, ведь в случае удачного синтеза новая концепция будет лишена однобокости и сможет претендовать на приближение к постижению сущности безопасности.

Примечания

1. *Даль В.* Толковый словарь русского языка // <http://www.slovarik.ru/slovari/dal/?slovo=1357>.
2. См.: ФЗ «О безопасности» // Российская газета. – 1992, 6 мая; Концепция национальной безопасности РФ // Российская газета. – 1997, 26 декабря.
3. См.: Безопасность Евразии-2003: Энциклопедический словарь-ежегодник. – М.: Книга и бизнес, 2004. – С. 308; *Иващенко Г.В.* О понятии «безопасность» // <http://www.portalus.ru/modules/philosophy/readme.php>; *Назаров А.К.* Теоретические основы безопасности жизнедеятельности: Учебное пособие. – Курган: Издательство КМИ, 1993. – С. 22.
4. См.: *Бахметьев В.А.* Формирование системы безопасности России в условиях глобализации: Информационный аспект: Автореферат дисс. ... канд. соц. наук. – М., 2006. – С. 1; *Сухарев А.* Политика гуманитарной безопасности (К вопросу о теории политики и практике безопасности) // Безопасность Евразии. – 2000, № 1. – С. 278.
5. См.: *Елисеев Д.А.* Безопасность как фактор развития. – <http://www.edusearch.ru/vd9cbf8f2.html>; *Кузнецов В.Н.* Обеспечение безопасности через устойчивое развитие // Безопасность Евразии. – 2001, № 1. – С. 443–456; Общая теория национальной безопасности / Под общ. ред. А.А. Прохожева. – М.: Изд-во РАГС, 2002. – С. 14–17; *Урсул А.Д., Романович А.Л.* Концепция устойчивого развития и проблема безопасности // http://www.philosophy.nsc.ru/journals/philsience/11_01/05_ursul.htm.
6. См.: *Поликарпов В.С.* Философия безопасности. – СПб.; Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2001. – С. 44–58; *Урсул А.Д., Романович А.Л.* Культура, образование, безопасность в новой парадигме развития // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 442–443; *Рачков В.П., Новичкова Г.А., Федина Е.Н.* Человек в современном технизированном обществе: проблемы безопасности развития. – М., 1998. – С. 153.
7. См.: *Кузнецов В.Н.* Культура безопасности: социологическое исследование. – М.: Наука, 2001. – С. 45–62; *Рыбалкин Н.Н.* Природа безопасности // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. 2003, № 5. – С.

5-7; *Он же*. Философия безопасности: учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2006; *Яновский Р.Г.* Глобальные изменения и социальная безопасность. – М.: Academia, 1999. – С. 42.

8. *Урсул А.Д., Романович А.Л.* Концепция устойчивого развития и проблема безопасности // http://www.philosophy.nsc.ru/journals/philscience/11_01/05_ursul.htm.

9. Закон РФ «О безопасности» // Российская газета. – 1992, 6 мая.

10. Там же.

11. *Иващенко Г.В.* Указ. соч.

12. *Лазарев И.А.* Информация и безопасность. Композиционная технология информационного моделирования сложных объектов принятия решений. – М.: Московский городской центр научно-технической информации, 1997. – С. 20.

Этика, философские вопросы культуры и образования

МИНИМАЛЬНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА

М. Ю. Немцев

Новосибирский государственный университет

1. В XX в. название этого искусства интерпретации и толкования текстов оказалось прочно связано с философской традицией, продолжавшей традицию немецкого идеализма. Во многом благодаря Гансу-Георгу Гадамеру, за этой традицией закрепилось название «философская герменевтика». Кроме Гадамера, к её основным представителям относят П. Рикёра, Э. Бетти, Э. Коррета, Ф. Димера, Э. Д. Хирша, Ж. Грондена, а в США – Г. Палмера и Дж. Капуто; Р. Рорти также заявлял о приверженности герменевтическому подходу. Одновременно с философской герменевтикой существуют разнообразные филологические и юридические герменевтики, (пост)хайдеггерианская герменевтика бытия (В. фон Херрманн), и теологические (сакральные) герменевтики. Они предназначены для работы с текстами, используемыми в определённых практиках или областях знания. Философская герменевтика, напротив, стремится прояснить общие вопросы о возможности и значении понимания и интерпретации.

Формирование и успех такой дисциплины (в 1960-х гг. говорили даже о широком «герменевтическом движении») были обусловлены усиленным вниманием гуманитарных наук к собственным методологическим и эпистемологическим возможностям, рефлексией и внутренней самокритикой гума-

нитарного знания. В этот период происходила фундаментальная трансформация всей европейской философии. Это было «разоблачение наивных допущений немецкого идеализма, не принимаемых современным мышлением. Это, во-первых, наивность полагания, во-вторых, наивность рефлексии и, в-третьих, наивность понятия» (1). Все эти три «разоблачения» имеют гносеологический характер. Один из важнейших результатов развития теории познания состоял в том, что при углубленном анализе процессов понимания, без которых никакое научное, тем более философское исследование не может обойтись, европейские философы пришли к выводу, что ключевую роль должно иметь прояснение онтологического статуса языка. А такой анализ методологически основывается на процессах интерпретации и прояснения смысла речевых высказываний, т.е. феноменах чтения и анализа текстов. Философская герменевтика стала одной из теоретических перспектив, развитых при освоении этого нового теоретического поля - с одной стороны, вместе с аналитической философией языка (Л. Витгенштейн, Д. Дэвидсон), с другой стороны, одновременно с (преимущественно французскими) структурализмом и постструктурализмом. Определение «минимальной герменевтики» позволяет выявить своеобразие герменевтического подхода и отличить её от других философских традиций, также занимающихся проблемами интерпретации и понимания. Я полагаю, что под «минимальной герменевтикой» можно понимать основные принципы, на которых должны основываться концепция или учение, для того, чтобы считать их принадлежащими к герменевтической традиции, в отличие от остальных возможных учений об интерпретации и понимании.

2. Цель философской герменевтики состоит в исследовании процесса постижения *истины* в акте понимания, при этом общей моделью процесса понимания в ней является понимание текста. Цель герменевтической работы с текстом - его истолкование, под которым я буду подразумевать здесь просто совокупность всех возможных методов обращения с текстом, направленных на *объяснение его смысла и значения*. Чтобы понять текст, его надо объяснить, интерпретировать, а вариантов интерпретации может быть неопределённо много. В герменевтике, ценность интерпретации состоит в возможности «применения» её продуктов, т.е. в установлении отношения между текстом и конкретной практической (жизненной) ситуацией герменевта – интерпретатора. Текст должен быть прочитан так, чтобы он что-то «сказал» читателю (речь идёт не о «слышании голоса автора» и т.п. идеях наивной интерпретации, а скорее о восприятии и употреблении полезного – применимого содержания, каким-то образом потенциально находящегося в тексте как самостоятельном языковом произведении). Эта необходимость возвращения во внеязыковой практический контекст является жёстким методологическим ограничителем свободы герменевта. Здесь можно увидеть противоречие между потенциально бесконечными возможностями множественных прочтений текста, и ситуативным контекстом «применения», который влечёт за собой необходимость «отсечения» прагматически излишних и непродуктивных ва-

риантов интерпретации. Известно, что сам Гадамер опирался на концепцию *фронесис*, «практической мудрости» у Аристотеля, обосновывая необходимость опоры в выборе стратегий истолкования на «практическую логику» конкретной ситуации и здравый смысл. Эта практическая логика предполагает, что варианты истолкования оцениваются по их соответствию ситуативным перспективам. Гадамер говорит о «сути дела», которой должен соответствовать процесс истолкования. Поэтому выявляемая таким образом «истинность» истолкования проверяется применением полученного.

Известно, что в «фундаментальной онтологии» Хайдеггера, который первоначально называл её «герменевтикой» и которому следует его ученик Гадамер, истина определялась феноменологически, как «самораскрытие бытия», его самоистолкование. Однако обращение к «практической мудрости» Аристотеля, т.е. выход за рамки практики контемплятивного «созерцания бытия», приводит к тому, что *истина определяется, скорее, по инструменталистским (прагматическим) критериям У. Джемса*. Феноменологическое раскрытие истины и «герменевтический» принцип применения фактически подразумевают разные концепции истины, и как в той мере, в какой герменевтика стремится иметь дело с логиками практической жизни, она должна определять истину по инструменталистским критериям.

3. Наиболее общим принципом герменевтического подхода к стратегиям истолкования является принцип «двойного значения», или «схема символа». Он состоит в том, что содержание текста аналитически разделяется на два уровня (2). Первый – это «прямое» содержание, понятное из простого прочтения текста, и требующее только релевантных языковой и культурной компетенции, чтобы быть понятым. Это уровень *очевидного содержания текста*. Для его понимания требуется *только* способность прочесть текст и соотнести его с контекстом (т.е. «понять, о чём идёт речь»).

Второй уровень – это неочевидное, скрытое и при этом – *действительное*, «подлинное» содержание, которое может быть получено с помощью специальной интерпретативной работы. Этот второй, скрытый уровень является в герменевтике целью (герменевтической) работы с текстом, однако прямой доступ к нему проблематичен. *Когда «очевидного» значения текста недостаточно, возникает герменевтическая ситуация*. Таким образом, это первичное (входящее в минимальное понимание) положение о том, что данный текст имеет двойное значение, лежит в основе всех герменевтических процедур.

Поль Рикёр специально анализировал проблему *множественности смысла*, состоящую в том, что «какое-либо выражение, обладающее меняющимся значением, означая одну вещь, в то же время означает и **другую** вещь, не переставая при этом означать первую» (3). Это не означает, что какие-то из этих значений ложны; проблема состоит в различении и субординации этих значений. Эта проблема делает необходимой интерпретацию, состоящую в «расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении... Так символ и интер-

претация становятся соотносительными понятиями: интерпретация имеет место там, где есть многосложный смысл, и именно в интерпретации обнаруживается множественность смыслов» (4). Таким образом, универсальной и специально герменевтической проблемой он считает проблему символа как элементарной структуры двойного значения. Гадамер не уделял принципу двойного (символического) значения текста особого внимания. Но и в его подходе, «истина» должна быть прочитана в тексте, получена в результате его интерпретации, что требует «расслоения» текста на эти два основных уровня, которые, конечно, могут включать в себя множественные подуровни (наподобие «слоев», вложенных в два основных «измерения» текста у Романа Ингардена (5).

4. «Принцип истины», по отношению к которому «принцип применения» выполняет вспомогательную роль, определяет различие между герменевтической и семиотически-ориентированными подходами, истоки которых лежат в семиотике Ф. де Соссюра (деконструкция и деконструктивизм, постмодернизм). В ориентации на принцип «двойного значения» состоит её отличие от развитых в аналитической философии после Витгенштейна и Карнапа подходов к истолкованию текста как методу обращения со сложноструктурированными совокупностями символов. В этих подходах осмысленно говорить, например, об уточнении значения неясных слов, правилах и методах истолкования, но не о втором «глубинном» смысле наглядного текста. «Истина» также определяется в них иначе.

Итак, минимальное определение «философской герменевтики» в отношении истолкования текстов состоит в том, что этот подход предполагает истолкование текста согласно онтологическому принципу двойного значения, и принципу истины, получает феноменологическую и/ли инструменталистскую трактовку в зависимости от уровня герменевтического анализа.

Литература

1. Гадамер Г. Г. Философские основания XX века / пер. В. С. Малахова. / Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. с. 16.
2. Куркина Л. Я. Герменевтика, эстетика, язык // Философская и социологическая мысль. 1990, №. С. 91 – 102.
3. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. И. Сергеевой. М.: Медиум, 1995. С. 97.
4. Там же, с. 18.
5. Ingarden, R.W. The Literary Work of Art / trans. G.G. Grabowicz. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1973.

РОЛЬ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕЙ КАРТИНЫ МИРА

Я. С. Сусун

Новосибирский государственный университет

Понятия культуры и картины мира близки. Культура есть совокупность материальных и духовных ценностей, картиной мира в философии называют *«совокупность предметного содержания, которым обладает человек»* [Ясперс, цит., по Яковлевой, 1996, С.47]. Однако, на наш взгляд, второе понятие является несколько уже первого по содержанию, например, не содержит программы поведения членов коллектива. Картина мира появляется в результате осуществления культурой функции структурирования пространства и вмещает в себя множество образов, отражающих различные объекты действительности. Праобразом для картины мира служит модель мира, которая является ее структурой, каркасом. Модель мира представлена в виде конкретного образа, например, образа ГОРЫ или ДЕРЕВА.

При рассмотрении системы имен любого народа можно выделить группы значений, которые соотносятся с предметами и явлениями окружающей действительности [Суперанская, 1972]. По мысли Т. В. Топоровой, совокупность универсальных значений имен повторяет схему картины мира [Топорова, 1994, С. 30], исследователь выделяет следующие уровни: *пространство и время, космология и явления природы, флора и фауна, мир вещей, антропоцентрическая сфера, предикаты, атрибуты, социально-юридическая и экономическая сферы, военная сфера, сакральная сфера, абстрактные понятия* – каждый из которых наполняет подходящими по значению именами германского происхождения. Классификация Топоровой была успешно приложена к именам тюркского происхождения [Сравнительно-истор., грамматика тюркск., яз., 2001]. На основании этого мы склонны утверждать, что древнерусские имена собственные представляют все уровни мироздания, то есть могут явить нам образ цветущей, населенной, заполненной ГОРЫ, что в нашем понимании является картиной мира.

По гипотезе Ю. М. Лотмана и А. Ф. Лосева, значение имени собственного сводится к мифу – сюжету, тексту, описывающему различные связи между явлениями окружающего мира, а также закрепляющего место в мире для самого именуемого [Лотман, 2000, С.529]. Таким образом, любое имя мы можем развернуть до мифа, до образов, то есть до некоего объема знаний о вещи, – и реконструировать древнее мировоззрение, или картину мира, в виде некоего развернутого текста.

В мифе-сюжете отражается опыт, попытки объяснения наблюдаемых явлений в рамках особого миропонимания, свойственного нашим предкам. С другой стороны, достоянием народа становится опыт, передаваемый словами, знаками (греч. мйопт *«слово»*). Поэтому как картину мира данной культуры

можно определить текст [Лотман, 2002, С. 114, 150]. Отсюда получаем, что древний миф (как текст и как тип мышления) и язык (слова в статусе имен собственных) отражают идеи, представления, верования.

В существующей традиции закреплён высокий статус князей, поскольку они воспринимались как воплощение божественной власти на земле. В их именах должны быть отражены космические идеи, поскольку имя в древности обозначало сущность именуемого. Кроме того, имена князей представляют собой целый текст, что обусловлено их двухосновностью.

Наличие двух основ позволяет нам развернуть имя по схеме словосочетания. Круг компонентов, представленных в княжеских именах достаточно ограничен и каждый компонент представляет одну из космических сущностей мироздания. В синтаксических связях у компонентов могут проявиться потенциальные значения. Сближение тех или иных компонентов в княжеском имени представляется неслучайным, оно отражает соотношения, связи и между обозначаемыми объектами реальности. В одних именах первый компонент будет выступать определяющим (показатель – гласная *о*), а второй – определяемым. То есть один из образов определяется через другой, что свидетельствует об их соприкосновении в пространстве или отношении друг к другу как части и целого. Схема словосочетания наполняет один из образов дополнительными признаками, детализирует его и указывает связи с другими образами.

Другой тип княжеских имен представляет некий кодекс правления, программу действий. В самом деле, глагольная семантика первого компонента (показатель повелительного наклонения – гласная *и*) может представлять действия князя, направленные на объект, выраженный вторым компонентом. В данном случае перед нами выстраивается схема словосочетания с типом связи «управление», что перекликается с интерпретациями двухосновных скандинавских имен *Т. В. Топоровой*, в которых преобладал действенный, акциональный компонент значения [Топорова, 1996]. Более того, мы можем достроить эти словосочетания до полноценного предложения. Недостающий субъект (князь) вербально не выражен, однако он носит имя, которое направлено на его характеристику. Таким образом, субъект присутствует, а выражать его вербально не было необходимости. Получается схема текста:

* [субъект] + действие + объект. В некоторых случаях мы можем достроить до предложения и описание космического объекта. Если ярко представленный признак денотата относится к акциональной сфере, то образ выступает в роли субъекта.

Все виды текстов дадут нам сведения исключительно о вертикальной модели мира, поскольку именуемый, князь, является наместником богов на земле и в его обязанности входит установление связи с верхним миром (то есть построение вертикали, иерархии власти).

Образ горы, представленный компонентами княжеских имен, должен заполниться различными предметами, то есть модель мира должна дорасти до картины мира. Чтобы заполнить другие уровни, мы должны использовать

имена простолюдинов. С привлечением этих прочих имен мы уходим на более древний уровень, к родовому сознанию, поэтому образ мира приобретет еще и горизонтальную ориентацию. Часто оказывается, что имена мирян и князей связаны формальным родством, поэтому мы можем сформировать этимологическое гнездо. Именно это дает нам возможность разобраться в переходах значений и реконструировать текст, объясняющий нам взаимодействие всех уровней. По сути, мы просто усложняем текст, полученный из княжеского имени.

Литература

1. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб., 2000. – 704 с;
2. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб., 2002. – 408 с;
3. Суперанская А. В. Ономастические универсалии // Восточнославянская ономастика. – М.: Наука, 1972. – С.346-356;
4. Топорова Т. В. Культура в зеркале языка. Древнегерманские двучленные имена. – М., 1996. – 280 с;
5. Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. – М., 1994. – 192 с;
6. Яковлева Е. С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. – 1996. - № 1-2-3. – С. 47-56.

ПРОБЛЕМА АБСОЛЮТА В РЕЛИГИИ И НАУКЕ

С. А. Смирнов

Горно-Алтайский государственный университет

В массовом сознании существует множество мифов о науке. К числу их относятся, например, утверждения, что наука имеет дело с абсолютной истиной, что предпосылки научного знания являются чем-то достоверным и доказанным и т.п. Это связано с тем, что в большинстве своем люди недостаточно знакомы с реальной ситуацией в науке и их взгляды по этому вопросу по существу остаются на уровне представлений второй половины 19 века. В действительности же уже в начале 20 века ситуация радикальным образом изменилась. Появление электромагнитной теории Максвелла, теории относительности Эйнштейна, принципа неопределенности Гейзенберга, квантовой теории Планка, неевклидовой геометрии разрушили механистическую картину мира, олицетворявшую науку в европейской культуре на протяжении двух столетий. К сожалению, в силу возросшей сложности научной проблематики, эти открытия остались вне поля зрения широкого круга лиц, занимавшихся мировоззренческими проблемами. Понадобилось значительное время для

ассимиляции новых идей и осознания того факта, что в действительности не существует так называемой строгой научной картины мира, которая была бы в состоянии рассматривать мир в целом и полностью исключать другие точки зрения.

«Весь современный духовный кризис, переживаемый человечеством, объясняется тем, что человечество вот уже в течение нескольких поколений пренебрегало источниками духовного опыта и отвыкло и отучилось пользоваться им; ослеплённое успехами естествознания и техники, охладевшее к религиозным глубинам жизни, оно доверилось всецело (или почти всецело) чувственным ощущениям и вырастающей из них теории и практике» [2. С.115]. Но весь духовный опыт человечества свидетельствует о том, что в основе внутреннего мира человека лежит трансцендентное, надмировое начало принципиально иной природы, нежели природа внешнего мира. И хотя человек – продукт эволюции, но эволюции целенаправленной, сотворившей его «по образу и подобию Божьему». Наша способность к творчеству, к абстрактному мышлению, способность осознать окружающий нас мир не есть «свойство высокоразвитой и организованной материи», она представляет собой вложенную в нас частицу Божества. Благодаря этому человек – не только продукт творения, но и сам творец, наделённый свободой воли и выбора. Творческий источник всей нашей культуры есть Божественное в нас.

Приближаясь к Христу, человек освобождается от природного начала и «утрачивает самого себя, как только непонятным для своего рассудка образом противится стремлению найти себя в Боге, как только хочет обосновать себя только в себе»[1.С.101]. Полнота Бытия возможна лишь в единении с источником Бытия. Все мировые религии по-человечески истинны, ибо содержат в себе в целом верно угаданное существование Высшего Бытия. Но библейское Откровение, завершённое в лице Христа, есть как бы встречное движение Творца к нам. Религия есть особая форма отношений человека к Богу, совместный продукт Божественного Откровения и человеческого творчества. Бог не охватывается нашими понятиями, предназначенными лишь для выражения результатов Его деятельности. Человек способен осознать сущность Бога лишь как всевышнего наблюдателя, творящего мир. Идея Бога, доступного чувственному познанию через Его творения и какой-то особой интуитивной форме познания, которое часто сравнивают с внутренним зрением, как вездесущего и всюду единого наблюдателя, вполне чётко выступает в учении Христианской церкви. Мир существующий – результат постоянного творческого процесса. Его развитие непредсказуемо. Однако наше устремление к Богу, желание постичь Замысел Творца и следовать этому Замыслу наполняет нашу жизнь содержанием и смыслом. Чтобы с полным на то правом говорить о Боге, необходимо иметь представление о Мире как о едином целом мироздания, включающем в себя три чётко различные уровня Бытия: вещество (мир неживой материи), жизнь (мир живых организмов) и человек (духовный мир человека). Ограничиваясь лишь физической картиной мира, в лучшем случае можно лишь увидеть удивительную гармонию и са-

мосогласованность в мире живой природы. Поэтому вполне можно понять Эйнштейна, который на телеграмму Нью-Йоркского раввина: «Верите ли вы в Бога?» ответил: «Я верю в бога Спинозы, который обнаруживается во всеобщей гармонии всех вещей, а не в бога, который интересуется судьбами и делами людей» [3. С. 101].

Но даже оставаясь на уровне физики, можно усмотреть нечто большее, нежели «гармонию в мире вещей». Теория физических структур, возникшая в результате тщательного анализа основного закона механики – закона Ньютона и специально разработанная для строго математического решения проблемы Первооснов бытия, с убедительностью, о которой тогда нельзя было и мечтать, поведала о существовании нового ненаблюдаемого слоя Бытия – Мира высшей реальности, управляющего всеми материальными объектами, и раскрыла такие его важные свойства, как Единство, Согласованность и Осмысленность. Современная физика сделала неизбежным предположение о наличии в Мире Универсального Сознания, весомо подкрепив гениальную догадку Ньютона о Всевышнем Творце.

Исходя из этого, нужно признать, что объективно существующий Мир не исчерпывается миром эмпирической действительности, миром, воспринимаемым нашими органами чувств, даже многократно усиленными современными приборами. Вселенная представляет собой открытую часть Сущего, а Материальный мир есть лишь самый «нижний» слой Бытия, взаимодействующий со всеми остальными слоями. Необходимо признать существование другого, информационно более емкого мира – Мира высшей реальности, тенью которого (в платоновском смысле) и является наша видимая Вселенная. Мир высшей реальности представляет собой иерархию различных форм существования: над миром материальных объектов возвышается уровень физических и математических структур, задающих фундаментальные законы природы, затем этаж многочисленных программ, по которым происходит эволюция Вселенной и которые лежат в основе всех живых организмов; следующая сфера - духовный мир человека, мир духовной свободы. Вершиной этой «пирамиды» является Высшее трансцендентное, сверхличностное Первоначало всего Сущего, возвышающееся над природой и человеком.

Литература

1. Гарин, И. Воскресение духа // И. Гарин. – М., 1992.
2. Ильин И.А. Религиозная философия // И.А.Ильин. – М., 1994.
3. Льюис, Марио. История физики // Льюис Марио. – М.: Мир, 1970.

ПРОБЛЕМА И КОММУНИКАТИВНЫЕ ЛИМИТЫ ТЕОДИЦЕИ В НОВОЕ ВРЕМЯ

С. Г. Крейдич

Самарский муниципальный университет Наяновой

Кант, совершивший коперникианский переворот в философии, благодаря которому метафизика классической эпохи веры окончательно ушла в прошлое, дает следующее определение данной проблеме: «Под теодицеей разумеется обычно защита высшей мудрости создателя от иска, который предъявляет ей разум, исходя из того, что не все в этом мире целесообразно» [2, 60]. Этими словами начинается его трактат с говорящим названием «О неудаче всех философских попыток теодицеи» и это определение сразу же задает направленность мысли и структурирует изложение в юридическом ключе, где на каждое положение теодицеи следует возражение, подобно тому, как происходит разбор претензий сторон в судебном процессе.

После краткого, но исчерпывающего разбора всех этих положений с возражениями на них Кант приходит к неутешительному выводу: «Итак, чем же закончилась эта тяжба перед судом философии? Мы видим, что вся прослушанная до сих пор теодицея не исполняет обещанного, а именно не оправдывает моральной мудрости мироправления перед лицом тех сомнений, которые, напротив, исходят из данных доступного в этом мире опыта...» [2, 68] а значит «Вопрос этот будет оставаться нерешенным, пока нам не удастся с достоверностью показать абсолютную неспособность нашего разума проследить отношение, в котором доступный когда-либо опытному познанию мир стоит к высшей мудрости...» [2, 68-69].

После рассмотрения способов истолкования доступного опыту природного мира Кант заключает, что теодицея есть скорее предмет веры, а потому относится к числу таких вещей, в которых «не так много значит мудрствование, как искреннее признание бессилия нашего разума, как честность, не позволяющая человеку искажать свои мысли в ложном высказывании, сколь бы благочестивыми не были намерения, с которыми это постоянно делается» [2, 73]

Слова эти тем более истинны, что Лейбниц, чья система предустановленной гармонии является последней из заслуживающих внимания попыток повторной актуализации мировоззренческих предпосылок классической эпохи веры, на страницах своей «Теодицеи» прямо говорит о том, что он «будучи с самого начала убежден в принципе гармонии... не мог не прийти к этой системе...» [3, 167]. Т.е. сам прямо указывает на то, что исходной посылкой его философствования были скорее личные (т.е. рационально не объяснимые, а значит и не бесспорные) убеждения, а не аксиомы разума

В контексте споров о состоятельности теодицеи в эпоху Нового времени также следует указать на ее крах в другой великой системе - в системе Геге-

ля. Подробному разбору этого посвящена последняя глава диссертации И.А.Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», озаглавленная «Кризис теодицеи», где читаем: «Так, исходный метафизический замысел не совпадает с его выполнением: героическая поэма Божия пути превращается в трагедию Божиих страданий. Ибо мир, злосчастно не законченный, внутренне двоящийся двойник Божества, мятется в пределах чувственного существования и дурной, эмпирической закономерности... и если теодицея имеет задание оправдать Божество перед страдающим миром, то пантеизм осуществляет ее, показывая, что страдания мира суть страдания самого Божества. Но если теодицея имеет задание показать целостную божественность Божества, не умаленную существованием мира, то пантеизм Гегеля не осуществляет ее, страдающее Абсолютное – не абсолютно; и поборающее Божество – не Бог» [1, 499].

Еще более ситуация меняется во второй половине XX столетия. Здесь мы встречаемся уже не с отрицанием возможности теодицеи путем умозаключений, как это было в случае с Кантом, но с отказом сердца ставить разуму такую задачу. Вот что пишет по этому поводу один из самых интересных мыслителей этого периода Сиоран: «И я отвечаю всем этим монахам с розовыми или бледными лицами: «Вы зря стараетесь. Я тоже смотрел в небо, но так ничего там и не увидел. Откажитесь от попыток убедить меня: если я порой и обретал Бога путем умозаключений, то в сердце моем я не находил его никогда. И даже если бы я его там нашел, я все равно не стал бы вам подражать – мне смешны ваши поступки, ваши гримасы и особенно ваши балеты, называемые мессами. Нет ничего выше наслаждения праздностью; даже если бы наступил конец света, я не встал бы с постели в неурочный час: чего ради побежал бы я из дому темной ночью, неся свой сон на алтарь Сомнительного? Даже если бы мне затуманила голову благодать и я трясся в непрерывном экстазе, малой толики сарказма хватило бы, чтобы вывести меня из этого состояния. И ко всему прочему я опасаюсь, что, начав молиться, я не выдержал бы и рассмеялся, тем самым верой навлекая на себя более страшное проклятие, нежели неверием. Так избавьте же меня от излишних усилий: плечи мои и так слишком устали, чтобы еще поддерживать небосвод...» [4, 116]

Однако, потеря в классической философии веры в возможность построения теодицеи все же не исключает возможности ее прецедентов в дальнейшем. Примером этого является «Столп и утверждение истины» Флоренского. Правда, в этом сочинении автор отказывается следовать требованиям философии Нового времени. Уже современники о. Павла, отдающие предпочтение классическому (или «европейскому») способу философствования, почувствовали это. Хорошим примером этой реакции будет отзыв Б.В. Яковенко, который посвятил «Столпу...» целую статью с говорящим названием «Философия отчаяния»: «Как примирить между собою наводнение труда лингвистическими выкладками, выяснениями, так что начинает казаться, будто в этом и заключается самая соль обоснования, – и глубокое пренебрежение к этой научной отрасли, столь определенно звучащее в утверждении автора, что фило-

соф прислушивается к поучениям лингвиста «больше из вежливости, чем всерьез»[6, стр. 702] и далее: «И прежде всего ведь он пускает в ход самым энергичным образом тот же самый рассудок, на который наложил только что решительное свое veto. Ведь, по его же собственному заверению, характерное свойство рассудка – условность, проблематизм; а между тем он делает условное построение... Ну вроде того, как если бы человек принял яду, а затем, руководимый смутной надеждой спастись, взял бы и принял его снова и снова» [6, 704].

Однако, эти упреки, хотя и нельзя назвать совершенно беспочвенными, все же следует признать неубедительными, т.к. сам Флоренский в первом же письме своей теодицеи ясно декларирует: «Но прочь отсюда да бежит желание убеждать кого-нибудь. От скудости своей даю. И если бы хоть одна душа почувствовала, что я говорю ей не устами и не в уши, я большего не хотел бы»[5, стр. 40].

В Новое время, после философии Канта, теодицея может существовать лишь как способ укрепить воззрения уже убежденного человека. Она обращена скорее к уже верующим, «внутри» общины, а не к находящимся вне церковной ограды. Иными словами, теперь для рецепции теодицеи необходим концептированный оппонент, который еще до начала чтения исповедует веру в ее истинность и возможность.

Литература

1. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб.: «Наука», 1994.
2. Кант И. Трактаты и письма. М.: «Наука», 1984.
3. Лейбниц Г. В. Собрание сочинений в 4 томах, т. 4. М.: «Мысль», 1984.
4. Сиоран Испытание существованием. М.: «Республика», 2003.
5. Флоренский П. Столп и утверждение истины. М.: «Аст», 2003.
6. Яковенко Б.В. Мощь философии. СПб.: «Наука», 2000.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯВЛЕНИЯ АМЕРИКАНСКОЙ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. В. Кокорина

Институт философии и права СО РАН

Масштабность происходящих в мировом сообществе трансформаций приводит к изменениям в ценностном измерении. Наблюдается рождение нового социо-культурного качества стилей и форм отношений в сфере бизнеса. Возникает практическая потребность к попытке создать некоторую стабильность в такой гибкой структуре как современная организация. Предпола-

гается, что такая стабильность опирается на систему ценностей, которые способствовали бы развитию духовной культуры бизнеса и общества в целом. Речь идет не только о США, но и России, т.к. наша страна стремится влиться в мировое экономическое сообщество.

Особую роль в вопросе гармонизации отношений внутри современной коммерческой организации, наряду с другими механизмами, играет корпоративная культура. Следует отметить, что корпоративная культура включает в себя три компонента: культуру менеджмента; организационную культуру и культурный контекст. В свою очередь, под культурой менеджмента мы понимаем культуру управления. Понятия «management» и «управление», на первый взгляд имеют общие дефиниции. Однако, при более глубоком анализе, очевидны отличия, которые кроются в культурных различиях двух стран (Америки и России). В отличие от «управления», «management» рассматривается как специфическая структура любой организации. Так или иначе, культура менеджмента дает возможность понять, как руководство компании решает успешно не только повседневные задачи, но и как оно справляется с трудностями; как происходит коммуникация с сотрудниками компании, с внешним миром. К тому же определенные субъективные причины привели к тому, что культура транснациональных корпораций начала существенным образом воздействовать на культурный контекст тех стран, где находятся филиалы компании. Поэтому возникла потребность более пристального внимания к опыту коллег из других стран и тех технологий, которые помогали бы быть более гибкими, более адекватными, успешными и конкурентноспособными.

Итак, актуальность исследования явления корпоративной культуры созвучна тем вызовам, на которые современное общество пытается найти адекватные решения. Процессы трансформации затронули все стороны жизнедеятельности мировых сообществ, в том числе, американского. Изменениям подвергнуты основные социальные, экономические, политические институты: семья, бизнес, власть. Изучение организации, как социально-культурного феномена в развитых странах переживает небывалый подъем. Этот огромный интерес объясняется: во-первых, с тем, что в конце XX столетия современная цивилизация вступила в постиндустриальную фазу развития, в основе которой лежат иные формы и способы деятельности людей, в сравнении с индустриальной. Речь идет об информационных технологиях, экологическом производстве и т.д. Деятельность человека облегчается за счет технологий, однако чувство одиночества, оторванности от других вынуждает изменить социально-культурный уклад внутри организации. Во-вторых, эволюция развития организации как социальной структуры характеризуется определенными изменениями. От рациональных, жестко структурированных иерархических организаций к современным с более гибкими системами производства, отношениями между руководящим персоналом и подчиненными. В-третьих, США на современном этапе своего развития должны считаться с успехами других стран (например, Японии, Китая, Германии).

Актуальность исследования корпоративной культуры обусловлена тем, что проблема носит фундаментальный характер. Очевидна практическая потребность в конкретных прикладных исследованиях по данному феномену, которые появляются в отечественной литературе. Социально-философское рассмотрение специфики корпоративной культуры в американских условиях может способствовать уточнению и активизации многих прикладных исследований по корпоративной культуре в нашей стране.

Заимствование западных технологий, явлений, методов и систем, безусловно, может и должно способствовать развитию экономики России. Тем не менее, культура России отличается от культуры США, соответственно заимствованные технологии ведения бизнеса просто обязаны нести "отпечаток" российской национальной культуры. Для того чтобы корпоративная культура развивалась "естественным" образом в российских корпорациях, важно знать, как она работает, важно уметь управлять ею. Рефлексия относительно американской КК, а именно понимание причин возникновения, этапов становления и перспектив развития поможет более тщательным образом изучить это феномен на базе российской национальной культуры.

Таким образом, американский опыт может быть для нас интересен по двум причинам. Во-первых, с точки зрения копирования, применения приемов, методов, технологий и концепций управления с учетом их адаптации к местным условиям. Во-вторых, он может быть полезен, так как способен помочь более глубоко осмыслить и понять их особенности в управлении, мотивационную базу принятия решений, для более эффективного взаимодействия и развития сотрудничества с ними.

ПРОБЛЕМА ЛЕГАЛЬНЫХ АБОРТОВ В КОНТЕКСТЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЭТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ

Д. А. Савостьянова

НИИ патологии кровообращения (г. Новосибирск)

Вопрос о правомочности аборт, не обусловленных медицинской необходимостью, является одной из ключевых проблем современной медицинской этики. Эта проблема затрагивает интересы беременных женщин, их семьи, врачей и государственных чиновников. Особый интерес к данному вопросу связан с современной политикой государства, направленной на исправление негативной демографической ситуации. Целью нашей работы было рассмотрение этических аспектов проблемы легальных абортов в контексте либеральной ценностной позиции. Мы рассмотрели основные аргументы, приводимые сторонниками и противниками абортов. Эти аргументы сопоставлялись с ценностными утверждениями, высказанными в работах класси-

ков либеральной идеологии. Было выявлено, что позиция сторонников аборт-ов во многом противоречит либеральной этике.

Точка зрения, оправдывающая аборт, признается соответствующей либеральной идеологии. Основным аргументом сторонников абортов является необходимость предоставления женщинам свободы выбора, относительно своей репродуктивной функции. Утверждается, что любая женщина должна иметь право сделать аборт, если ей не хочется рожать. Сторонники этой позиции считают себя последователями либерализма, подразумевая под словом «либерализм» уважение к свободе личного выбора. Либеральной эта позиция оценивается на основании того, что она исходит из двух посылок: 1. Женщина имеет право распоряжаться своим телом. 2. Плод не имеет юридического статуса и не может считаться человеческим существом.

Спор между сторонниками и противниками абортов в современных этических медицинских работах сосредотачивается главным образом на обсуждении вопроса о том, является ли плод человеческим существом, и имеет ли он право на жизнь. Изначально, аргументы в защиту аборта зародились внутри гражданской морали и начинали набирать силу вместе с формированием либеральной позиции. В свою очередь, гражданская, или общественная, мораль отражает в себе этическое противостояние по проблеме аборта, сложившееся с традициями христианской религиозной этики. В результате процесса секуляризации гражданская мораль все больше опирается на так называемые либеральные, демократические ценности, в основе которых лежат автономия и самоопределение личности, право и свобода выбора в тех случаях, когда речь идет о согласии или об отказе от медицинского вмешательства.

Однако либеральная философия предполагает, что личность делает свой выбор самостоятельно, без давления со стороны государства или каких-либо иных общественных структур. В то же время, самостоятельность выбора женщины в современных условиях вызывает сомнения. С либеральной точки зрения, запрещение абортов неприемлемо, поскольку ограничивают права человека – матери. Соответственно, из нее же следует, что женщину никто не может заставить сделать аборт, поскольку это является нарушением ее прав. При этом, в современной России отношение к аборту терпимое и даже одобрительное. Наоборот, слишком юные или многодетные матери часто подвергаются моральному осуждению. Личность не существует сама по себе, а проявляется исключительно при взаимодействии с другими личностями в обществе себе подобных. Психологами хорошо изучено такое свойство человеческой психики, как конформизм и нормативное поведение. Конформизм – изменение поведения или убеждений индивида в результате давления группы, которое проявляется в форме уступчивости или одобрения. Уступчивость – это внешнее следование требованиям группы при внутреннем неприятии их. Одобрение – это сочетание поведения, соответствующего социальному давлению, и внутреннего согласия с требованием последнего. Если в обществе к аборту одобрительное отношение, женщина вполне может на него пойти просто потому, что так принято. Причем может пойти и при внутреннем не-

приятии данной процедуры. Таким образом, реальное состояние дел в обществе приводит к тому, что выбор женщины происходит в условиях мощного морального давления со стороны ее значимого социального окружения. Чаще всего, это давление осуществляется в пользу принятия решения об аборте, а не против. Если государство предоставляет женщинам возможность бесплатно прерывать беременность, и не предоставляет защиты от внешнего морального давления, то фактически происходит принуждение к аборту. Такое отношение к беременности нарушает права женщин на свободное принятие решения относительно своих репродуктивных функций и противоречит основным установкам либерализма.

Кроме того, либеральная этика исходит из утверждения, согласно которому выбор поступка должен быть осуществлен на основе рационального решения индивида, основанного на знании всех последствий данного выбора. В современных условиях, женщина идущая на аборт, не получает всей информации, касающейся последствий такого решения. Свобода выбора предполагает, что выбор осознан и человек обладает полной информацией обо всех его возможных последствиях и осложнениях. Однако общество не предоставляет женщинам всей информации о возможных последствиях аборта. Врачам хорошо известно, что абортов без осложнений (физиологических и психологических) не бывает. В то же время, большинство молодых девушек, идущих на данную процедуру, об этом чаще всего не знают. Последствием аборта часто является бесплодие, поэтому, реализовывая свое право на аборт, женщина навсегда теряет право на роды. При этом в момент подписания согласия на аборт, женщина не отдает себе отчет в том, что она навсегда отказывается от возможности материнства. В результате нашего исследования показано, что этическая позиция, одобряющая аборты, не соответствует классической трактовке либерализма, согласно которой поступок человека должен быть основан на осознанном и свободном выборе. Поэтому утверждение, согласно которому российское законодательство относительно абортов является одним из наиболее либеральных законодательств в мире, звучит, по меньшей мере, странно.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. В. Калмазан

Сибирский государственный университет путей сообщения (г. Новосибирск)

На рубеже третьего тысячелетия в процессе перехода к демократической модели общества и рыночной экономике Россия вступила в эпоху бурных перемен, когда все сферы жизнедеятельности радикально меняются. В условиях информационной революции и формирования экономики инновацион-

ного типа значительно изменяется место и роль человека в производственном процессе, возрастает значение человеческого фактора. На первый план выдвигаются проблемы формирования личности в широком контексте ее адаптивного взаимодействия с огромным разнообразием социальных, экономических и политических тенденций общественного и мирового развития [1, с.3]. Саморазвитие человека как личности становится одним из основных показателей оценки благополучного развития общества и его воспроизводящего института – образования. В связи со сменой парадигмы общего образования в целом, и профессионального в частности, в последнее десятилетие меняются представления о целях профессиональной подготовки будущего специалиста. На первое место в образовании выходит личностно-ориентированный подход, актуальным становится изучение личности, ее развития и формирования в русле профессиональной подготовки.

Как отмечал Г.Г. Дилигенский, представление о человеке как о социальном существе пришло в психологию и педагогику из философии и социологии [2].

В философии определение личности многогранно и восходит к идеям античности: личность рассматривается как «демиург, творец настоящего и будущего» [3, с.9], микрокосм – универсальная модель мира (Сократ), источник глубинного самоизменения и саморазвития (И. Кант, Л. Фейербах, Ф. Ницше, Ф. Гегель, Г.Г. Гадамер и др.).

В социальной философии посредством понятия «личность», как правило, характеризуются сущностные социальные отношения, усвоенные человеком социальные роли, набор установок и психических моделей, характеризующих отношение человека к самому себе, к своим возможным «Я», нормы и ценностные ориентации [4, с. 45], [5].

В Психологическом словаре под редакцией Ю.Л. Неймера личность определяется как «феномен общественного развития, конкретный живой человек, обладающий сознанием и самосознанием» [6, с. 215].

В психологии предлагается два подхода к определению личности. В широком, традиционном смысле «личность – это индивид как субъект социальных отношений и сознательной деятельности (в структуру личности входят все психологические и морфофизиологические особенности человека)» [Там же].

В узком смысле «личность – определяемое включенностью в общественные отношения системное качество индивида, формируемое в совместной деятельности и общении» [Там же].

Если обобщить определения понятия «личность», существующие в рамках различных психологических теорий и школ (К. Юнг, Г. Опорт, Э. Кречмер, К. Левин, Ж.Нюттен, Дж. Гилфорд, Г. Айзенк, А. Маслоу и др), то можно сказать, что личность определяется как «синтез всех характеристик индивида в уникальную структуру, которая определяется и изменяется в результате адаптации к постоянно меняющейся среде [7, с. 35].

В отечественной психологии советского периода (С.Л. Выготский, С.Л. Рубенштейн, А.Н. Леонтьев, Л.И. Божович и др.) личность понималась как совокупность всех общественных отношений, социальное качество человека.

А.Н. Леонтьев определял личность «как особое качество, которое приобретает индивидом в обществе, в совокупности отношений, в которые индивид вовлекается» [8, т.1., с. 385]. Аналогичные определения личности приводятся в работах К.А. Абульхановой–Славской, А.Г. Асмолова, Ф.Б. Ломова, А.В. Петровского, Е.В. Шороховой и других отечественных специалистов в области теоретической психологии личности.

Спорным положением в определении понятия «личность» стала характеристика – «наличие активной жизненной позиции» (А.Н. Леонтьев, А.Г. Асмолов), которая, по мнению авторов–гуманистов, «лишает права считаться личностью подавляющее большинство взрослых, не говоря уже о детях»...«приводит к отрицанию личности в ребенке, учащемся, служит оправданием манипулятивной, формирующей педагогической практики» [9, с.48–49].

Но если мы обратимся к определению «личности» как набору психологических черт и характеристик, то противоречие пропадает само собой, поскольку в таком случае нельзя отрицать формирование личности как *активную* реакцию индивидуума на воздействие внешней социальной среды.

Человек живет и развивается в определенное время, в определенном месте, в определенном окружении и это все непосредственно накладывает отпечаток на то, какие именно свойства, черты его личности будут актуализироваться и развиваться. Но в целом, структуру формирования личности, реакцию на то или иное воздействие социума выстраивает сам индивид. Встает другой вопрос, о соотношении и гармонии внутреннего и внешнего в структуре развития личности.

Так, например, А.Б. Орлов, изучая мотивационную структуру личности человека, предлагает разделение «личность» и «сущность», предпосылки которого возникли еще в философии античности, и описывает процесс формирования «личности» – социальной стороны проявления человека как экзистенциальный акт расщепления и частичной утраты «внутренней сущности» [9].

Понимание данного процесса в изотерической психологической системе Г.И. Гурджиева, понимание, которое впоследствии воспроизводилось в работах А. Маслоу, К. Роджерса, и А. Менегетти, сформулировано следующим образом: «Действия маленького ребенка таковы, что они отражают правду о его бытии... Но как только начинается социализация, начинает формироваться личность (personality). Ребенок научается изменять свое поведение так, чтобы оно соответствовало принятым в культуре паттернам. Это научение происходит отчасти благодаря целенаправленному процессу обучения, а отчасти благодаря естественной тенденции к подражанию. Основная движущая сила этого процесса – стремление ребенка сохранить принятие и любовь со стороны окружающих его взрослых» [10][11].

Интересно в связи с этим вспомнить этимологию слова «личность», которое образовано от слова «лик» (persona). В Древнем Риме слово persona первоначально служило для обозначения специальной маски, использовавшейся актером античного театра. С одной стороны, эта маска помогала актеру: оборудованная специальным раструбом, она усиливала звук его голоса и доносила его до аудитории. С другой стороны она – скрывала лицо актера под «личной» персонажа.

Анонимный автор ([12, p.93]), цит. по [9, с. 56] описывает процесс социализации (формирование личности) как подлинную трагедию: «Как можно потерять себя? Предательство, неизвестное и немислимое, начинается вместе с нашей тайной психической смертью в детстве...это полноценное двойное преступление...Его (ребенка) не следует принимать таким, каков он есть. Его «любят», но хотят от него, или вынуждают его, или ожидают от него, чтобы он был другим!...Он на самом деле отказывается от себя. Он отвергнут не только ими, но и самим собой. С момента его отказа от себя и в зависимости от степени отказа все, чем он теперь не зная этого озабочен, сводится к созданию и поддержанию своего псевдо-Я (pseudoself)».

Если внимательно отнестись к данным выше высказываниям, то мы придем к выводу, что так называемая драма расщепления личности, отказа от себя должна сопровождать человека на протяжении всего жизненного пути, поскольку формирование личности – процесс непрерывный и продолжается всю сознательную жизнь индивидуума. Позволим себе не согласиться с данным положением. «Я» ребенка не рефлексивно. Подражая взрослым, он не может провести границу между «внутренним я» и «я» приобретенным, поскольку его внутренний мир еще не сформирован, не раскрыт и не познан. Только в сознательном возрасте, посредством саморефлексии, самосозерцания, начинает формироваться картина внутреннего мировосприятия, «Я-концепция». Познание себя, актуализация внутренних черт и характеристик становятся возможными только во взаимодействии с социумом – при столкновении с границей окружающего мира индивид начинает деление на «Я» и «не Я». В это же время начинается формирование системы мотиваций.

В феноменальном плане самосознания личности выделяются два типа мотивационных отношений, которые воспринимаются обычно как «внешние мотивы» – как проявление приложенной к личности инородной, «внешней силы» и «внутренние мотивы» – склонности, для которых характерно, в частности индифференциальность в отношении социальных оценок [13].

Таким образом, формирование личности можно представить как двусторонне направленный процесс, отражающий как влияние внешних факторов на внутреннее «я», так и выявление внутренних черт, на основе взаимодействия с окружающим миром. И только в случае полного подавления социумом проявлений «внутреннего я», индивидуальной сущности человека, мы можем говорить о деформации личности, ее дисгармоничной организации.

Проходя основные вехи социализации (образование и профессиональная деятельность) человек приобретает возможность актуализировать качества

своего внутреннего Я, формируя систему потребностей таким образом, чтобы обеспечить личности гармоничное развитие посредством свободного выбора и активной позиции в построении стратегии своего жизненного пути [14].

Активная позиция и свобода выбора человека могут проявляться в выборе специальности при обучении в образовательном учреждении, специализации, посещении факультативов, в ориентации на дальнейшую профессиональную деятельность, влияют на активное усвоение и творческий подход в овладении необходимыми знаниями, способствуют формированию умений и навыков. А это становится залогом эффективности профессиональной деятельности, направленности на профессиональное развитие и осознанный профессиональный рост специалиста.

Литература

1. Сидоров О.И. Введение // Модернизация дополнительного профессионального образования в современном российском обществе: сборник научных трудов по материалам I всероссийской интернет-конференции (март – апрель 2007 г). – Новосибирск. 2007. – 232 с.
2. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. – М. 1994.
3. Яковец Ю.В. Формирование постиндустриальной парадигмы: истоки и перспективы // Вопросы философии. – 1997. – №1.
4. Асмолов А.Г. Психология личности. – М. 1990.
5. Д. Майерс Социальная психология / Перев. С англ. – СПб.: Издательство «Питер». 2000. – 688 с.
6. Психологический словарь / авт.-сост. В.Н. Копорулина, М.Н. Смирнова, Н.О. Гордеева; под общ. ред. Ю.Л. Неймера. – Ростов на Дону: Феникс. 2003. – 640 с.
7. Личность: определение и описание: Пер. с англ. // Вопросы психологии –1992. – №3–4.
8. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. Т.1. –М., 1983.
9. Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: Парадигмы, проекции, практики. – М.: Издательский центр «Академия» 2002. –272 с.
10. Miller A. For you Own Good. – N.Y. 1990.
11. Rogers C. Toward a Modern approach to Values // J. of Abnormal social Psychology. – 1964. Vol. 68.
12. Anonymous. Finding the Real Self^ a Letter with a Foreword by Karen Horney // American J. of Psychoanalysis. – 1949.
13. Орлов А.Б. Склонность и профессия. – М., 1981.
14. Смирнов И.П. Человек – образование – профессия – личность.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРПЕНИЯ КАК СВОЙСТВА ЧЕЛОВЕКА

П. Я. Захаров

Горно-Алтайский государственный университет

Терпение, как свойство человека, не получило еще достаточного внимания в литературе, однако в процессе всей жизни человек сталкивается с себе подобными и для того чтобы реализовать себя как личность ему приходится идти на какие-то уступки, переносить что-либо, быть снисходительным, то есть обладать терпением.

Если обратиться к генезису данного свойства, то можно увидеть, что терпение возникает и оформляется с момента зарождения и в процессе становления человечества. Поэтому осмысление и описание генезиса терпения, а так же его сущностных характеристик имеют немаловажное значение.

Регламентация поведения отдельно взятого человека навязывается достаточно большим множеством средств. Это особая тема исследования. Несомненно одно: почти все они призваны к тому, чтобы ограничения в своих действиях человек совершал добровольно, из внутренних побуждений. Они выступают в виде его духовных ценностей, то есть того: что чувства людей диктуют признать стоящим над всем и к чему можно стремиться, созерцать, относиться с уважением, почтением, возникающих в процессе различного рода отношении между членами общества.

В процессе освоения личностью, подверженной влиянию определенных ценностных систем, социального опыта, создаются определенные установки присущие обществу, в котором данная личность существует. Позиция, занятая человеком, выражается через его внутренний и внешний план. Во внешнем плане появляется система социального упорядоченного опыта, которому человек первоначально подчиняется бессознательно, воспринимая как реальность своего существования. Во внутреннем плане она задает систему критериев и мотивов, идеалов и авторитетов, которыми руководствуется личность. Человек принимает системы, в рамках которых он существует, как естественные границы и условия существования. В то же время заданные такими системами нравственные идеалы сталкиваются с потребностями личности. В этом взаимодействии особенно отчетливо проявляет себя терпение как одна из стержневых характеристик человека. Соглашаясь с нормами принятыми в обществе, человек через волю заставляет себя быть терпеливым в отношениях с окружающим миром. В то же время у индивида всегда есть право выбора, заключающееся в свободном избрании определенных потребностей.

Личностью, руководствующейся в своих отношениях ценностными ориентирами, индивид становится через социализацию и общение с другими людьми. В процессе социализации можно выделить два взаимосвязанных аспекта. Во-первых, усвоение социального опыта – это характеристика того,

как среда воздействует на человека; во-вторых, каким образом человек воздействует на среду с помощью деятельности. Деятельность в этом процессе играет основополагающую роль. Исходя из определения К. Маркса: «сущность человека... есть совокупность всех общественных отношений» находим, что терпение является продуктом общественных отношений, и, прежде всего продуктом деятельности, которая есть «способ существования общества и любого другого субъекта меньшего или большего масштаба».

Деятельность человека существенно отличается от поведения животного. Во-первых, человек действует целенаправленно, животные лишь целесообразно. Во-вторых, деятельность связана с изготовлением, употреблением и хранением орудий труда, животные, даже высшие, не употребляют орудий труда. В-третьих, деятельность носит общественный характер, то есть она осуществляется, как правило, в коллективе, через коллектив и для коллектива. Именно на основе деятельности в процессе межличностных отношений происходит зарождение и эволюция многих человеческих свойств: умеренности, трудолюбия, зависти, терпения и т.д. У животных также можно наблюдать некоторые качества присущие человеку, однако такие качества основываются только лишь на инстинктах, что и отличает человека. Например, животное может выносить голод, как и человек, разница между ними в том, что животное переносит эту нужду на уровне физиологической выносливости, человек же еще и на рациональном уровне.

Таким образом, существование терпения не сиюминутно. Оно детерминировано природными задатками и человеческим сознанием и обладает универсальностью, по крайней мере, в двух аспектах. Во-первых, во временном, так как его существование связано с бытием человека как продукта природного и общественного развития. Процесс эволюции человека и формирование терпения, как свойства, неразрывны во времени. Во-вторых, данное понятие всеобщее, поскольку его воздействию подвержены все люди, вступающие в отношения с окружающим миром. Из всеобщности терпения вытекают два важнейших следствия: терпение наиндивидуально и наднационально.

Наиндивидуальность терпения означает, что данное свойство одно и то же у всех индивидов, общающихся на одном языке. Человек независимо от пола, социального происхождения, физических данных и других характеристик строит отношения с окружающим миром на основе терпения и через это свойство он способен взаимодействовать с себе подобными, испытывая и перенося влияние окружающего мира. Это свойство является необходимым (хотя и недостаточным) условием взаимного существования индивидов. Без него оно в принципе было бы невозможно.

Наднациональность терпения означает, что оно у всех народов, говорящих на различных языках, имеющих различную грамматическую структуру, имеет одинаковую понятийную структуру. Если бы при сильно расходящихся грамматиках в языках не было бы общего, взаимное понимание людей разных языковых групп было бы невозможным.

Таким образом, терпение как свойство человека формируется в процессе общественно-исторической практики и деятельности.

ИНФОРМАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ

Ю. А. Ляшенко

Горно-Алтайский государственный университет

В конце XX века развитые индустриальные страны вступили в стадию развития информационного общества, в основе существования и развития которого лежит информация и где ключевую роль играют электронные средства, обеспечивающие техническую базу для ее использования и распространения. Это свойство важно для понимания сущности нового общества, ибо, с одной стороны «информация формирует материальную среду жизни человека, выступая в роли инновационных технологий, компьютерных программ, телекоммуникационных средств, а с другой, служит основным средством межличностных взаимоотношений» [1. С. 71]. Таким образом, информация определяет и социокультурную жизнь человека и общественное бытие.

Важный момент заключается в том, что информация не просто создается людьми, она существует для них. Человек есть создатель, потребитель и главный результат информации. Последнее объясняется тем, что особым образом воздействуя на интеллект и духовно-моральный выбор, информация формирует человека. Она выступает средством саморазвития и самовоспитания личности. С ее помощью человек развивается интеллектуально, делает свою жизнь более осмысленной и целенаправленной. Таким образом, информация только тогда приобретает ценность, когда личность на ее основе строит свое поведение, и тем самым изменяется и совершенствуется. Задача информации – привить человеку высоконравственные черты, воспитать чувство собственного достоинства и самоуважения, превратить его в «уникальную индивидуальность, действующую в условиях независимости» [2. С. 174].

Естественно, что такой глобальный сдвиг, каким является вступление человечества в информационную эпоху, не может не отразиться на существовании человека. Ведь, как свидетельствует современная наука, жизнь человека разворачивается теперь не только в физической среде, мире природы, но и в мире информации. И в этом все большую роль играют СМИ. Глянцевые обложки, развлекательные ток-шоу вещают в сознание человека новые образы реальности, формируют массовое сознание, актуализируют определенные интересы. Уход от подлинной жизни в мир светских раутов, дорогих яхт, безнаказанных преступлений создает нереальную повседневную реальность.

Телевидение действует как симулякр электронных образов, то есть образов, репрезентирующих нечто не существующее на самом деле [3. С.161].

Важным здесь является то, что способ, каким передается сообщение, определяет не только его восприятие, но и в дальнейшем накладывает отпечаток на мировоззрение человека, постоянно имеющего дело с информационной средой. Характерная особенность современных информационных средств состоит в том, что они способны объединять текстовый материал с образным. Образы являются языком телевизионной реальности. Наибольшее влияние телевидения в том, что оно способно конструировать мир как набор образов, в котором нет определенной последовательности или причинной обусловленности. Преобразуя мир реальный в мир информационный и, в конечном счете, в мир символов, они вводят человека в иную реальность.

В данных условиях очень трудно понять, где реальность как бытие, существование, а где всего лишь образ, копия этой реальности. Используя особенности реконструкции, когда создаваемый образ буквально похож на отражаемую действительность настолько, что грань стирается, СМИ влияют на сознание человека, который оценивает эту мнимую реальность как действительно реальную. Изображаемое оказывается не более чем визуальными феноменами, «балансирующими на грани бытия и небытия и заводящими созерцание в тупик, оказываясь ловушкой для зрения» [4. С. 268]. Такой способ организации информации приводит к тому, что смывается линия между реальностью и вымыслом. Образы накладываются друг на друга в такой последовательности, что механизм работает против эффективной умственной дифференциации.

Человек же информационной эпохи «всему открыт – он воспринимает все как знаковую поверхность, не пытаясь даже проникнуть в глубину вещей, в значения знаков» [5. С. 185]. Сегодня образ мира формируется не естественным путем через критическую рефлексию сущностных характеристик мира, а подается СМИ в готовом виде. Целостная картина преподносится как истинная, якобы не требующая критического восприятия. Надо сказать, новые информационные средства изначально лишают человека такой возможности. Средства массовой информации предлагают огромные массивы информации, при этом критерии различия данных не уточняются. Человек постепенно привыкает к получаемым образам, не замечая различий между реальным положением дел и их оценкой в средствах массовой информации. Таким образом, информационные технологии становятся средством манипулирования человеческим сознанием. Лишая его чувства реальности, они задают образ мира и тем самым определяют способ существования человека, который более не выполняет задачу собственного самоопределения. В результате становится важной не рациональная мысль, а глубоко эмоциональная реакция человека на видимый мир, на аудиовизуальные знаки, которые воспринимаются тактильным образом. И дело здесь в том, что зрительный образ способен возбудить чувственность, побуждающую глотать всякую дрянь, «лишь бы с перцем», как говорил К. Поппер [6. С. 134].

В результате человек начинает моделировать свой образ мира в соответствии с определенными СМИ нормами и стандартами. Неспособность к са-

мостоятельному творчеству, приспособление к окружающей действительности за счет потери своей индивидуальности и непосредственности в результате не критического восприятия получаемой информации – вот, на наш взгляд, основные характеристики личности современного общества.

Литература

1. Арнольдов, А.И. Цивилизация грядущего столетия (Культурологические размышления) / А.И. Арнольдов. - М.: Грааль, 1997. - 328 с.
2. Мантатова, Л.В. Философские перспективы устойчивого развития информационного общества / Л.В. Мантатова.- Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2002. - 244 с.
3. Кроукер, А., Кук, Д. Телевидение и торжество культуры // Комментарии. 1997. №11.
4. Шугуров, М.В. Человек: бытие и отчуждение. Опыт антропологической герменевтики / М.В. Шугуров – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 376 с.
5. Эпштейн, М. Информационный взрыв и травма постмодерна / М. Эпштейн // Информационное общество: экономика, власть, культура: Хрестоматия: в 2 т. / сост. В.И. Игнатьев, Е.А. Салихова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2004. – Т.2, С. 183-196
6. Поппер, К. Против злоупотребления телевидением // Искусство кино. – 1996. - №1. – с. 134-137

ПРОБЛЕМА КОНЦА ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

С. Л. Филимонов

Новосибирский государственный университет

Проблема конца истории, по-видимому, возникает в связи с анализом определенного культурного процесса по преобразованию природы общества человеком. В частности, отражением этого процесса является развитие жанра утопий и антиутопий в XX – начале XXI вв. У людей возникает страх перед претворением утопий в жизнь. Например, Бердяев сформулировал проблему утопий по-своему: «Утопии выглядят гораздо более осуществимыми, чем в это верили прежде, а ныне перед нами стоит вопрос, терзающий нас совсем иначе, как избежать их осуществления». Идея мирного развития атома. Не утопия ли!? Превращается в антиутопию Чернобыля. Модели техногенных, социальных, природных катастроф давно обыграны западным и американским кинематографом, но это не мешает катастрофам возвращаться к людям в их реальном исполнении. Занятые своими повседневными заботами, люди

не думают о них, но ожидание катастрофы прочно «поселилось» где-то в их подсознании.

«Общество риска», названное так с легкой руки Ульриха Бека, живет подобно жителям острова Санторин, на огнедышащем вулкане и нет никому дела до грозных предупреждений, ведь на носу выборы губернатора острова. Череда подобных (техногенных, социальных, природных) катастроф, достаточно изучить их статистику, прошла через все XX столетие, истребив миллионы жизней. И, хотя аналога воплощения сверхглобальной антиутопии в истории развития человечества не наблюдается и не наблюдалось, угроза ее просто «висит в воздухе». Осознания этой угрозы вполне достаточно для постановки проблемы антиутопии.

В социальном плане проблема антиутопии может быть рассмотрена как некое стечение социальных, психологических, политических и экономических предпосылок. Философский и культурологический контекст проблемы коренится в осознании конца истории развития человечества, гибели культуры. В других же аспектах проблемы воплощения антиутопии, высвечивается начало непредсказуемой эпохи, эпохи мрака для оставшихся живущих на земле. И та эпоха может востребовать какой-то совершенно иной культуры, иной философии, если такие вообще будут возможны.

В истории представления об антиутопиях наиболее известными и типичными примерами являются романы-антиутопии «Мы» Замятина, «Отважный новый мир», «Мрак в полдень» Кестлера, «Последняя ночь мира» Льюиса, «Миф о машине» Мемфорда и др. Отметим, что саморазвитие антиутопии предполагает дихотомию вариантов. Негативный вариант, завершающийся гибелью мира и культуры – это конец истории человечества. При положительном развитии событий, антиутопия, как правило, перерастает в утопию. При некотором остаточном потенциале технической цивилизационной инфраструктуры, а также мозгового центра, может быть запущен механизм защиты и восстановления инфраструктуры на новом техническом (культурном) уровне, а также создание совершенно новых культурных образцов и структур, основанных на доступных технологиях. Примером таких моделей могут стать города с изолированной системой жизнеобеспечения на Земле, в космосе, на ближайших планетах. Аналог моделей таких городов разработал великий русский ученый, изобретатель и конструктор К. Э. Циолковский еще в начале XX века. Ниже мы постараемся кратко остановиться на наиболее известных концепциях и факторах, которые вызывают «страх перед претворением утопий в жизнь».

Необходимо отметить, что одним из наиболее ярких явлений современной культуры, которые непосредственно связаны с воплощением «страха перед претворением утопий в жизнь», является глобализация. Риски, связанные с процессом глобализации, достаточно ярко изложены, например, в концепции Аурелио Печчеи. Среди основных отрицательных культурных последствий этого процесса он видит следующие:

- рассмотрение людей как биологических организмов (человек, есть «экономическое существо», потребитель, цель существования которого – материальное потребление);
- духовная культура рассматривается как второстепенная сфера бытия;
- невозможность поставить под контроль рост населения;
- дефицит природных ресурсов и противоречие между традиционными концепциями и концепциями глобализма по расходованию мировых ресурсов;
- ослабленный контроль за использованием ядерной энергии.

Для преодоления этих «факторов риска» Печчеи ставит перед человечеством цели, в повседневной жизни, политике и в научных изысканиях, такие как, гармония с природой, изучение влияния внешних факторов воздействия на человека, усиление контроля за ядерной энергией и вооружениями, спасение культурного наследия человечества, необходимость структурных реформ на всех уровнях мировой организации (специализированная иерархия управления.), решение проблемы человеческих поселений и охрана окружающей среды, решение проблемы продовольствия и т.д.

Концепция общества риска Ульриха Бека несколько отличается от концепции Печчеи, однако и здесь, среди причин, приводящих к возникновению общества риска, выделяются отрицательные факторы. Вот, что пишет Бек по поводу причин возникновения общества риска, это возможность санкционированных рисков; непроявленность рисков (в наступившую эпоху постмодерна риски не осознаются, не поддаются восприятию, а скорее коренятся в химико-физических формулах); риск бедности (обнищание значительной части земного шара); социально-опасные ситуации (неравенство социальных классов, национальные и религиозные конфликты); риски модернизации захватывают все социальные слои (эффект бумеранга ломает схемы классового построения); риски модернизации становятся основой большого бизнеса (экономика, по словам Лумана, «ручается сама за себя», извлекая выгоду и отравляя одновременно экосферу, следовательно, богатством можно владеть, а риски все равно настигают); возникновение в обществе риска потенциала катастроф (господствующий оптимизм индустриального прогресса ведет общество путем риска к будущим катастрофам); исчезновение общественной мысли (то, что она исчезла, никто не замечает, даже сами социологи); причинно-следственная цепочка выводит к явлениям совершенно не связанными с производствами риска (в мясе антарктических пингвинов повышенная доза ДДТ, свинец в молоке матери превышает норму в сотни раз); контекст социально-правовой ответственности теряется в джунглях бюрократических проволочек и болота взятничества; вероятность рисков можно лишь предполагать и домысливать; обыденное осознание риска; претензии научной рациональности на объективное выявление уровня риска в опасных ситуациях постоянно меняются и противоречат сами себе (чаще они основаны на «карточном домике» спекулятивных предположений). Это вероятностные высказывания и содержащиеся в них прогнозы безопасности не могут быть опроверг-

нуты даже реально происходящими авариями (например, исследования надежности ядерных реакторов ограничиваются оценкой определенных рисков). Можно вспомнить и еще то, что высокодифференцированному разделению труда соответствует всеобщее соучастие в преступлении, а этому соучастию – всеобщая безответственность. Смысл рабской цивилизаторской морали «делай как все» – это эффект замедленной бомбы – в случае сомнения голосуй за прогресс. Более того, риски можно узаконить, идет процесс универсализации угроз (когда всем кругом грозит опасностью – опасности нет, нет спасения, значит об этом можно не думать), – это единство преступника и жертвы.

Интересна модель преодоления риска, которую предлагает Бек, это дифференцированная политика (размывание границ политики в дифференцированном обществе), демократизация технико-экономического развития и призыв «назад к индустриальному обществу» (тиражирование индустриального общественного опыта накопленного в XIX–XX вв. и проецирование его на XXI век). В этом контексте можно отметить концепция преодоления этнических и религиозных конфликтов Н.С. Розова, необходимы конструктивизация конфликтов и создание организации способной взять на себя функцию урегулирования конфликтов. Очевидны и плюсы и минусы такой организации: зависимость от координационных центров, опасность превращения ее в единицу самостоятельного диктата. В определенном смысле, для завершения создания общей картины, можно привести пример концепции Хантингтона. Если Бжезинский назвал Россию «большой черной дырой на карте мира.», то доктор Хантингтон отнес Россию к православной цивилизации. Проблема «общества риска» касается России не в меньшей степени, чем стран западных. Хантингтон выдвинул концепцию «от войн переходного периода к войнам разлома». Джихад против сверх держав, коалиция мусульманских государств против западного мира и Америки, Великая война между Западом и Востоком – вот утопия, которую действительно стоит бояться.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М: Прогресс, 2000.
2. Печчеи А. Человеческие качества. М: Прогресс, 1980.
3. Розов Н.С. Ценности в проблемном мире. Философские основания и социальные приложения. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1998. с.191-192.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М: АСТ, 2003. с.396-405.

СТАНОВЛЕНИЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРВОБЫТНОЙ ЭПОХЕ КАК ПРОЦЕСС ОБЪЕКТИВАЦИИ ИНФОРМАЦИИ

М. Г. Нечаев

Бийский государственный педагогический университет
им В. М. Шукшина

Задачей данной публикации является рассмотрение особенностей восприятия и отражения первобытным человеком предмета и явлений окружающей его действительности в контексте современной интерпретации наскальных изображений.

Данные современной науки сходятся в том, что первобытному человеку было свойственно активное отношение к внешней среде, предметам своей трудовой деятельности и практики. Именно активное отношение обуславливает много аспектное восприятие на всех уровнях:

* на конкретно-чувственном – пространственном, зрительном, тактильном, осязательном, цветовом, температурном, звуковым;

* на духовном – познавательном, ценностном, религиозном, этическом.

Богатство и результаты этого восприятия и отражения во многом зависят от прошлого опыта человека. При этом следует учитывать сложность процессов восприятия, которое вовсе не зеркально отражает предметы и явления действительности, а в результате многоуровневых преобразований сигналов, поступающих извне. Современная наука с различных сторон анализирует процессы восприятия и отражения. Общеметодологические основы научного подхода к информационным процессам в природе и обществе в настоящее время формируются не только на общефилософском уровне, но и на основе таких современных научных дисциплин, как теория информации, гештальт-психология, феноменология, кибернетика, когнитивная психология и других.

На основе данных этих наук выясняется, что эстетическое восприятие, эстетическая деятельность являются не чем – то случайным, а проявлением и реализацией фундаментальных закономерностей развития животных организмов. Предпосылки были заложены в далеком прошлом, до появления человека и получили развитую форму в начале в его трудовой деятельности, а затем – в искусстве [1, с.173].

Мы решили применить комплексный подход и рассмотреть человеческую изобразительную деятельность от первобытной эпохи с точки зрения теории информации и современных наук о человеке с целью выяснения механизмов восприятия и их функций, которые так или иначе относятся к эстетическому восприятию человеком предметов и явлений действительности.

Теория информации поколебала многовековое разделение утилитарного и эстетического во всех областях материальной и духовной культуры. Например, любая трудовая деятельность по созданию самых простых и самых

сложных изображений и предметов – от орудия труда до колесниц – осуществляется по типологически схожей схеме:

- * идеальная модель (продукт мозговой деятельности);

- * её реализация (продукт моторной деятельности физических систем человеческого организма);

На идеальном и физическом уровнях деятельности критерием их оптимальности является не только ее конечный результат, но и процесс. С эволюцией и развитием изобразительной деятельности человечеством именно процесс постепенно выдвигается на первое место, поскольку результат так или иначе ориентирован на удовлетворение сиюминутных материальных и духовных потребностей человека, а процесс - на удовлетворение его функциональных нужд – потребностей в гармонической деятельности. Можно сказать, что результат деятельности ориентирован на человека, как на социальное существо, в данном месте и в данное время, в то время как процессуальные функционально-игровые и функционально-эстетические потребности свойственны человеку как родовому существу - продукту длительного, в течение многих миллионов лет, развития [1с. 177].

Начиная от первобытного периода формирования общественного сознания, уже на этой ранней стадии развития изобразительного искусства, можно выделить признаки идеологической функции искусства: отсутствие авторства, коллективное начало, коллективный взгляд на мир, консервативность в отношении содержания. При всём разнообразии трактовки традиционных образов просматривается стилевое единство на большом территориальном поле. Особенно наглядно это просматривается в наскальном творчестве, где прослеживается одинаковая степень условности в обобщении и трактовке форм, отсутствии деталей лица, в гиперболизации объёма фигуры, различных частей тела [2].

На заре становления общества функциональные потребности были неразрывно связаны с утилитарными формами деятельности первобытного человека. Например, изготавливая орудия труда и предметы быта, в начале неосознанно, а затем и намеренно, он стремился к тому, чтобы они помимо своего прямого назначения отвечали бы и потребности перцептивной системы в получении «дополнительной», эстетической информации посредством стимуляции их активности формой и цветовыми сочетаниями. Особенно это характерно для орудий охоты и масок, изображающих различных тотемных животных [1, с.177].

С древних пор человек стремился различными путями преодолевать монотонные процессы в труде, используя разнообразные ритмы. Естественно, что различные формы примитивного труда не позволяли человеку функционировать гармонично на духовном, психофизиологическом и физическом уровнях, поэтому на определенном этапе развития первобытного общества возникает искусство, в котором человек получил возможность «опредмечивать» себя не только как субъекта утилитарных потребностей, но и в целостном единстве своих духовно-содержательных и процессуальных характери-

стик. Искусство, с самого возникновения, как бы моделирует родовую структуру человека, как биосоциального существа. И подобно тому, как его материальная структура мозга рождает сознание и эмоции, так и кодирует наскальные произведения искусства, т. е. заключает в себе идеальные смыслы и значения, раскрываемые в процессе восприятия его материальной формы. При этом возникновение различных видов искусства свидетельствует о богатстве духовных и функциональных потребностей человека. Если словесное искусство универсально и, в основном, направлено на создание образов воображаемого мира, то изобразительное искусство вызвано необходимостью конкретно-чувственного воплощения человеческого отношения к миру.

Можно сделать вывод о том, что объективация получаемой информации об окружающей действительности, вероятнее всего, осознавалась на интуитивном уровне или как желание поделиться ею с другими в виде образов, в наскальной изобразительной деятельности.

Литература

1. Афасижев, М.Н. Изобразительное искусство и слово в эволюции художественной культуры. Первобытное общество. М., 2004.
2. Барсегов, Э.В. К вопросу о философских аспектах понимания духовной телесности человека, как основы пластического моделирования в процессе исследования художественных знаний [Электронный ресурс] / Э.В. Барсегов // <http://library.fentu.ru/>

ГЕНДЕРНАЯ А/СИММЕТРИЯ В КУЛЬТУРОТВОРЧЕСТВЕ

А. К. Жапарова

Омский экономический институт

Гендерная тематика с каждым днем становится все актуальнее. Проблемы пола все больше интересуют гуманитариев. Суть гендерной концепции заключается в том, что в ней опровергается традиционное убеждение, что качества, относимые к собственно мужскому и женскому вырастают из пола автоматически. Гендер в самом широком смысле есть социокультурное бытие пола. Гендерная теория описывает культурные и социальные различия, а также значения этих различий между мужчиной и женщиной.

Гендерная система отражает ассиметричные культурные оценки и ожидания, адресуемые людям в зависимости от пола. Те виды деятельности, которые исторически отводились женщинам (собираательство, домашнее хозяйство, воспроизводство потомства) и мужчинам (война, охота) определили значимость их социокультурных ролей, соответственно как воспроизводящей и инновационной.

«Задав новую парадигму мышления, гендерная теория тем самым вывела на авансцену общественнознания неосознаваемые прежде характеристики человека, общества, культуры. Так был выявлен маскулинный характер современной (в самом широком смысле слова) культуры, который оставался незамеченным именно вследствие своей универсальности, своего всепроникающего влияния. В самом общественнознании эта маскулинность выразилась как раз в отрыве «человека» от своего пола [1]. Адепты гендерных исследований указывают не на антропоцентричность культуры, а на ее андроцентричность. Отсюда, видимо, и появилось понятие гендерной асимметрии. Данное открытие-наблюдение справедливо, на мой взгляд, в той мере, в какой справедливо и замечание, что все то, что творится из недр мужской энергии осознаваемо, осязаемо, авторски отмечено. Творение же женской энергичности протекает под знаком перманентности, неосознаваемости, анонимности. Но от этого ценность женского культуротворческого опыта не умаляется.

Поэтому в данной работе делается попытка определить специфику мужского и женского культуротворческого опыта; рассмотреть процесс творения культуры как *развивающегося равновесия двух культуротворческих интенций* - мужской и женской. В свою очередь это предположение дает новое понимание культуры, определение самих субъектов культуры.

В свете рассматриваемого вопроса хочется обратиться к творчеству интереснейшего испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета, который не раз обращал свое внимание на тему соотношения мужского и женского в культуре. Хочу обратить внимание на речь, произнесенную Ортегой-и-Гассетом на собрании представителей Немецкого спортивного союза в феврале 1954 г. «О спортивно-праздничном чувстве жизни». В ней философ пытается определить специфику мотивов жизненных проявлений человека через категории спорта и труда. «Глубинная жизненная активность всегда спонтанна, необязательна, бесцельна и заключается в свободном излиянии накопленной энергии. Она не обусловлена никакой фактической необходимостью и не является вынужденной. Это произвольная вспышка, неожиданный порыв» [2]. Позже философ уточняет авторство творения такой энергии. Человек, о котором он говорит, является, в конечном счете, мужчиной, а точнее, любовник, юноша, спортсмен. Спортивные силы, которые лежат в основе жизненных проявлений мужчины, не всегда имеют перед собой определенную цель, необходимость. Эти силы направлены на беспорядочное открытие новых возможностей, изобретение, новацию. В связи с этим Ортега-и-Гассет доводит до читателя образ, который запомнился ему с детства. Это образ клоуна, достигающего из своего необъятного кармана дудочки. А директор цирка пытался отнять их у клоуна. Но у него появлялась новая дудочка. Автор применил этот образ для обозначения специфики жизненной активности мужчины. Эта активность заключается в бесчисленных свободных актах, направленных на создание, изобретение, то есть это есть некий безудержный, по-детски капризный «прорыв» из повседневной реальности. В своей работе «Размышления о Дон Кихоте» (1914) он выдвигает идею витального или жизненного

разума, суть которой состоит в следующем: функциональность разума состоит не в постижении сущего, а конструировании несуществующего, возможного; разум атрибут человека (мужчины?) отмечен не мыслью, а изобретением [3].

Но есть ли нечто, что наполняет целевым содержанием, воспроизведение того, что изобреталось? Да, такая сила есть, и она, по мнению философа, принадлежит женщине. «Дело в том, что тормозящая сила для мужчины исходит от женщины. Женщина по натуре – умирительница» [4]. Этому наблюдению посвящены строки других эссе Ортеги-и-Гассета: «Мужское и женское начало» (1927), «Этюды о любви» (1939) и др.

В «Этюдах о любви» Ортега-и-Гассет задается вопросами: что такое женщина, когда она просто женщина? в чем состоит достоинство мужчины и женщины? какова культурная роль женственности?

Для ответа на первый вопрос философ использует понятие идеала, как импульса, устремленного *вовнутрь* нашей жизни. Задача и назначение женщины – быть конкретным идеалом, импульсом жизни. То есть, абстрагируясь от всех социальных различий внутри женского мира, собственно женское есть действительное, обращенное на «здесь и сейчас». Далее, следуя поставленным вопросам, он отмечает: «Достоинство мужчины, следовательно коренится в действии (*hacer*), а достоинство женщины - в бытии (*ser*) и в существовании (*estar*). Другими словами, мужчина ценится за то, что он делает, а женщина за то, что есть» [5]. «Есть» женщины Ортега-и-Гассет характеризует качествами диффузности, статичности и сравнивает его с атмосферным давлением (оно есть, но оно не ощутимо). Неоощутимость и есть причина, на мой взгляд, того, что в гендерной теории доминирует описание культуры как анроцетричной. Да, *человеком был мужчина*, но потому, что внешнее проявление сущности как-то более заметно (например, мы помним суть теории, но не то, как она работает в каждый день).

Каково же место женщины в культуре? На каких этажах культуры она обитает? «Как для науки, искусства, так и для ремесла быть женщиной требуется определенная доля гениальности. А это значит, что сама по себе женственность составляет существенное измерение культуры, что существует специфически женская культура со своими талантами и гениями, со своим опытом, со своими достижениями и неудачами, благодаря которым женщина вносит только ей свойственный вклад в развитие истории» [6]. Для изучения женского измерения культуры необходимы и другие, специфические «женские измерители». Думается, что изучение культурного бытия женщины органично связывается с философской традицией осмысления проблемы повседневности. Ведь методология исследования повседневности ориентирована на мир обыденной жизни, где люди рождаются и умирают, радуются и страдают; структуры анонимных практик, а также будничность в противоположность праздничности, экономию в противоположность трате, рутинность и традиционность в противоположность новаторству [7].

Исходя из вышесказанного, можно сделать предположение, что гендерная симметрия в культуротворчестве неявно, но присутствует. Однако это «присутствие» еще подлежит изучению.

Примечания

1. Брандт Г.А. Философская антропология феминизма. Екатеринбург, 2004. С. 37.
2. Х. Ортега-и-Гассет. О спортивно-праздничном чувстве жизни // Философские науки, №12, 1991. С. 137-138.
3. См.: Гайденоко П.П. Хосе Ортега-и-Гассет и его «Восстание масс»// Вопросы философии, №4, 1989. С.160.
4. Х. Ортега-и-Гассет. О спортивно-праздничном чувстве жизни // Философские науки, №12, 1991. С. 137-138.
5. Ортега-и-Гассет Х. Этюды о любви // Осмысление духовной целостности. Вып.3. Екатеринбург, 1992. С. 36.
6. Там же. С. 39.
7. См.: Марков Б.М. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. - Спб., 1999. С. 291.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТРАНСФОРМАЦИИ МУЗЫКАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

Д. В. Банников

Горно-Алтайский государственный университет

В современной науке не подвергается сомнению тот факт, что ментальность современной молодежи существенно трансформировалась под влиянием социальных перемен, произошедших в России в 90-е годы. Трансформация как процесс присуща практически всем явлениям окружающей действительности. Трансформация (лат. *transformatio* – преобразование, превращение) буквально означает «такое преобразование слов или сочетаний слов, когда получается новая конструкция предложения; например, пассивная форма... трансформирована в активную...». Таким образом, трансформация означает изменение старого и появление нового. Каждое новое в определенной степени есть отрицание старого, либо его преобразование.

Анализируя состояние современной музыкальной культуры, мы также убеждаемся, что она сильно трансформировалась с течением времени. Отмечая, что трансформация музыкальной культуры имеет место и в ментальности современной российской молодежи, в том числе и студенческой, попытаемся осветить аксиологический аспект данной проблемы.

Трансформация ценностей - политических, экономических, нравственных, эстетических - у молодежи наиболее радикальна, потому что реалии, с которыми сталкивается молодежь, сами по себе очень изменчивы. Вследствие данной трансформации происходит отторжение молодого поколения от культурно-исторических ценностей предыдущих поколений, что в свою очередь приводит к нарушению преемственности в передаче социокультурного опыта.

В данном контексте речь пойдет о трансформации музыкальных ценностей в ментальности современной молодежи. Говоря о ценностях музыкальной культуры, прежде всего, имеется в виду музыкальные произведения и их авторов, то есть все то, что составляет содержание музыкального творчества. Неотъемлемыми компонентами музыкального творчества являются также музыкальные направления и стили различных эпох, композиторов, жанры и выразительные средства музыкальных произведений. Кроме того, к разряду музыкальных ценностей следует отнести и феномен музыкального исполнительства, который выполняет функцию пропаганды и популяризации музыкального наследия. Научно-исследовательская и научно-методическая деятельность в музыкальной области приводит к созданию еще одной группы ценностей, содержанием которой являются музыкальные теории, концепции, методики и т.п. И, наконец, не менее важными в структуре и содержании музыкальных ценностей являются ценности музыкального образования и воспитания, институтируемые разнообразными центрами музыкальной культуры.

Аксиологический подход к проблеме трансформации наряду с иными подходами естественно предполагает выявление причин данной трансформации. Исходя из установки, что ценности являются элементами сознания человека, можно выстраивать концепцию взаимосвязи причин трансформации музыкальной культуры в ментальности молодежи и особенностей данной ментальности.

Молодежи от природы присуща жизненная активность, отсюда ее непреодолимое стремление к новому, отвержение традиций и создание своей, отличной от официальной, культуры. Так музыкальная классика в ментальности молодежи трансформируется в поп- или рок-культуру.

Содержательный аспект данной трансформации указывает на смену приоритетов в сторону того или иного музыкально-стилистического направления.

Оценивая свой социальный статус в обществе как достаточной низкий, молодежь замыкается в собственном мире и создает свою культуру, в том числе и музыкальную. Неформальные молодежные объединения, которые часто проявляют себя и через музыкальные приоритеты, значительно локализуют себя от общества. Данная локализация вполне согласуется с общественным мнением молодежи, ее ментальностью, поскольку открывает новые горизонты для самоутверждения без участия общества, для творчества, в том числе и музыкального. Возникает парадокс: общество со своей стороны отводит молодому поколению роль пассивного потребителя, тогда как внутри

молодежной среды происходит активный поиск новых форм существования, самореализации, творчества. Не случаен интерес российской молодежи к рок-музыке, который возник в 80-е гг. XX столетия под влиянием движения хиппи в 60-е гг. на Западе и имел целью выразить социальный протест молодежи.

Низкая оценка социальной роли молодежи официальными кругами российского общества опасна негативными последствиями для формирования ценностного ядра культуры самой молодежи. Считая молодежь «пассивной единицей», российское общество тем самым возлагает на себя полномочия в деле воспитания ее в соответствии со своими традиционными взглядами и установками, проецируя их, в том числе, и на современную музыкальную культуру. Следствия этой своеобразной «опеки» - навязывание стереотипов западной массовой культуры, мифологизация музыкального сознания - видны сегодня невооруженным взглядом.

Непреодолимое желание правды у молодежи ведет к преобладанию этических приоритетов в произведениях искусства над эстетическими.

Говоря о произведениях музыкального искусства, нужно подчеркнуть, что при их оценке, молодежь зачастую больше обращает внимание не на музыкальное сопровождение, а на текст. Отсюда, до сих пор одними из Популярных направлений в музыке у молодежи являются так называемые «исповедальные» виды творчества - авторская песня и рок. В них молодых людей привлекает, прежде всего, словесно-смысловая конкретика, которая не умаляет, однако, и роли подтекста, позволяющего трактовать произведение искусства в соответствии с индивидуальными установками сознания субъекта.

Непреодолимое желание правды у молодежи влечет за собой непримиримость и жестокость по отношению к «инакомыслящим» субъектам, перерастающую в насилие.

Порой приходится признать, что тексты многих рок- и поп-музыкальных композиций оказываются способными культивировать в молодежном сознании элементы враждебности и агрессии, поскольку нацелены на нигилизм, воспевание убийств и т.п. (некоторые композиции западных рок-групп: «Блэк Саббат», «Джудас Прист», «Мотархэд», «Эй-Си/Ди-Си», «Кисе», «Металлика», отечественных групп: «Гражданская оборона», «Черный Лукич» и т.п.). Оглушительная музыка и спецэффекты, используемые при исполнении этими группами, способны лишь усугубить негативное воздействие от данных произведений.

Небывалая эмоциональная восприимчивость молодежи по сравнению со старшими поколениями к объектам окружающей ее действительности, в том числе и к объектам музыкальным, может привести к различным модификациям ее музыкальных приоритетов. Стремление к идентификации себя с героями музыкальных произведений приводит к преобладанию этической их оценки над эстетической, что рассматривалось ранее. Так, скажем, музыкальная классика непонятна и трудна, не актуальна для понимания, поскольку рисует придуманный, далекий мир. В свою очередь многое из произведе-

ний поп- и рок-музыки эмоционально ближе, современной, проще и понятнее для молодежи. Но здесь опять возникает парадокс: музыка воздействует на человека прежде всего эмоционально, и молодежь в данном случае исключением не является. Молодежь использует музыку в качестве средства для эмоциональной разрядки, для нее это способ уйти от насущных проблем. Музыка в функциональном значении все больше становится фоном, формой самоощущения. Отсюда в ментальности молодежи возрастает роль ее гедонической функции. В содержательном отношении молодежь все больше склоняется к направлениям поп-музыки, которые несут в себе функцию развлекательности. Поиск развлекательности в музыке неизбежно приводит к явлению группового стереотипа. Становятся популярными в молодежной среде определенные сюжеты, темы и образы музыкальных композиций, определенные музыкальные жанры и формы, язык.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод, что поиск развлекательности в музыке ведет к возникновению типизированных моделей, стандартов, что в свою очередь означает большую формализацию и упрощение, примитивизм по отношению к звуковым объектам.

Меняется и отношение молодежи к другим формам музыкальной культуры, наряду с ее восприятием: исполнению музыки, ее сочинению, музыкальному образованию. Сегодня легко создаются музыкальные клубы фанатов рок- и поп-направлений, компьютерной музыки, где каждый, даже не имеющий никакого музыкального образования, уже считает себя музыкантом-исполнителем, даже композитором. Многие молодые люди утверждают, что достаточно только хорошо изучить возможности компьютера, и можно стать с его помощью известным композитором.

Так в сознании и ментальности молодежи происходит трансформация музыкальных ценностей, что в свою очередь приводит к изменению ментальности молодежи в целом.

Литература

1. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – С. 696.
2. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: МФК, 1999.- С. 433.
3. Усова М.Т. Социально-философский анализ влияния музыкальной культуры на ментальность студенческой молодежи России [Электронный ресурс]: Дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 .-М.: РГБ, 2005.
4. Кузнецов А.Г. Ценностные ориентации современной молодежи. – Саратов, 1995.- С. 139.; Воробьев Г.Г. Молодёжь в информационном обществе. – М., 1990.- С. 216

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРЫ ОБРАЗОВАННОГО ЧЕЛОВЕКА

В. В. Петров

Новосибирский государственный университет

Что такое «экологическое образование»? Это процесс наследования и расширенного воспроизводства человеком экологической культуры посредством обучения, воспитания и самообразования, а также в рамках трудовой и бытовой деятельности. Система непрерывного экологического образования объединяет, в соответствии с Законом РФ «Об образовании», совокупность экологических образовательных программ (основных и дополнительных) и государственных образовательных стандартов различного уровня и направленности, сеть реализующих их образовательных учреждений разных организационно-правовых форм, типов и видов, систему управления непрерывным экологическим образованием [1. С. 26].

Зачем в начале XXI века среднестатистическому жителю Земли общее экологическое образование? Ответить на этот вопрос можно двумя короткими тезисами.

Во-первых, Земля – это корабль, на котором человечество путешествует в космосе. От того, насколько хорошо мы знаем механизмы своего корабля, зависит комфорт путешествия и устойчивость работы систем жизнеобеспечения. Главная опасность для биосферы планеты в том, что человек плохо учитывает возможности «партнера», с которым связан очень тесно. Отсюда рост зависимости человечества от природных и техногенных катастроф.

Во-вторых, материальную основу человеческой цивилизации обеспечивают прежде всего недра и энергетика Земли. Глобализация хозяйственной деятельности будет сопровождаться и глобальным загрязнением среды обитания.

Президент американского геологического общества Е. Мурес в 1999 г. опубликовал доклад, в котором с тревогой говорит о недооценке обществом роли наук о Земле в процессах развития современной цивилизации, подчеркивает неверное представление образовательных структур развитых стран о содержании и практическом значении общего землеведения и экологического образования [3. С. 128]. Все это имеет место, к сожалению, и в наших российских условиях.

Одним из способов решения данной проблемы предлагается создание разного вида «экологических поселений» и «экологических школ», где вопросы экологии выносятся на первое место, а вся остальная школьная программа «подстраивается» под систему экологических знаний.

С точки зрения автора, идея замкнутого «экологического поселения» весьма спорна, в то время как идея «экологических школ», наподобие московской «школы Кожухова», которая действует сейчас в рамках эксперимен-

та, может представлять определенный интерес. Предполагается, что при развитии системы подобных «экологических школ» лет через 20 в России мы получим целый «слой» экологически грамотных людей, которые могут принимать деятельное участие в дальнейшей судьбе России.

Не обсуждая сам эксперимент, хочется обратить внимание на то, сколько человек может выпустить в год подобная школа. Обратимся к несложному математическому подсчету. Сейчас в школе Кожухова выпускается 1 класс в год – т.е. около 20 человек. За двадцать лет эта школа выпустит 400 человек. Пусть таких школ мы сможем создать хотя бы два-три десятка на всю Россию. Тогда через 20 лет мы получим в лучшем случае всего(!) 12 000 человек, которые прошли через подобные школы. В масштабах России это ничтожно мало. И это не сможет решить проблему всеобщей экологической грамотности населения, на которую, в первую очередь, обращают внимание авторы подобных проектов и экспериментов.

Какие пути решения данной проблемы могут быть еще?

Безусловно, можно создавать систему самых разнообразных школ, но при этом не стоит забывать о системе общего *обязательного* среднего образования. Количество выпускников средних общеобразовательных школ на порядок выше, чем у действующих сейчас в порядке эксперимента «экологических школ». Нет необходимости перестраивать всю систему образования для того, чтобы вывести экологические знания на первое место, равно как и нет необходимости выводить экологические знания на первый план, «подстраивая» под них все остальное обучение. Необходимо изменить лишь сам подход к обучению.

Как происходит сейчас знакомство учащихся с экологическими знаниями? Программа любой общеобразовательной школы перегружена и жестко распределена по количеству часов в отношении каждого учебного курса. Невозможно выделить существенное количество часов для внедрения фундаментального курса общей экологии, не затрагивая серьезно остальную программу. В результате на экологическое образование отводится очень небольшое количество учебного времени и всего лишь для ознакомления учащихся с энциклопедическим материалом. В итоге человек становится чуть более эрудированным – и на этом знакомство с экологией, как наукой, заканчивается.

В то же время, в 10-11-х классах учащийся уже обладает практически всем необходимым запасом экологических знаний, полученным из самых разных курсов, которые преподаются в обычной школе – химия, биология, физика, история, география, природоведение и т.д. Но эти знания ассоциируются у человека с тем предметом, в рамках которого они были получены. Например: тепловое загрязнение атмосферы – физика, отходы нефтеперерабатывающей промышленности – химия, вымирание отдельных видов растений и животных – биология, атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки – история, и т.д. Фундаментальных знаний уже достаточно, но они разрознены. Нужно лишь объединить эти знания в стройную систему.

Для этого нет необходимости серьезно перестраивать всю программу общеобразовательной средней школы. Достаточно добавить всего 1(!) час в неделю в течение одного семестра – и мы получим курс объемом не более 20 часов. Такой объем вполне возможно «вписать» в существующую школьную программу. Даже если по каким-либо причинам это не удастся, его реально вынести в рамки обязательного факультатива. Как показывает практика, этого вполне достаточно, чтобы научить человека связывать воедино разрозненные знания и делать самостоятельные выводы.

В качестве примера рассмотрим курс «Землеведение и основы экологии», который читается автором с 1999 года в 10-х классах Специализированного учебно-научного центра Новосибирского государственного университета.

Основная цель курса - мобилизовать ранее полученные знания и достижения таких наук, как физика, химия, астрономия, биология, география и других на освещение важнейших биологических, геологических и экологических аспектов развития нашей планеты.

При работе с учащимися используется многоуровневый подход, который подразумевает три уровня подачи информации [1. С. 168].

Первый, общегуманитарный уровень, содержит сведения, которые необходимы в повседневной жизни любому образованному человеку. На этом уровне ознакомление с предметом, свойствами и общими принципами происходит на конкретных примерах.

На втором - технологическом - уровне учащийся приглашается для обсуждения пройденного материала с попыткой раздумий и последующей привычкой использовать полученные знания в практической деятельности. Этот уровень должен обеспечить умения и навыки, которые позволят успешно продолжить обучение в высших учебных заведениях.

На специализированном третьем уровне производится углубленное изучение предмета, рассматриваются конкретные природные и техногенные ситуации, которые побуждают учащихся производить сложные логические рассуждения. На этом уровне происходит систематическое возвращение к основным понятиям, которое позволяет постепенно переходить от наблюдений к формулировкам и доказательствам.

Например, в рамках курса задается вопрос о том, на сколько повысится температура атмосферы, если допустить, что количество добываемой человечеством нефти (в сутки) сразу же сжигается в качестве топлива. При этом базовых данных никаких не дается. Вопрос сложный, но можно с помощью простых рассуждений прийти к верному ответу. Ход рассуждений следующий: количество добываемой нефти можно найти в интернете или в любом справочнике по экономике (в библиотеке), удельная теплота сгорания нефти и удельная теплоемкость воздуха известны из курса физики, зная мощность атмосферы можно вычислить массу воздуха и т.д. Рассуждая подобным образом, привлекая и используя свои знания, полученные в рамках других курсов, учащийся активно размышляет и, в конечном итоге, приходит к ответу. Пусть этот ответ очень приблизителен, но порядок величины будет верным.

Более того, отталкиваясь от полученного ответа, можно продолжать развивать дальше цепочку логических рассуждений – какое количество льда растает в результате повышения температуры атмосферы, на сколько поднимется уровень мирового океана, какие территории будут затоплены и т.д.

Полученный опыт показывает, что у учащихся существует устойчивый интерес и потребность изучения курса, который находится на границе раздела традиционных предметов, преподаваемых в школе, а система современных взглядов на возникновение и развитие нашей планеты и цивилизации непосредственно связана с формированием общей культуры каждого грамотного человека.

Литература

1. Опарин Р.В. Концепция непрерывного экологического образования в Республике Алтай и ее технологическое обеспечение / Р.В. Опарин // Методика и технология непрерывного экологического образования: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2007. – С. 25-30.
2. Петров В.В. Специализированное обучение: опыт 40 лет деятельности: Научное издание / Никитин А.А., Силантьев И.В., Гончаров С.С., Диканский Н.С., Мазуров В.Д., Биченков Е.И., Дымшиц Г.М., Копытов В.М., Яворский Н.И., Марковичев А.С., Москвитин А.А., Барам С.Г., Миндолин В.А., Саблина О.В., Михеев Ю.В., Суменкина М.А., Петров В.В. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2004. – 264 с.
3. Чиков Б.М. Земля познаваемая и таинственная / Б.М.Чиков. – Новосибирск: изд-во СО РАН. – 136 с.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ УРОВНЕЙ СОДЕРЖАНИЯ НОРМИРОВАНИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА У БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

К. А. Абдылдаев¹, Н. О. Мааткеримов², Б. Т. Аденова¹

¹ Исыкульский институт кооперации им. Ж.А Алышбаева

² Исыкульский государственный университет им. К. Тыныстанова

В работе проведен психолого-педагогический анализ проблемы нормирования процесса обучения в условиях модернизации образования. Раскрыта структура нормирования на примере курса физики, уровни которых соотнесены с системой методов нормировки. Представлены результаты педагогического эксперимента по выявлению уровней готовности будущих педагогов к нормированию учебного процесса.

При модернизации системы образования достижение стратегических целей обуславливает необходимость новых подходов к осуществлению профессиональной подготовки будущих учителей. В Российской концепции преподавания физики на базовом и профильном уровнях говорится: «Поиски путей оптимизации содержания учебных предметов, обеспечения его соответствия меняющимся целям образования могут привести к новым подходам в структурировании содержания учебного предмета - физики» [1, с. 18]. Далее, там же указывается о том, что при разработке образовательных стандартов по физике ставились задачи создания условий для ликвидации *перегрузки* (выделено нами Н. М., Б. А.) школьников и обеспечения условий для развития их познавательных и творческих способностей.

В условиях модернизации образования нашей республики, наряду с традиционными функциями педагога, актуализируются такие профессиональные функции, как оптимизация и *нормирование процесса обучения*. От выпускников педагогических специальностей сегодня требуется новое профессиональное мышление, высокая мобильность и компетентность, ориентация на будущее, на созидательный труд [2, 3]. Развивающемуся обществу нужны современно образованные, активные и ответственные специалисты, которые могут самостоятельно принимать решения в ситуациях выбора, прогнозируя их возможные результаты.

В исследовании было определено уровневое содержание нормирования процесса обучения и адекватные им методики, которыми необходимо овладеть будущим специалистам (см. табл. 1).

Определение уровней позволило нам соотнести методы нормирования учебного процесса с расширением исследовательских возможностей учителя и развитием его творчества, соблюдая рамки функциональных обязанностей.

Соотношение уровней и методов нормирования процесса обучения физике

Таблица 1

Уровни нормирования	Методы нормирования учебного процесса
Концептуальный	Концепция оптимизации учебного процесса; методы нормирования обучающей деятельности преподавателя и нормализации учебной нагрузки обучаемых; концепция статистических закономерностей обучения и усвоения содержания учебной информации; виды норм и нормативов процесса обучения.
Содержательный	Экспертная оценка содержания физического материала, объема доступности и последовательности изложения, подбор оптимального количества задач и упражнений, физического эксперимента; составление перечня элементов знаний и умений, установление исходных идей и логических связей между ними; распределение учебного материала по уровням цикла научного познания в естественнонаучных дисциплинах; оценка соответствия элементов знаний функциям интеллекта

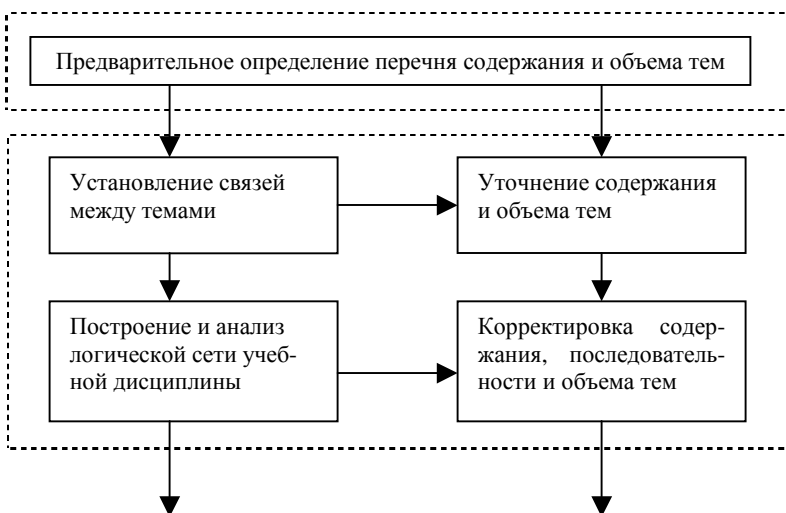
	обучаемых разных возрастных групп; выявление согласованности физической информации в программе, учебниках и в реальном учебном процессе.
Технологический	Использование математических методов (однофакторного, многофакторного анализов, граф и матриц и др.) при проведении системно-структурного анализа содержания курса физики; структурирование физической информации, разработка структурно-функциональной модели, технологии и методики обучения конкретных тем.
Процессуальный	Экспериментальное определение бюджета времени (учебного и внеучебного), построение рационального баланса учебного времени, проектирование структурно-логических схем изучения физического материала.

С целью оптимизации педагогических процессов нами были использованы известные методы сетевого планирования и управления [5].

Применение сетевых методов планирования и управления и управления учебным процессом позволяет:

- оптимизировать отбор и последовательность изучения учебного материала;
- нормировать объем и положение разделов и тем дисциплин в учебном плане и рабочей программе;
- повысить эффективность самостоятельной работы студентов;
- оптимизировать контроль реализации учебных планов и управление учебным процессом.

В процессе исследования данной проблемы мы выработали структурную схему разработки и нормирования учебной программы по дисциплинам, которая представлена на рис. 1. Она включает в себя три основных этапа.

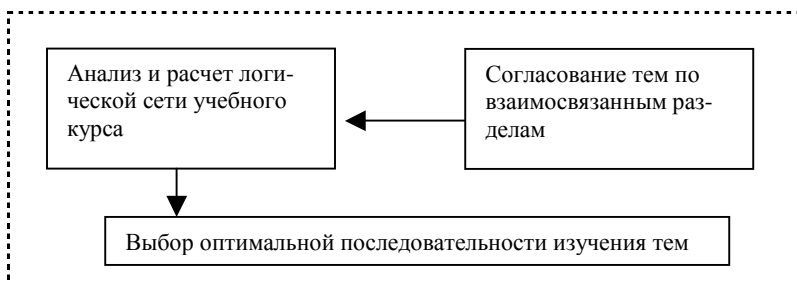

Рис. 1. Структура разработки учебной программы по дисциплине

В деятельности по систематизации знаний мы выделяем следующие компоненты:

1. Осмысливание знаний по определенной теме раздела.
2. Выявление физической сути основных эмпирических фактов.
3. Выделение идеального объекта для данной теории или теоретической системы и рассмотрение его качественного приближения к реальному объекту (границ применимости).
4. Определение физических понятий, являющихся основными для данной теории или теоретической системы.
5. Выделение основных положений данной теории.
6. Выделение следствий из основных положений и рассмотрение конкретного примера следствий.

Итоги педагогического эксперимента свидетельствуют о продуктивности предложенной структуры процесса нормирования будущим учителям физики и астрономии. Если исходный средний и высокий уровни готовности составляли 34,7%, то по завершении эксперимента они выросли до 85,8 %. Одновременно низкий уровень готовности будущих педагогов к нормированию процесса обучения физике существенно уменьшился с 65,3 % до 14,2 %. Следует отметить, что прирост среднего уровня готовности при контрольном и итоговом срезах (от 54,3 % до 59,2 %), а также прирост высокого уровня готовности при промежуточном и контрольном срезах (от 16,5 до 18,5) составляют менее 5%, что находится в пределах ошибки педагогического эксперимента и эти моменты требуют дальнейшего изучения.

Проведенное исследование позволяет высказать следующие обобщающие положения. В профессиональной подготовке учителя физики и астрономии важное место занимает овладение методикой нормирования процесса обучения. Она выступает не только непосредственным результатом обучения, но является главным связующим звеном государственного образовательного стандарта, вузовского компонента и курсов по выбору профессионального образования.

1. Концепция преподавания физики в старших классах на базовом и профильном уровнях // Физика в школе. – 2005, № 4, с. 4 – 15.
2. Мамбетакунов Э. Физиканы окутуу теориясы жана практикасы. – Бишкек : Ж. Баласагын ат. Кыргыз улуттук университети, 2004, 490 б.
3. Монахов В. М. Аксиоматический подход к проектированию педагогической технологии // Педагогика. – 1997, № 6, с. 26 – 31.
4. Лесин В. В., Лисовец Ю. П. Основы методов оптимизации для вузов. – М.: МАИ, 1998, 347 с.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Н. А. Акимова

Новосибирский филиал Санкт-Петербургской академии экономики
и управления (г. Новосибирск)

Под конкурентоспособностью муниципального образования в экономической практике понимается его способность обеспечить высокое качество жизни населения и возможность реализовать имеющийся на территории экономический потенциал.

В условиях, когда наблюдается соперничество между муниципальными образованиями за привлечение определенных видов ресурсов, инвестиций для создания привлекательных условий жизни для населения, органам местного самоуправления необходимо выявлять и развивать конкурентные преимущества территории.

Выявление же конкурентных преимуществ муниципального образования и разработка комплекса мероприятий по их развитию, возможны лишь в рамках стратегического планирования комплексного социально-экономического развития территории.

ФЗ № 131 от 06.10.03г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» принятие и организацию выполнения планов комплексного социально-экономического развития муниципального образования относит к одному из основных видов полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения.

Однако, как показывает практика, используемые подходы к разработке комплексных программ социально-экономического развития не только не способствуют развитию конкурентных преимуществ муниципального образования, но даже не всегда позволяют выявить сильные, слабые стороны и индивидуальные особенности муниципального образования

В качестве одной из основных проблем можно отметить низкий уровень научно-методического обеспечения данного процесса. Так, например, предъявляются одинаковые методические требования по созданию комплексной программы социально-экономического развития территории к муниципальным образованиям разного типа, т.е. не принимаются во внимание количественные и качественные особенности муниципальных образований.

Выявление и обоснование необходимости развития тех или иных конкурентных преимуществ муниципального образования в рамках стратегического территориального планирования зависят во многом от качества аналитической проработки информации. В настоящее время основным источником получения информации, необходимой для анализа социально-экономического развития муниципального образования является система статистической отчетности. Однако, статистическая информация, предоставляется органами государственной статистики на платной основе и зачастую, не соответствует предъявляемым к ней требованиям.

Ряд проблем в процессе формирования комплексной программы социально-экономического развития муниципального образования связан с тем, что в настоящее время у органов местного самоуправления отсутствует информация о прогнозах и программах развития крупных промышленных предприятий, расположенных на территории муниципального образования. Это, объясняется тем, что многие промышленные предприятия входят в состав вертикально ориентированных финансово-промышленных групп, головные структуры которых зарегистрированы в других муниципальных образованиях.

Одним из важных вопросов разработки перспектив социально-экономического развития муниципального образования и их реализации является учет и формирование общественного мнения. Однако, как показывает практика, органы власти многих муниципальных образований не только не учитывают мнения и предложения разных групп населения, но и даже не знакомят жителей муниципального образования с основными целями и задачами по развитию конкурентных преимуществ муниципального образования.

Даже обязательное условие завершения разработки комплексной программы социально-экономического развития муниципального образования - широкое обсуждение с населением и утверждение представительным органом местной власти, представляет собой в современных условиях не более, чем формальность. Это объясняется тем, что перед утверждением комплексной программы социально-экономического развития все ее основные мероприятия должны быть согласованы и утверждены в органах государственной власти субъекта РФ.

Определенные трудности в процессе формирования комплексной программы социально-экономического развития муниципального образования связаны с тем, что во многих муниципальных образованиях действующие генеральные планы разработаны еще в 70-80-е гг. XX века, а, следовательно, с изменением социально-экономических условий развития утратили свою актуальность. Не соответствие генеральных планов современной ситуации не

позволяет определить мероприятия по рациональному использованию имеющихся ресурсов для создания комфортных условий проживания населения, а, следовательно, и снижает инвестиционную привлекательность муниципального образования.

Эффективное развитие отдельных конкурентных преимуществ того или иного муниципального образования возможно лишь при наличии межмуниципального сотрудничества. Это связано с тем, что в пределах крупного города с его развитой инфраструктурой, не говоря о сельском поселении со своим специфическим укладом жизни, трудно обеспечить в полной мере многочисленные потребности человека. Поэтому органам местного самоуправления близлежащих муниципальных образований необходимо совместно разрабатывать комплекс мероприятий по развитию отдельных направлений транспортной и инженерной инфраструктуры, охраны окружающей среды, социальной сферы и т.д.

Таким образом, необходимым условием обеспечения конкурентоспособности муниципального образования, а, следовательно, и высокого качества жизни населения, является выявление и развитие конкурентных преимуществ территории в рамках стратегического планирования комплексного социально-экономического развития муниципального образования. Однако, в настоящее время повышение эффективности формирования комплексных программ социально-экономического развития требует совершенствования как научно-методического, так и организационного обеспечения этого процесса на региональном и местном уровнях.

Раздел III

Теоретические проблемы права

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ПРАВА

О. В. Павлышин

Киевский национальный университет внутренних дел (Украина)

С точки зрения А. Кауфмана, вопрос «что есть право?» – какие сущностные формы, какие онтологические структуры, какие основные законы бытия мы называем правом – является важнейшим вопросом философии права и всей правовой науки, от ответа на который зависит решение многих других наиболее значимых правовых проблем [1, 104]. Таким образом, вопрос о сущности права является одним из ключевых вопросов юриспруденции.

При его рассмотрении необходимо учитывать следующие положения, которые довольно точно отражают основные сложности этой задачи:

- 1) определяя сущность того или иного феномена, следует воспринимать его как целостность;
- 2) право являет собой определенный конгломерат различных феноменов, которые функционируют на разных уровнях (в своей совокупности они составляют то, что можно условно назвать «правовой реальностью», под которой понимается особый «мир права» со своими законами, логикой функционирования и развития, со своим «фундаментом» и «несущими конструкциями», а также способом связи в одно целое [см. 2, 32]);
- 3) сводить сущность права к сущности каких-то отдельных его проявлений – совершить ошибку, пожалуй, самую распространенную из тех, которые допускаются при определении права.

Преодолеть данные сложности возможно, определив некую отправную точку в поисках сущности права. Подобным «исходным пунктом», на наш взгляд, можно считать принятый нами подход к определению предназначения права, который, таким образом, может и должен послужить решению задачи выявления его сущности.

Очевидно, что право является одним из регуляторов общественных отношений (заметим, отнюдь не универсальным). Что же его отличает? Если рассмотреть три основных формы регуляции общественных отношений, которые в общей теории права считают источниками права – мораль, религию и обычаи, то увидим, что у каждой из них есть своя цель и свое предназначение, непосредственно связанные с формой общественного сознания, на которых они базируются. В природе человека (в частности, в конструктивном ее измерении), по нашему мнению, заложено стремление к Благу, Источнику, Ро-

ду и Порядку, что и выражено в различных формах регуляции общественных отношений.

В частности, моральные нормы базируются на практически-ценностном отношении человека к миру, в основе которого лежит противопоставление добра и зла, а также других категорий, связанных с ними. Таким образом, «предназначением» морали как формы регуляции общественных отношений в определенном смысле можно считать приближение образа мыслей и поведения человека к моральному идеалу, соотносимому с идеей Блага.

Религия как форма общественного сознания выражает связь человека со сверхъестественным Началом – источником бытия всего сущего, выступает способом осознанного вхождения в его мир. Предназначением религиозных норм можно считать обеспечение «обратной связи» человека с этим Началом, действительной причастности к Нему через формирование духовного состояния, угодного Богу, и реализации его в повседневной жизни и поступках каждого верующего.

Предназначение обычаев и традиций, которые базируются на уважении к предкам, образу их жизни и стереотипам поведения, скорее всего, заключается в обеспечении преемственности опыта поколений.

В чем же заключается основное предназначение правовых норм, выраженных в законодательном массиве? Регламентация общественных отношений осуществляется правом с разными целями, однако целью и предназначением самого права является, на наш взгляд, установление порядка как такового.

Еще древние воспринимали Космос как упорядоченный мир, выступающий воплощением высшей соразмерности (в отличие от Хаоса) [3, 16]. Вселенная древних построена на Законе мироздания (в античной философии – Логосе), который, на наш взгляд, является архетипом, прообразом Права как рукотворного Логоса, регулирующего мир человеческих отношений по принципу должного. В данном случае противоречие сущего и должного снимается в единстве сущности Логоса и права.

Обращение к системе бинарных оппозиций, что лежат в основе диалектического единства мира, выразительно указывает именно на порядок как основной принцип права, определяющий его сущность. Однако можно ли исключить из дискурса о сущности права такие категории, как справедливость и гуманизм? Очевидно, нет. Справедливость и гуманизм выступают неотъемлемыми атрибутами права, без которых оно трансформируется в неправовой либо антиправовой свод формальных правил поведения. Если так, то сущность права – не только в установлении порядка? По нашему мнению, сущность права состоит именно в установлении порядка, но порядка определенного, который характеризуется рядом признаков, которые могут служить отдельной темой для исследования. При этом не следует смешивать порядок более высокого уровня, который лежит в основе права, и правовой порядок – своего рода следствие воздействия права на мир человека.

Из вышеизложенного можно заключить, что специфика существования (экзистенции) права определяется его сущностью (квинтэссенцией), которая, по нашему убеждению, состоит в установлении определенного порядка общественных отношений и обеспечении взаимодействия между людьми. Порядок этот должен быть разумным, справедливым и гуманным, так как только в этом случае упорядочивание общественной жизни будет целесообразным, т.е. соответствующим целям и интересам каждого человека и общества в целом. Право служит обеспечению рационального баланса этих целей, наибольшей безопасности и длительности жизни, охране и восстановлению здоровья, максимальной реализации желаний и потребностей каждого человека, взаимной пользе и выгоде людей, а также защите личных и общественных ценностей.

Литература

1. Kaufmann A. Rechtsphilosophie im Wandel. – Frankfurt a.M., 1972.
2. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления: Монография. – Харьков: Право, 2002. – 328 с.
3. Бачинин В.А. Морально-правовая философия. – Харьков: Консум, 2000. – 208 с.

СМЫСЛ ПРАВА И МЕТАФИЗИКА

М. А. Беляев

Воронежский государственный университет

Безусловно, сам факт непрекращающихся попыток подведения юридической науки под имманентные, вечные и абсолютные основания ясно свидетельствует о том, что метафизическая основа нашего общества находится в кризисе. Такой вывод очевиден: когда кризис метафизических оснований отсутствует, о них и не пытаются рассуждать, во всяком случае, в поле научной рефлексии. Тому можно найти массу примеров в истории: архаическое общество Древней Греции с его мифологией, европейское Средневековье и т.д. Одним словом, когда сама реальность пронизана символами, когда жизнь символична, нет никакой нужды в семантическом анализе; и лишь кризис, нехватка, хаос могут индуцировать чрезвычайно сильный интерес науки к вненаучному и донаучному по природе своей предмету, которым является смысл права.

Юриспруденция, если ее не понимать технологически, есть наука о свободе и справедливости, но это – свидетельство в пользу отказа от метафизической основы правовой философии. Право – к чему бы мы не сводили его существенные признаки – включает в себе противоречивое диалектическое

единство свободы и справедливости как идеальных начал. Конкретность права дана изначально субъекту, коль скоро он манифестирует себя как субъекта правоотношения. Уже в диалоге (взаимодействии смыслового порядка) субъектов высвечивается предельная конкретность, наивысшая определенность права (в том числе определенность его как чистой формы; по словам В.С. Нерсесянца «в праве нет ничего кроме формы»).

Конкретность юриспруденции должна проявляться в том, чтобы в первых, трактовать это идеальное как продукт совокупной общественной практики; во-вторых, используя опыт конкретных государств и их систем законодательства, проследить формы и способы воплощения и преодоления (насколько это возможно) непримиримой бинарной оппозиции свободы и справедливости. Сама суть истории правовой науки – отыскание имевших место способов сглаживания остроты вышеназванных противоположностей, прагматическая функция правовой науки – предложить средство замены борьбы единством.

Правовая наука должна стремиться не сколько приблизиться к объективной реальности, сколько не отойти от последней. Ради этой высокой цели следует отказаться от ввода в государственно-правовое знание метафизических понятий, т.е. категорий. В противном случае мы рискуем пойти по априорно неверному пути подбора конкретно-научного материала под те или иные категории с тем, чтобы показать, как эти категории «реализуются» в сфере права. В выборе категорий легко ошибиться, если стоять на философских позициях, кроме того, категория должна быть не исходным пунктом в науке, а финальным, что обосновано Г.В. Гегелем.

К выводу об отказе от метафизики в познании права ведут два пути. Первый – через т.н. «доказательство от противного». Предположим, что познание сущности права имеет в своей основе, а также целью нечто метафизическое (трансцендентное в данном случае). Тогда становится проблематичным познание «сущности права», т.к. истину можно понимать и онтологически (превосходно показал это М. Хайдеггер), т.е. её можно находить, но с ней можно и встретиться. Встреча с истиной означает диалог с бытием, а диалог превращает процесс познания в понимание (это убедительно показал М.М. Бахтин). Понимание невозможно по отношению к изолированной сущности (да еще и с Абсолютом в основании). Таким образом сущность права как цель философии права следует заменить смыслом права. Но смысл возможен только при взаимодействии двух онтологически равнопорядковых субъектов, следовательно, наше первоначальное предположение неверно, и в основании права не лежит метафизическое начало.

С другой стороны, возможен положительный путь обоснования вышеуказанного тезиса – через утверждение конкретных способов понимания права, имманентных самому праву. Эти способы представляют собой и перспективы развития юриспруденции в XXI веке. Перечислим их тезисно:

1) из той реальности, которая не есть право (а это прежде всего культура и экономика – две интересубъективные сферы деятельности человека) необхо-

димо вывести нечто юридически имманентное (найти смысл права как Абсолют в повседневности человеческого бытия);

2) в самой правовой науке нужно обнаружить некое рефлексивное начало (кстати сказать, за рубежом довольно распространены теории обратного влияния права на экономику - как логическое продолжение марксистского подхода к общественным явлениям, а отечественные ученые пока не преуспели в этой области). Рефлексивное понимание права снимает потребность в подведении государственно-правовых явлений под более широкие категориальные схемы объективного либо трансцендентального идеализма.

3) самое важное - изобразить онтогенез правовой нормы направлением от фидуциарно-договорной до государственной охраняемой формы и ввести некие опосредствующие формы, могущие заполнить пропасть между развитым понятием права с одной стороны, и экстраправовыми факторами – с другой.

Суммируя сказанное выше, отметим, что правовая наука может постичь смысл права, только если приступит к поиску «неправового» имманентного праву истока, который не может быть метафизическим. Именно поэтому сегодня наиболее плодотворными являются прочтения правового взаимодействия как коммуникации или же как речевых актов. Здесь возможны и иные трактовки государства, возможны и некие синтетические проекты. Но сфера названного нами поиска не должна, конечно, замыкаться на строго лингвистических аспектах проблематики, от смысловой сущности права «первого порядка» мысль ученого-юриста должна двигаться к сущности права «второго порядка» и т.д. Во всяком случае, от субстанционального понимания права следует отказаться.

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

В. А. Поваляев

Самарский муниципальный университет Нааянов

Проблема взаимоотношений узкоюридической науки и «Философии права» не является надуманной и не детерминирована формальным разделением полномочий между ними относительно единого предмета изучения – права и производных от него феноменов. В своё время ещё Г.В.Ф. Гегель отмечал конечность, рассудочность рафинированного правопонимания, подчёркивая важность придания разумной формы юридическому материалу [1]. Воззрения юриста – позитивиста по поводу правовой реальности, перефразируя изречение И. Канта, могут быть прекрасными, но, увы, не иметь мозга. Различия между метафизической и догматичной позициями носят принципиальный характер.

Во-первых, построение законченной юридической концепции, как правило, сопровождается смешением сущего и должного, реального и идеального, факта и оценки. В частности, до сих пор в специальной литературе [2] встречается классификация политических режимов, в которой исходным основанием полагается демократизм. Народовластие – один из самых популярных идеалов, по своему экспликационному потенциалу стоящий на одном уровне с теорией флогистона. Дело в том, что с ракурса демократии возможно проследить механизм образования власти, процедуры принятия ей решений и актов, но сущность права останется не затронутой. Адепты учения о демократии не понимают, что народ – агрегат, хаотичная масса людей, не способная рефлексировать по поводу необходимости, содержания юридических источников. Хотя её воля даёт первичный импульс процессу создания легальных правил поведения, а её интерес – один из критериев оценки эффективности действия права. К тому же подобная идея плохо согласуется с иными весомыми концепциями, декларируемыми учёными – юристами: либерализмом, лежащим в фундаменте всех современных цивилизованных конституций [3]. Упомянутый пример является симптоматичным для узкоюридической теории вообще, так как в последней присутствует множество оценок, зачастую смешиваемых с научными категориями. Разрабатываемые же в рамках философии права дисциплины «Гносеология права» и «Аксиология права» делают возможным избежать данного недостатка.

Во-вторых, в профессиональном подходе юристов обнаруживается дефект формы познания предмета. Привычным для него является абстрактное представление (в трактовке Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса). Например, государству приписывается предикаты «машина», «механизм», из которых дедуцировать квинтэссенцию субъекта нереалистично.

Советский диалектик Э.В. Ильенков наглядно продемонстрировал коренные различия, лежащие между абстрактным представлением и конкретным понятием [4]. С помощью первого можно выделить некие общие качества явлений, внешне навязанные человеческим мышлением какому-то предмету. Только использование конкретного (спекулятивного понятия) позволяет вскрыть имманентные черты объекта и установить аподиктическую связь между отдельными категориями. В обозначенном выше примере прослеживается тенденция формального, рассудочного плана, так как на термин «государство» набрасывается клише «механизма». Плюс к этому, в юридических документах фиксируются совершенно разнородные дефиниции – реальные, номинальные, дескриптивные, магистральные. Например, в главах ГК РФ, посвящённых вещному и обязательственному праву присутствуют описательные определения [5], хотя в главах о субъектах гражданского права присутствуют традиционные родовидовые дефиниции [6]. Вопрос о согласовании совершенно различных типов определений остаётся открытым. Наконец, рассуждения, возникающие в связи с тематикой правового государства, являются разрозненными и искусственными. Зачастую в границах правовых исследований упомянутому понятию приписывается совокупность признаков

(гарантия прав и свобод человека, разделение властей, верховенство закона и т.д.). Но стержневое качество явно не выделяется, либо оно слишком бессодержательно. Пресловутое верховенство закона/права – формальный лозунг, под прикрытием которого обосновывались доктрины тоталитарных государств (фашистского, псевдосоциалистического толка).

В-третьих, для специально-юридической концепции свойственны догматизм и политика научного изоляционизма. Например, тезис о корреляции юридических норм с обществом и государством является общим местом во всех учебных пособиях. Однако детальное и аутентичное объяснение того, как конкретно данное взаимодействие происходит, – ноумен для мышления правоведа. Хотя в истории мысли предлагались достаточно адекватные проекты решения указанного вопроса. Гегелевская триада семья – гражданское общество – государство; учение К. Маркса об экономическом базисе и надстройке (в том числе и правовой), доктрина общественных союзов Б.Н. Чичерина. Теоретики государства и права сознательно отбрасывают подробности, неумолимо возникающие при затрагивании вопроса о соотношении публичных образований и институтов и права. Ведь это требует перехода от чисто правовой науки к социологии, политологии и, в конечном счёте, к философии. В этом случае избегание «нюансов» эквивалентно добровольному отказу от достижения истины, не лежащей на поверхности.

В-третьих, пункт, посвящённый методологии познания права, остаётся на периферии узкоюридических исследований. Обычно идёт перечисление отдельных гносеологических средств и приёмов (формально – логический, диалектический, исторический, социологический и проч.) [7], сопровождаемое категоричной ссылкой на необходимость всестороннего и целостного восприятия юридических явлений. Тот факт, что формально – логический и спекулятивный методы находятся в дисгармонии друг с другом, в расчёт не берётся. Вместе с тем гегелевский или чичеринский пандиалектизм, противоположный позитивизму, психологизму, социологизму и т.д., подвергается необоснованному игнорированию. Юрист – специалист вынужден бродить по лабиринту методов, вместо того, чтобы определиться с базовыми гносеологическими презумпциями.

В-четвёртых, некоторые метафизические принципы непосредственно присутствуют в процедуре правотворчества, структуре правосознания и в самих предписаниях. Требования справедливости, разумности нельзя измерить количественно (в отрезках времени, размере денежных средств) на весах Фемиды. Зато их можно попытаться дедуцировать теоретически, чем, к примеру, занимались Платон и Аристотель.

Можно заключить, что встречное движение философии права и традиционного правоведения необходимо. Впрочем, поглощение метафизикой правовой реальности представляется нерациональным, философия не способна быть Законодателем.

Метафизическое наследие следует применять при решении вопросов экзегетического, систематизаторского и аксиологического порядка. Прямое и

безлимитное вмешательство философской методологии, пропагандируемое, в частности, гегельянством, безапелляционно лишает классическое правоведение автономной сферы исследования. Философия права не должна ассоциироваться в сознании учёного с междисциплинарным гибридом. Она рождается там, где позитивист – юрист впадает в бесперспективный скептицизм или откровенный догматизм.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: «Мысль», 1990. С. 46.
2. Марченко М.Н. Теория государства и права. М.: ООО «Велби», 2002
3. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб.: «Лань», 2000.
4. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., Политиздат, 1974.
5. См. ч. 1 ст. 209, ч. 1 ст. 307 Гражданского кодекса РФ
6. См. ч. 1 ст. 66, ч. 1 ст. 69 Гражданского кодекса РФ
7. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 1993.

ПРИНЦИП ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

С. П. Погребняк

Национальная юридическая академия Украины
им. Я. Мудрого (г. Киев, Украина)

Принцип верховенства права (англ. – rule of law) является одним из важнейших начал конституционного строя современного демократического, правового государства. Он прямо назван в ст. 8 Конституции Украины и считается основополагающим в системе европейских ценностей (на нем базируется деятельность Совета Европы, Европейского Союза, ОБСЕ и др.). Данный принцип представляет собой производную всех общих начал права; как ценностный сплав идей справедливости, равенства, свободы и гуманизма верховенство права формирует соответствующий образ правовой системы и определяет те условия, которые позволяют превратить этот образ в реальность.

Характеризуя данный принцип, прежде всего следует выяснить, над чем господствует, осуществляет свое верховенство право. Нельзя согласиться с попытками свести эту проблему к вопросу о приоритете права над другими социальными регуляторами. Более удачным является смещение акцента в определении содержания верховенства права на провозглашение его приоритета перед государством. В результате суверена, провозглашающего право, заменяет или имеет тенденцию заменять суверенное право (П. Манан). Одна-

ко еще точнее характеризовать право как явление, имеющее преимущество перед любыми решениями и действиями отдельных субъектов; все подобные решения и действия «проходят проверку» правом. В таком случае этот принцип будет обращен как к частным лицам, так и к государственным органам и должностным лицам (в том числе к субъектам правотворчества), что позволяет обосновать безусловную обязанность всех субъектов уважать право, обеспечить ситуацию, при которой общество является свободным как от частного, так и от государственного произвола. Иными словами, это «верховенство права, а не лица» (Б. Таманага).

В содержании принципа верховенства права можно выделить два аспекта: формальный и материальный (органический).

С формальной точки зрения верховенство права состоит в том, что в обществе должны существовать правовые нормы, которые соблюдаются всеми субъектами, в том числе государством. В этом случае право ограничивает произвол самим фактом наличия правил и процедур. В свою очередь индивид знает, как себя вести и какого поведения он может ожидать от других субъектов. Основные ценности, ассоциирующиеся с этим аспектом верховенства права, – порядок, предсказуемость, законность, правовая безопасность.

Формальный аспект верховенства права выдвигает *следующие требования*: (1) в обществе должна вообще существовать право как система норм; (2) эти нормы права должны быть понятными (четкими, ясными и непротиворечивыми), а правовой порядок – транспарентным; (3) эти нормы права должны быть доступными (обнародованными) и, как правило, не иметь обратного действия; (4) право должно быть разумно стабильным, а правотворчество последовательным; (5) должна существовать устойчивая практика реализации норм права, которая поддерживается гарантией их единообразного применения. Данные правила в наиболее ярком виде воплощены в так называемой процессуальной версии естественного права Л. Фуллера.

Выполнение этих требований *обеспечивается рядом юридических инструментов и институтов*, среди которых особое значение имеют: (1) правила юридической техники; (2) «техническое обслуживание» системы права и законодательства; (3) обязанность обнародования законов и общий запрет их обратного действия; (4) принцип правовой определенности; (5) принцип «экономии закона»; (6) принцип добросовестности; (7) эффективная судебная система, которая отвечает, в частности, за согласованность между юридическими действиями и провозглашенными нормами.

Материальный аспект верховенства права состоит в том, что должны существовать достаточно четкие содержательные стандарты, которые определяют сущность позитивного права. Иными словами, верховенство права – это господство права определенного содержания. В этом случае право ограничивает государство не фактом существования правил и процедур; оно ограничивает государство по содержанию его юридических актов. Для демонстрации данной идеи уместна метафора «верховенство права над законом» (А. Петришин). Основные ценности, ассоциирующиеся с этим аспектом вер-

ховенства права, – достоинство человека, умеренность (ограниченность) государственной власти.

Материальный аспект верховенства права *выдвигает следующие требования*: (1) нормы права должны соответствовать стандартам основоположных прав и свобод человека. Акцент на правах человека при характеристике принципа верховенства права не случаен: права человека составляют неотъемлемый компонент права, его *raison d'être*; их существование вне права и без права невозможно, также как и право немыслимо без прав человека (Н. Козюбра). Можно согласиться с тем, что система норм не может претендовать на статус права, если она не гарантирует свободу и равенство при помощи прав человека (К. Хессе). При иных обстоятельствах говорить о верховенстве права глупо – ввиду отсутствия самого права; (2) нормы права должны соответствовать общим началам права, другим принципам естественного права.

Выполнение указанных требований, в частности, *обеспечивается*: (1) представлением об ограниченности влияния государства на содержание права; (2) наличием четко изложенного перечня прав человека (прежде всего в конституциях); (3) наличием судебной системы, при помощи которой устраняются отклонения от указанных стандартов; (4) международными соглашениями по правам человека; (5) надлежащей процессуальной правовой процедурой; (6) принципом пропорциональности; (7) принципом добросовестности, имеющим целью пресечь злоупотребление абстрактными содержательными стандартами права; (8) сильной конституционной традицией и соответствующей общекультурной ситуацией.

ГЛОБАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ И ИНТЕГРАТИВНАЯ РОЛЬ ПРАВА

Е. А. Землянинова

Институт государства и права НАН Беларуси (г. Минск, Беларусь)

Интегративные свойства права проявляются в его способности обеспечивать гармоничную целостность и воспроизводство социальных отношений посредством установления оптимальных связей между индивидами, их общностями и социальными институтами. Для уяснения его особенной роли в обеспечении социальной интеграции представляется необходимым не только исследование данного нормативного регулятора в рамках национальных правовых систем, но и учет глобального контекста функционирования права, который все в большей степени влияет на его форму и содержание. Палитра теоретических представлений о сущности *глобализации* простирается от характеристики последней как понятия, преднамеренно «вброшенного» в массовое сознание для сокрытия дискриминационной политики наиболее про-

мышленно развитых государств по отношению к остальному миру [1, с. 20], до описания ее как явления, предполагающего «возникновение и утверждение целостности, взаимосвязанности, взаимозависимости, интегральности мира и восприятие его как таковой (как интегральности – прим. Е.З.) общественным сознанием» [2, с.137].

Отрицать ведущую роль государств Западной Европы и США в становлении феномена глобализации, действительно, невозможно. Однако, вопреки распространенному мнению, сводить глобализацию исключительно к вестернизации неверно. Интенсификация социальных связей в сочетании с массовой миграцией населения за пределы национальных государств привели к тому, что «встреча» локальных цивилизаций с иным типом мировосприятия и культуры стала происходить не на их территориальной «границе», а в пределах самих этих цивилизаций и подвергать опасности их относительную гомогенность. Спровоцированное глобализацией «столкновение идентичностей» и отсутствие интерцивилизационно «конвертируемых» ценностей привели к беспрецедентным всплескам различных типов фундаментализма. Он во многом является символом утраты прежних смыслов бытия и попыткой обратиться к уже опробованным и привычным, а в отдельных случаях и насильственным способам действия.

Понимание глобализации как «глобализации модерна» также неточно. Опора на научное знание и новейшие технологии, первоначально позволившие западной цивилизации быть направляющей силой глобализационных процессов, в последующем стали создавать угрозу стабильности самих западноевропейских демократий. Согласно В. Иноземцеву, в наиболее промышленно развитых государствах складываются две новые социальные страты – *интеллектуальная элита*, исповедующая постматериальные ценности и занятая в высокотехнологических отраслях производства и *«низовый класс»* из представителей рабочих и неквалифицированных профессий. [3, с. 19–20]. К сходным выводам приходят и некоторые западные социальные теоретики. По свидетельству немецкого социолога и экономиста Р. Мюнха, «принцип вознаграждения по индивидуальным результатам (*Leistungsprinzip*) остается уделом модернизационных элит, в то время как слои населения, проигрывающие от модернизации, придерживаются старых представлений об участии в коллективном благосостоянии» [4, с.48]. То, что складывающееся в рамках капитализма социальное противоречие еще не приводит к острым социальным конфликтам, как представляется, можно объяснить сохраняющимся высоким уровнем потребления большинства граждан западных демократий.

Транснациональные корпорации и банки как ведущие «агенты» глобализации, в свою очередь, угрожают не только среднему и мелкому капиталу как продукту прежней эпохи капитализма, но и ведут к вырождению конкуренции на мировом рынке и формированию глобальных монополий [5, с.274–279].

Изложенное в достаточной мере свидетельствует об объективности феномена глобализации, а также противоречивости, незавершенности, непредска-

зумеости глобальных изменений. Несмотря на то, что этому явлению довольно сложно дать единое определение, ему присущ ряд признаков, которые не подвергаются сомнению различными научными направлениями. К их числу можно отнести: возрастание роли информационных и телекоммуникационных технологий; увеличение скорости социальных процессов; усиление социальной мобильности и взаимосвязи в мировом масштабе; появление новых экономико-политических субъектов, (важнейшими из которых являются ТНК и «лоббирующие» их интересы ВТО, МВФ и ВБ); региональная концентрация «богатства» и «бедности»; глобальный и критический характер разнообразных последствий антропогенного воздействия на окружающую среду.

Уже сложившимися уровнями правовой регламентации общественных отношений являются национальные правовые системы и международное право. В государствах, где право является доминирующим средством социальной регуляции, социальная интеграция на национальном уровне обеспечивается двумя способами. Первый связан с правотворческой деятельностью компетентных государственных органов и должностных лиц. Созданные ими правовые нормы интегрируют общественные отношения в непротиворечивую систему лишь в том случае, если юридические предписания основаны на учете факторов правообразования и «правообразующем интересе» (в терминах В.В. Лапаевой) как итоге согласования различных групп общественных интересов и поиска в них общезначимого момента на основе принципов социальной справедливости, равенства и свободы. Способность индивидов и групп самообязываться на основе правовых норм в данном случае основана на верности конструкции такого интереса, которая проявляется в ее легитимации общественным правосознанием и правовым чувством. Второй способ обеспечения социальной интеграции осуществляется в процессе самоорганизации и социальной активности субъектов правоотношений, которые в рамках общедозволительного способа правового регулирования, исходя из особенностей конкретной правовой ситуации, обладают правомочием создавать собственные правовые нормы, не противоречащих правопорядку данного государства. Интегративность данной группы правовых норм объясняется совпадением в одном лице адресата правовой нормы и субъекта правового творчества.

Международное право регулирует отношения между государствами, посредством добровольного согласования их суверенных волей, исходящих из осознания данными публично-правовыми субъектами своих национальных интересов, и является интегрирующей нормативной системой лишь в тех областях, где достигнуто межгосударственное согласие.

В ходе становления глобальной рыночной системы и развития коммерческого оборота выявилась недостаточность внутригосударственного и международно-правового регулирования предпринимательской деятельности. Национальные правовые системы обычно содержат незначительное количество регулятивных предписаний, регламентирующих осуществление интернациональных коммерческих связей, а коллизионные нормы зачастую указывают

лишь на право, применимое к отношениям сторон. Международное публичное право, несмотря на наличие ряда межгосударственных соглашений относящихся к вопросам международного торгового оборота, также не может эффективно реагировать на его потребности. Это связано с регулированием в международных конвенциях только тех вопросов, по которым достигнуто соглашение государств, длительностью времени достижения соглашения между ними и процессов ратификации международных договоров, а также быстрым изменением практики международных коммерческих отношений. В результате стало формироваться так называемое «транснациональное право» (согласно В.М. Шумилову) или «субправо» (по С.В. Бахину), становление которого стало возможным благодаря применению диспозитивного метода правового регулирования правовых отношений не только в отношениях национальных правовых субъектов, но в отношениях с присутствием иностранного элемента. Субправо представляет собой совокупность типовых контрактов, правил и иных норм, выработанных самими субъектами международного торгового оборота, коммерческую судебную и арбитражную практику по делам с иностранным элементом, а также созданные на основе их анализа и переработки документы международных организаций. К числу последних прежде всего следует отнести Международные правила толкования торговых терминов (ИНКОТЕРМС) и Принципы европейского контрактного права ЕС. Транснациональное право является своеобразным промежуточным звеном между национальным и международным правом, содержит их черты, но не сводится ни к одному из них. Интегративность его конструкций так же, как и при реализации интегративных свойств права в рамках общедозволительного метода регулирования общественных отношений национальным правом, обусловлена совпадением субъекта принятия правового решения и его адресата. Предметом правового воздействия здесь выступают отношения в сфере предпринимательской деятельности между частноправовыми субъектами различной национальной принадлежности, а также между ними и государствами (международными организациями).

Глобализационные процессы также оказали существенное влияние и на функционирование системы международного права. Несмотря на то, что оно сохраняет свои позиции в регулировании отношений государств в широком круге областей (опосредование консульских и дипломатических отношений, международных перевозок и сообщений, создание нормативных рамок биоэтики и освоения космоса и т.д.), его интегративная роль как средства обеспечения мира и безопасности существенно ослаблена. Даже в условиях соперничества капиталистической и социалистической идеологии в «холодной войне», являясь правом баланса сил, оно в большей степени, нежели в настоящий момент, было инструментом обеспечения междивилизационного диалога. Кроме того, международное публичное право традиционно являлось сферой «горизонтальных» отношений и принятия согласованных коллективных решений на основе изъявления воли суверенных национальных государств. В этом своем качестве оно приспособлено к реалиям именно «между-

народного», а не глобального мира. С одной стороны, деятельность ТНК и ряда международных организаций, реализующих интересы мирового капитала, приводит к перераспределению и дроблению между указанными субъектами части экономических и социальных функций наименее развитых в технико-экономическом отношении государств. Хотя юридически суверенитет этих государств не подвергается сомнению, однако он стал сочетаться с ограничением возможности выступать «де-факто» равными и самостоятельными субъектами международной политики и правотворчества. С другой стороны, существует и противоположная ситуация передачи на основе осознания общности интересов и достигнутого согласия части суверенных полномочий национальных государств более соответствующим глобальным реалиям наднациональным политико-правовым структурам, ярко олицетворяемая Европейским Союзом. Несмотря на относительное единство ценностей, признаваемых в Сообществах, правовое творчество союзных институтов осложняется внутренними социальными, экономическими, политическими и демографическими различиями стран-участниц ЕС и отсутствием опробованных временем правовых конструкций наднационального политического волеизъявления. В качестве примера можно упомянуть о кризисе представительства в Европейской Комиссии. Еще в Ниццком договоре 2000 г. его авторами была предпринята попытка реформирования состава данного института на основе принципа «один комиссар от каждого союзного государства». Однако, несмотря на подразумеваемую справедливость, применение этого принципа создало по итогам последнего расширения ЕС ситуацию, когда государства, где проживает большинство населения Союза, были представлены лишь четвертью членов Комиссии, и поставило под сомнение легитимность ее деятельности. Связанные с увеличением числа участников ЕС сложности, ослабляющие данный наднациональный институт, одновременно привели к укреплению значения Совета ЕС, опосредующего сотрудничество на межгосударственном уровне. Поэтому следует признать обоснованным замечание британского социолога и журналиста У. Хаттона о том, что «демократическая легитимация все еще формируется на уровне национальных государств» [6, с.391].

Тем не менее, именно становление Европейского Союза наиболее зримо обозначило наметившуюся тенденцию к локализации международного права. Она проявляется в преобразовании прежнего качества наднациональности в ее международно-правовом значении и появлении отличных от международного правопорядка (в его «классическом» понимании как средства регулирования отношений между отдельными государствами) систем права региональных интеграционных образований.

Возможность превращения международного права в право «мирового сообщества» в собственном смысле слова и восстановления его роли в качестве нормативного инструмента обеспечения мира и безопасности нередко связывается восстановлением международного баланса сил. Однако подобная модель оставляет принципиально открытым существовавший и ранее вопрос о

роли в международном правотворчестве государств, которые по уровню своего развития не способны быть субъектами силового противостояния. Кроме того, потенциальное лидерство нескольких международно-правовых субъектов само по себе не снимает проблемы культурных противоречий между ними. Важнейшее условие обретения международным правом упомянутого качества состоит в том, что «каждая цивилизация должна реабилитировать опыт других культур не только как равноправный, но и расширяющий горизонт собственного бытия» [7, с.328]. Достижение самого широкого ценностно-нормативного компромисса возможно лишь на основе следования логике добровольного самоограничения, когда присутствует решимость поступиться различиями для охраны интерцивилизационно значимых благ и интересов. Содержание задачи, состоящей в преодолении отчуждения культур, верно изложено Н.Н. Полоротовой. Она заключается в формировании ценностей, «акцентирующих внимание на «внутреннем росте», а не на внешних признаках успеха», что позволяет человеку «не отчуждаясь от себя, выйти за пределы самобытия, трансцендироваться, по-новому взглянуть на самого себя, на характер своих связей со всем, что его окружает» [8, с.21].

Таким образом, можно утверждать, что появление глобального измерения социальных процессов повлекло не только изменения в существующих правовых формах опосредования социальной интеграции, но и становление новых. Субправо и региональное право интеграционных объединений формируются как бы в «просвете» между национальным правом и международным публичным правом. Эта особенность связана с необходимостью регулирования возникших в ходе глобализации групп социальных отношений, которые по своему содержанию зачастую шире предметного поля указанных систем.

Литература

1. Левашов В.К. Глобализация и социальная безопасность // Социальные исследования. – 2002. – № 3. – С. 19–28.
2. Мнацаканян М.О. Глобализация и национальное государство: три мифа // Социальные исследования. – 2004. – № 5. – С.137–142.
3. Иноземцев В.Л. Социальное неравенство как проблема становления постэкономического общества // Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 17–30.
4. Мюнх Р. Социальная интеграция в открытых пространствах // Философские науки. – 2004. – № 2. – С. 30–58.
5. Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теории глобализации: Курс лекций. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 768 с.
6. Хаттон У. Мир, в котором мы живем / Пер с англ. В.Л. Иноземцева. – М.: Ладомир, 2004. – 556 с.
7. Василенко И.А. Политическая глобалистика: Учеб. пособие для вузов. – М.: Логос, 2000. – 360 с.

8. Полоротова Н.Н. Глобализирующийся человек: проблема выхода из субъективности: Авт. канд. филос. наук, спец. 09.00.13. – Чита, 2005. – 24 с.

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ И ПРАВО

Е. Э. Никитченко

Одесская национальная юридическая академия (Украина)

Впервые на постсоветском пространстве проблема секуляризации более-менее обстоятельно была представлена в одном из лучших учебников по религиоведению, подготовленном группой ростовских ученых [1;635-646, 664, 665]. Ссылаясь на труды 70-80-х г.г. прошлого века (Х. Кокса, П. Бергера, Б. Уилсона), они пришли к выводу, что капиталистическая рационализация не только постоянно воспроизводит секулярные потенции, но и содержит тенденцию самовозрастания на разных уровнях общественного развития, а потому всякая попытка традиционалистской реставрации создает угрозу размыва рациональных принципов индустриального общества. Убедительным является также мнение вышеупомянутых авторов, «что, во всяком случае, глобальная тенденция современности ведет к эмансипации государства от религиозных институтов... государство как аппарат принуждения не выступает от имени религиозных институций, которые доминировали раньше» [2;641-642].

Последний, на сегодняшний день итоговый труд по теории секуляризации на постсоветском научном пространстве принадлежит Санкт-петербургским религиоведами. Они выделяют секулярные процессы на трех уровнях: на макроуровне – процесс, которой начался со второй половины XVII века в странах Европы, в результате которого политическая сфера освободилась от влияния религиозных институтов и символов, их место заняли версии отделения государства от церкви и церкви от школы, принципы демократии и общечеловеческие ценности; на среднем уровне – автономизация культурной интеллектуальной и экономической сфер жизни: на индивидуальном – превращение религии в развитых странах в частное дело граждан [3;340-341].

Очевидно, что переход христианства от гонений на иноверцев и иных свободомыслящих на позиции свободы вероисповедания, а позже совести, следует искать не столько в священных текстах этой религии, сколько в изменившихся условиях существования самих христиан. Наиболее резко предпосылки этого перехода обозначились в период религиозных войн в Европе, когда каждая новообразовавшаяся религиозная организация требовала свободы для себя, но ещё и в мыслях не имела, что в ней нуждаются и другие, как традиционные религии, так и религиозные новообразования.

На вопрос: «Против чего протестовали протестанты?», чаще всего услышишь ответ: «Против католицизма». Но это так и не так. Ибо в той или иной степени против католицизма всегда протестовали как все иные христианские вероисповедания (вспомним раскол 1054 года, вальденсов, альбигойцев и т.д.), да и межрелигиозные войны ушедших тысячелетий (крестовые походы

против мусульман, иудеев, например) свидетельствуют о том же. Но ведь будучи протестными по отношению к католицизму или православию, ибо ереси и расколы сопровождали и эту конфессию, такие христианские организации вовсе не превращались в протестантские. Стоит, всё-таки, лишний раз напомнить, что происхождение понятия «протестантизм», при всей нынешней его многозначности, связано, в первую очередь, с событием, которое последовало после отмены 2-м рейхстагом немецких князей в Шпейере (1529 г.) решения: «чья земля, того вера», носившего уже не столько собственно религиозный, сколько политический смысл. Поэтому протест (лат. *protestatio*) небольшого числа участников рейхстага против отмены их политический свободы, отразил и сущность перемен в христианской жизни Европы. Суть этих перемен можно напрямую связать с темой нашего разговора, ибо в ней исток начала процесса доминирования прав и свобод человека (политических, закреплённых юридически) в европейской истории.

Вывод, конечно, не столь однозначен, но достаточно очевиден: сами христиане инициировали секуляризацию права. Правда не все христиане, и не от хорошей жизни. Брайен Тьерни, характеризуя ту ситуацию, что сложилась в XVII веке, приводит слова О. Кромвеля, сказанные им в минуту раздражения: «Каждый хочет свободы, но никто не хочет её давать». А потом цитирует оценку этой ситуации Дж. Н. Фиджисем, писавшем о соперничавших в тот период религиозных организациях: «ни одна из них не могла уничтожить остальные, что, в конечном счёте, и обеспечило свободу» [4; 39].

Е. Ключовский фиксирует мнение о том, что Вестфальский мирный договор (1648г.), положивший конец Тридцатилетней войне, означал и окончательное разделение религии и политики, и образование политической Европы суверенных государств. Этот богослов, рассуждая о христианских корнях Европы, совершенно справедливо напоминает нам о заслугах латинского христианства в деле становления секулярной её истории, в первую очередь, сосредотачивая внимание на тех трансформациях, которые претерпевала католическая церковь в посткаролинговскую эпоху: создание университетов, распространение образования, содействие организациям местного самоуправления, состоявших из граждан, а не поданных [5; 17-41].

Как убедительно аргументирует Дональд Р. Келли: "Христианская церковь была «амфибным» телом – как *societas*, так и *corpus mysticum*, - и этот дуализм лежит в основе не только церковной реформы, но и социальной мотивации и концептуальных конструкций, оказавших безусловное влияние на европейское общество... Начиная с одиннадцатого столетия *jus canonicum*, приобретает статус международного общего права, чья юрисдикция распространялась как на моральные, так и политические дела, на «внутренний форум» сознания, и также на «внешний форум» законности» [6; 157].

Одним словом, теперь уже «равенство людей перед богом», пробуждало требование «равенства перед законом», что и стало одной из идеологических основ правового секуляризма. Огромную роль в его становлении сыграла

европейская философия, большинство представителей которой были христианами.

Ещё в середине XIX века Джон Стюарт Милль, подобно Канту и Гегелю, считал секуляризм, осуществляемый в Англии, реализацией важнейших христианских принципов [7; 25]. Общеизвестно, что секуляризм, наряду с модернизацией, демократизацией и глобализацией является важнейшим фактором образования Европейского Союза. Но отцы основатели ЕС (З. Шуман, А. де Гаспери и К. Аденауэр) были христианскими демократами. Поэтому совершенно справедливо утверждение, что на современные процессы европейской интеграции влияло и учение о «субсидиарности» Римо - католической церкви [8; 679-694].

Но всё вышесказанное относится непосредственно к истории христианской Западной Европы, христиане которой, впервые, не поступившись принципами своей веры, обосновали необходимость секуляризма для более успешной реализации своих собственно религиозных устремлений.

Иудео-христианская цивилизация включает в себя и внутреннее размежевание. За межей находятся, в основном, православные (по истории и доминирующему числу верующих в настоящее время), государства. Это, конечно, черта разделяющая Европу не только по религиозному признаку – последнее, как раз бы, и противоречило господствующему правовому секуляризму на Западе (тому подтверждением служит принятие в ЕС Греции, и реальное ожидание вхождения в ЕС Болгарии и Румынии, и формальному секуляризму, провозглашаемому в Белоруссии, России и Украине), ибо: «Давно известно: средний ВВП на душу населения в христианских странах, исповедующих протестантство, составляет около 25 тысяч долларов, на несколько тысяч долларов он меньше у католиков, а у православных он на порядок меньше» [9; 14].

Суть ещё одной проблемы стоящей перед современным христианством очевидна – найти ради общего блага на пути к единению человечества способ удержания его от антагонистических конфликтов. Вряд ли это удастся, если христианство предпочтёт принципу секуляризма, предусматривающему равенство религий перед законом, идею своего верховенства над другими религиозными образованиями.

Тенденции панисламизма, имеющей поборников в современном исламе, вряд ли сможет противостоять, претендующая на исключительность своих прав христианская община, хотя среди фундаменталистов различных христианских конфессий, есть желание потягаться в превосходстве именно на этой почве.

Однако при всём уважении к секуляризации, прежде всего секуляризации права, как к достижению иудео-христианской цивилизации, следует также помнить и о том, что не создало общество ещё ни одного идеального социального института. Очевидно поэтому, до сих пор и остаётся актуальным упование людей на своих богов. Собственно говоря, именно поэтому, можно говорить о пределах секуляризации. И, наверняка, её границей служит рели-

гия. Если сам процесс освобождения культуры от религиозного фанатизма превращается, по мнению некоторых исследователей в «агрессивную религию секуляризма», то это может свидетельствовать о том, что секуляризация в современном обществе уже достигла своих пределов. Впрочем, как и некоторые другие категории ментальности, актуализировавшиеся во второй половине XX века (например, «толерантность», «политкорректность»).

Литература

1. Самыгин С.И., Нечипуренко В.И., Полонская И.Н.. Религиоведение: Социология и психология религии. – Ростов – на –Дону: «Фенікс», 1996.
2. Там же.
3. Религиоведение: Учебное пособие. – СПб: Питер, 2006.
4. Тьерни Б. Религиозные права: историческая перспектива/ Права человека и религия. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2001.
5. Kloczowski J. The Christian roots of European unity. Christianity and United Europe. – Lublin: Wydawnictwo KUL, 2006.
6. Келлі, Дональд Р. “Людський вимір буття: Суспільна думка в західній правовій традиції. – Одеса: АО Бахва, 2002.
7. Devigne R. Reforming Reformed Religion: J.S. Mill’s critique of the Enlightenment’s Natural religion // American Political Science Review, vol.100, № 1, February 2006.
8. Katzenstein P.J., Byrnes I.A./ Transnational Religion in an Expanding Europe // Perspectives on Politics, vol. 4, № 4, December, 2006.
9. Рожен А. Ментальный крест – злоумышленник поневоле // Зеркало недели, № 10, 17.03. 2007.

О ПРОТИВОРЕЧИЯХ МЕЖДУ НОРМАТИВНЫМ АКТОМ И ЕГО СУДЕБНЫМ ТОЛКОВАНИЕМ

Т. С. Ельцова

Нижегородский государственный университет

Конституция РФ закрепляет право Верховного суда РФ и Высшего арбитражного суда РФ давать разъяснения по вопросам судебной практики (ст.ст.126, 127). Данные разъяснения даются в форме Постановлений Пленума Верховного и/или Высшего арбитражного суда РФ, а также в форме ежеквартальных обзоров законодательства и судебной практики (готовятся Верховным судом РФ) и Информационных писем Высшего арбитражного суда РФ, содержащих обзоры судебной практики по различным вопросам. По своей правовой природе указанные судебные акты являются актами легального

толкования права и, соответственно, должны быть направлены на разъяснение правовых норм, но ни в коем случае не на создание новых норм права или изменение действующих. К сожалению, на практике нередки случаи, когда рассматриваемые нами акты толкования права противоречат тем нормативным актам, на разъяснение которых они направлены.

В качестве примера подобного акта толкования можно привести Постановление Пленума Верховного суда РФ от 24 октября 2006 года №18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)», ряд положений которого прямо противоречит гл.12 КоАП РФ. Например, кодексом и соответствующими подзаконными актами установлено, что доказательством состояния опьянения водителя является акт медицинского освидетельствования (ст.27.12 КоАП РФ, п.6,7 Правил медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством и оформления его результатов, утв. Постановлением Правительства РФ от 26.12.02 г. №930). При этом освидетельствование имеет право проводить только врач (в сельской местности при определенных условиях – фельдшер). П.7 рассматриваемого Постановления Пленума содержит указание на то, что «не исключается подтверждение факта нахождения водителя в состоянии опьянения и иными доказательствами (например, показаниями свидетелей, показаниями специального технического средства – индикаторной трубки «Контроль трезвости»)».

Еще одним примером подобного противоречия можно назвать «Обзор законодательства и судебной практики за 2 квартал 2007 года», утвержденный Постановлением Президиума Верховного суда РФ от 1 августа 2007 года. В данном обзоре содержится положение о возможности признания права собственности на объект самовольного строительства – жилое строение, созданный на арендованном земельном участке, предназначенном для строительства жилья. Это противоречит ч.3 ст. 222 Гражданского кодекса РФ, в соответствии с которой право собственности на самовольную постройку может быть признано лишь за лицом, которому земельный участок под возведенной постройкой принадлежит на одном из трех прав: собственности, пожизненного наследуемого владения или постоянного (бессрочного) пользования.

В результате получается, что органы судебной власти выходят за пределы правоприменительных функций и начинают выполнять отдельные правотворческие функции, что не свойственно российской правовой традиции и не предусмотрено действующим российским законодательством. Несмотря на то, что в настоящее время в государствах романо-германской правовой системы намечается тенденция, связанная с усилением роли судебной практики (в частности судебного толкования нормативных правовых актов) в качестве источника права, цель судебного толкования заключается именно в разъяснении положений нормативных актов, преодолении пробелов в праве, разрешении возникающих коллизий, а не в изменении действующих нормативных актов. В своей деятельности, в том числе связанной с подготовкой актов ле-

гального толкования суды руководствуются общеправовыми принципами, принципами соответствующей отрасли права («духом закона»), но при этом толкование закона не должно противоречить его букве. Особенно это касается ситуаций, когда воля законодателя четко выражена в нормативном акте (например, в рассмотренных нами выше случаях).

Суды наделены полномочиями по непосредственному (абстрактному) нормоконтролю (признанию недействующими нормативных правовых актов, противоречащим актам более высокой юридической силы по заявлениям физических и юридических лиц) и опосредованному нормоконтролю (суд, установив при разрешении дела что нормативный правовой акт не соответствует нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, применяет нормы акта, имеющего наибольшую юридическую силу – ч.2 ст.11 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 13 Арбитражного процессуального кодекса РФ).

Получается, что суды имеют право не применять и даже признавать не действующими нормативные правовые акты, принимаемые органами законодательной или исполнительной власти, а также органами местного самоуправления, а орган (или лицо), полномочное контролировать наличие или отсутствие противоречий между толкуемой нормой и актом толкования, отсутствует.

Полагаем, что в случаях, если правовое регулирование отдельных общественных отношений представляется органам судебной власти недостаточно эффективным, необходимо использовать предусмотренное Конституцией РФ право законодательной инициативы, а не создавать акты толкования, противоречащие толкуемым нормативным актам. Именно использование механизмов участия в совершенствовании законодательства, предусмотренных Конституцией РФ и соответствующими федеральными законами, грамотное рассмотрение дел о признании нормативных актов недействующими, принятие актов легального толкования, направленных на разъяснение правовых норм и преодоление пробелов в праве, а не произвольное толкование нормативных актов, вступающее в противоречие с их буквальным смыслом будет способствовать повышению авторитета судебной власти в обществе, стабилизации общественных отношений и укреплению законности.

ПРЕДМЕТ И ОБЪЕКТ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

А. В. Махнева

Уральский государственный университет
им. А.М. Горького (г. Екатеринбург)

Изучение сущности правовых явлений невозможно проводить только в рамках юридической догматики, недостаточно изучения и толкования норм

закона. Для правильного их понимания и оценки требуется знание существа тех общественных отношений, которые регулируются этими нормами (например, правотворчество в сфере налоговых отношений либо анализ эффективности мер налогового контроля возможны лишь при условии компетентности юриста в вопросах налогообложения). В этом смысле правоведение возможно только как междисциплинарная область знания, существующая в тесной взаимосвязи с другими науками, предметом которых являются соответствующие общественные отношения.

Рассмотрим эту проблему на примере права интеллектуальной собственности. Для изучения института авторского права необходимо привлечение в цивилистику опыта эстетической теории, искусствознания, литературоведения, научных метатеорий; необходимо сопоставление юридических понятий с дефинициями искусства, литературы и науки, данными различными областями знания, изучающими существующие творческие практики и способы функционирования в обществе их результатов.

Между тем анализ исследований российских ученых-цивилистов показывает, что авторско-правовая доктрина не использует в должной мере опыт гуманитарных наук. В большинстве случаев, российские и советские исследования по авторскому праву, рассматривая вопрос о сущности объекта авторского права, начинают изучение вопроса с признания положений цивилистической доктрины и норм закона. И, как правило, исследователи не ставят под сомнение вопрос о справедливости этих текстов по отношению к существующим художественным, научным, литературным практикам.

Апелляция современных юристов к историческим авторитетам авторско-правовой доктрины не должна быть безоговорочной, это не всегда продуктивно для развития науки. Мир искусства, литературы и науки – это динамично развивающаяся сфера, в которой за последние полтора столетия произошло несколько коренных изменений, коснувшихся самой сущности творческой деятельности и ее результатов. Эти метаморфозы повлияли и на эстетическую теорию, искусствознание, литературоведение, научные метатеории: изменилась методология осмысления сущности предметов их изучения. Доктрина же авторского права (ее положения о понятии и признаках объекта авторского права) продолжает существовать почти в неизменном виде со времени ее становления (в XVIII веке – на Западе, в XIX веке – в России). И это значит, что она основана на представлениях о творческой деятельности классической эстетики, эстетики романтизма, которые по определению не могут учитывать специфику современных интеллектуальных, творческих практик.

Результат этого – современные культурные явления и процессы противоречат законодательным представлениям об авторстве и объекте авторского права. Возникают и приобретают все большее культурное значение художественные, литературные, научные практики, которые не укладываются в доктринальные формулировки объекта авторского права и его признаков.

Например, в то время как в теории объекта авторского права господствует классический принцип оригинальности результата творческой деятельности,

основным видом и способом построения текста в искусстве, литературе модернизма и постмодернизма является интертекст. Текст строится из цитат и реминисценций к другим текстам. Причем явного, прямого указания на источник заимствования чаще всего и не делается, этого требуют правила игры, это обусловлено художественными приемами и самим замыслом, который специально на это нацелен, но искушенный, сведущий реципиент обнаруживает присутствие других текстов, что собственно и запрограммировано автором. Смысл таких произведений отчасти как раз и состоит именно в возможности прочтения внутри их текста другого текста. В поэтике интертекста цитата перестает играть роль простой дополнительной информации, отсылки к другому тексту, цитата становится залогом самовозрастания смысла текста. По словам Р. Барта, «текст образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек». Причем заимствуются не только содержательные элементы, но и элементы формы (в поэзии XX века, например, широкое распространение получила метрико-семантическая цитата). Современные практики изобразительного искусства, также основанные на использовании ранее созданных образов, в равной мере опровергают правовую теорию авторства. Нарушение юридических требований оригинальности, таким образом, – способ существования литературы и искусства сегодня.

Этот случай несоответствия доктринальных положений существу общественных отношений далеко не единственный. (Вызывает целый ряд замечаний, например, и теория «юридически значимой» формы произведения и «юридически безразличного» содержания произведения). Но уже этих примеров достаточно для обоснования того, что указанная проблема обусловлена, прежде всего, недостатками методологии юриспруденции. Причем это недостатки в самом существенном методологическом вопросе – о предмете и объекте науки и способах их изучения.

Предмет юридической науки (в данном случае - регулирование отношений в сфере художественного и научного творчества) предполагает не только изучение текста законов и юридической практики, но и непосредственно регулируемой сферы деятельности человека. На практике же наука гражданского права, исследуя сущность правового феномена «объект авторского права», избирает объектом изучения только тексты нормативных актов и юридическую доктрину, исключая из числа объектов саму научную, художественную, литературную реальность. Такой описательно-комментаторский характер современной юриспруденции не позволяет ей на должном уровне соответствовать изменяющейся социальной действительности, что ставит под сомнение вопрос о научном статусе этих исследований.

Необходимо пересмотреть сложившиеся взаимоотношения между юриспруденцией и другими социальными науками. Для решения актуальных проблем социальной реальности необходим синтез разных научных дисциплин, ориентированный не на отдельные предметы наук, а на само бытие людей (в рассматриваемом случае: ориентированный не на толкование закона, а на разработку действенных механизмов регулирования отношений в сфере

творчества). Методологические исследования для юриспруденции сегодня более значимы, нежели любые частные правовые исследования, так как достоверность и обоснованность последних, корректность и применимость их результатов напрямую зависит от степени разработанности методологии юридической науки.

Установка на такое развитие юриспруденции соответствует современным научным тенденциям. Сегодня в методологии и теории познания все большее место занимают вопросы, связанные с выяснением динамики познавательных проблем, с формированием новых познавательных установок. Юриспруденция же продолжает существовать в рамках давно устаревших методологических подходов и концепций права. На протяжении всей истории юриспруденции методологические исследования культивировались крайне слабо, в результате притуплялась потребность к преобразованию сложившихся стандартов мышления. Результат этого – догматизм юриспруденции, препятствующий появлению и развитию инновационных научных разработок.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ИССЛЕДОВАНИЯМ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Д. А. Гудыма

Львовский национальный университет им. Ивана Франко (Украина)

В последнее время в отечественной юридической науке все чаще возникают проблемы, которая являются в определенном смысле „антропными”. Потребность в их решении требует применения новых методологических подходов, к которым можем отнести *антропологические исследовательские подходы* – основанные на выводах разных видов антропологии мировоззренческие идеи о природе и сущности человека и/или человеческих общностей, которые [идеи] определяют особенности отбора исследователем фактов, путей их систематизации, интерпретации и оценки.

В зависимости от вида антропологии, достижения которой используются при проведении исследования, можно выделить такие виды антропологических исследовательских подходов: *социально-антропологический* (мировоззренческая идея о природе и сущности человека как отображения свойств соответствующей человеческой общности), *философско-антропологический* (мировоззренческая идея относительно природы и сущности человека как автономного, единичного индивида, наделенного особыми свойствами, общими для всех представителей человеческого рода) и *религиозно-антропологический* (мировоззренческая идея относительно природы и сущности человека, основанная на священных книгах и/или религиозных доктринах (идеологических проявлениях религии) или на исследованиях социальных групп и социумов, в которых определенная религия обеспечивает

упорядочение общественных отношений (социальных проявлениях религии)).

Попробуем продемонстрировать некоторые эвристические возможности социально-антропологического методологического подхода в исследованиях прав человека.

Обращаясь к проблематике прав человека, Ф.Фукуяма отмечает, что мировая политика в значительной мере замыкается на вопросе о человеческом достоинстве и о желании признания. Человек постоянно требует от других признания своего достоинства или как личности, или как члена религиозной, этнической, расовой или другой группы, и борьба за такое признание имеет неэкономическую основу. „В минувшие времена правители требовали от других признания своей высшей ценности как царя, императора или господина. Сегодня люди стремятся утвердить свой равный статус как члены раньше недостаточно уважаемых или униженных групп – женщин, геев, украинцев, инвалидов, американских индейцев и т.д.” [1, с.212]. И „равное признание” – это минимальное уважение к качеству человека, которое остается после „стирания” случайных и несущественных черт личности (цвета кожи, внешнего вида, социального класса, возраста, пола, культурного багажа, естественных талантов и т.п.), – это уважение к антропному достоинству или, по терминологии Ф.Фукуямы, к „фактору икс”, что составляет сущность человека.

В наше время людьми считаются все люди. Тем не менее, понятия человеческого одновременно предусматривает наличие понятия нечеловеческого. Как утверждает Ж.Бодрийар, „прогресс Человечества и Культуры составляет собою не что другое, как цепь последовательных дискриминаций, которые рассматривают „других” как не-людей” [2, с.207] (такая „логика расизма” проявила себя уже тогда, когда человеческий индивид пожертвовал божественным статусом животных, которым они обладали в минувшем, отмежевывая этих существ от себя „низшим миром” – так называемым царством животных [3, с.191-193]). Ж.Маритен писал, что человек „владеет *неотчуждаемыми* правами, но лишен возможности по справедливости требовать *реализации* некоторых из этих прав вследствие определенного элемента бесчеловечности, который присутствует в социальной структуре в любой период. ...в определенные периоды развития истории полезно отказаться от реализации конкретных прав, которыми мы тем не менее продолжаем владеть” [4, с.98, 99]. Такой же позиции придерживается и Р.А.Познер, отмечая, что „содержание прав изменяется вместе с социальной средой, однако чувство владения правами остается неизменным” [5, с.324]. Поэтому объективным является вывод С.Добрянского относительно того, что права человека возникают и развиваются на основе природно-биологической и социальной сущности человека (синкретично связанных и взаимообусловленных) с учетом постоянно изменяемых условий жизни социума, опосредуемых общественными отношениями [6, с.55].

Как известно, четких критериев размежевания человеческого от нечеловеческого никогда не существовало. Тем не менее, следует отметить, что человечество всегда прибегало к рациональному поиску отличий между представителями разных социумов (за цветом кожи, этническим происхождением, полом, социальным статусом, верованиями, сексуальной ориентацией и т.п.), а на этой основе – к делению людей (на людей и нелюдей, нормальных и ненормальных, полноценных и неполноценных), которое часто вызывало и вызывает между ними смертельную вражду. Учитывая это, историю развития человека можно считать историей развития дискриминации им его самого, а также историей борьбы с такой дискриминацией, одним из действенных средств преодоления которой в современном мире является концепция прав человека. Однако последнюю нельзя назвать универсальным средством, поскольку нередко она используется в качестве нового критерия деления людей, их сообществ, в частности на тех, которые ее поддерживают, и тех, которые имеют свое видение человеческих возможностей (первые выступают в роли дискриминаторов, вторые – в роли дискриминированных). Кроме этого, как утверждает Ж.Мере, „ограничение насилия – ограничение, которое осуществляется только с помощью самого насилия, – выступает единственным условием существования состояния справедливости” [7, с.157]. Поэтому можно предположить, что права человека, выступая одним из средств борьбы с насилием, являются одновременно одним из средств насилия над самым человеком хотя бы потому, что подъем „правочеловеческой” идеологии в истории человечества чрезвычайно часто связывался с силовыми методами осуществления власти, вследствие применения которых человек страдал. Вдобавок, любое право, любая возможность предусматривает наличие огарничений. И формальное закрепление ограничений прав человека, формальное определение их объема, кроме того, что разрешает обеспечить беспрепятственную реализацию этих прав, одновременно совершает в определенном понимании насилие над человеческим индивидом, ограничивая сферу проявления его индивидуальности. Таким, в частности, способом государство старается установить справедливость в обществе, обезопасив его от внутреннего насилия, от нарушений человеческих прав. С другой стороны, современная тенденция к все большему объективированию, положительному закреплению прав в нормативных актах государства или международных документах как нормативного, так и ненормативного характера, – не что иное, как настойчивое старание человека создать для себя новый или обновить устаревший набор социальных условий с целью осуществления определенной деятельности.

Литература

1. Фукуяма Ф. Великий крах. Людська природа і відновлення соціального порядку / Пер. з англ. В. Дмитрика. – Львів: Кальварія, 2005. – 380 с.

2. Бодріяр Ж. Символічний обмін і смерть / Пер. з фр. Л. Кононовича. – Львів: Кальварія, 2004. – 376 с.
3. Бодріяр Ж. Симулякри і симуляція / Пер. з фр. В. Ховхун. – К.: Вид-во Соломії Павличко „Основи”, 2004. – 230 с.
4. Маритен Ж. Человек и государство / Пер. с англ. Т. Лифинцевой. – М.: Идея-Пресс, 2000. – 196 с.
5. Познер Р.А. Проблемы юриспруденції / Пер. з англ. С. Савченка. – Х.: Наукове видавництво „Акта”, 2004. – 488 с.
6. Добрянський С.П. Актуальні проблеми загальної теорії прав людини / Праці Львівської лабораторії прав людини і громадянина Науково-дослідного інституту державного будівництва та місцевого самоврядування Академії правових наук України / Редкол.: П.М. Рабінович (голов. ред.) та ін. – Серія І. Дослідження та реферати. Випуск 10. – Львів: Астрон, 2006. – 120 с.
7. Мере Ж. Принцип суверенітету. Історія та основи новітньої влади / Пер. з фр. Л. Кононовича. – Львів: Кальварія, 2003. – 216 с.

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Н. В. Фокина

Институт философии и права СО РАН

Отличительной особенностью избирательного законодательства является короткий промежуток времени его применения. Учитывая постоянно идущий процесс совершенствования российского законодательства, к началу очередной избирательной кампании избирательное законодательство также претерпевает некоторые изменения.

Основные этапы формирования системы современного избирательного законодательства Российской Федерации привязаны к четырем электоральным циклам по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ и Президента РФ (I. 1995-1996 гг., II. 1999-2000 гг., III. 2003-2004 гг., IV. 2007-2008 гг.). Следовательно, ориентируясь на названные циклы, можно выделить четыре этапа в формировании российского избирательного законодательства.

Попытаемся их охарактеризовать.

Первый этап характеризуется ограниченной, целевой систематизацией и имеет результатом принятие Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав граждан РФ» от 06 декабря 1994г. № 56-ФЗ, в котором были определены общие для всех выборов в РФ принципы избирательного права, установлены гарантии реализации избирательных прав гражданами. Названный закон носил рамочный характер, то есть он не регулировал исчер-

пывающим образом процедуру выборов в определенный орган государственной власти или местного самоуправления. (1)

В 1995 году приняты Федеральные законы «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» и «О выборах Президента РФ», в которых было указано, что данные выборы проводятся также в соответствии с рамочным законом.

Коррекция избирательной системы, содержащаяся в принятом рамочном законе, была связана с порядком формирования состава федерального списка кандидатов. Было установлено, что избирательное объединение, избирательный блок, определяя порядок размещения кандидатов в списке, разбивают его полностью или частично на региональные группы кандидатов, при этом в части списка, включающей кандидатов, не входящих в региональные группы, может быть не более 12 кандидатов. Это правило позволило в некоторой мере стимулировать активность избирательных объединений и блоков на региональном уровне.

Второй этап начался с принятием Федерального закона «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» от 26 ноября 1996г. В этом законе были установлены временные правила назначения и проведения выборов представительных органов местного самоуправления для тех субъектов Российской Федерации, в которых не была сформирована законодательная основа проведения выборов в органы местного самоуправления либо не были образованы соответствующие избирательные комиссии. С этого момента начинает набирать силу тенденция к переносу центра тяжести в регулировании выборов в субъектах Российской Федерации от законодателя субъекта к федеральному законодателю.

Так, Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 19 сентября № 124-ФЗ устанавливалось исключительно подробное регулирование практически всех избирательных процедур (назначение выборов, составление списков избирателей, формирование и порядок деятельности избирательных комиссий, выдвижение и регистрация кандидатов, предвыборная агитация, финансирование выборов, голосование, подсчет голосов и определение результатов выборов).

Одновременно в сферу федерального регулирования были введены референдум субъекта РФ и местный референдум. Названным законом предопределено и большинство новелл, содержащихся в Федеральном законе «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» от 24 июня 1999г. и Федеральном законе «О выборах Президента РФ» от 31 декабря 1999г.

Наиболее существенные нововведения данных законов сводятся к следующему: 1) расширены полномочия избирательных комиссий; 2) введен институт избирательного залога, более формализованы правила проверки подписей избирателей в поддержку кандидатов; 3) определены составы «из-

бирательных правонарушений», связанных с косвенной агитацией за кандидатов, списки кандидатов; 4) установлен жесткий режим ведения предвыборной агитации через СМИ; 5) расширен перечень запрещенных источников финансирования избирательных кампаний кандидатов, избирательных объединений и блоков, введена обязанность создания избирательных фондов до регистрации кандидатов, федеральных списков кандидатов, расширено целевое назначение избирательных фондов; 6) вместо возможности досрочного голосования для всех избирателей предусмотрено использование открепительных удостоверений.

Детализация избирательных процедур в законе вовсе не исключила право принятия Центральной избирательной комиссией РФ различного рода инструкций и разъяснений.

Общим итогом двух этапов развития федерального избирательного законодательства стало количественное накопление нормативного материала.

Начало третьего этапа можно связать с принятием Федерального закона «О политических партиях» от 11 июля 2001г. №95-ФЗ.

Взаимосвязь законодательства, регулирующего деятельность политических партий, и законодательства, регулирующего выборы, получила свое прямое отражение в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» от 12 июня 2002г. № 67-ФЗ. Новеллы этого закона по существу представляют собой детальное регулирование отдельных стадий и процедур в части организации и проведения всех видов выборов –0 федеральных, региональных, муниципальных.(2)

Все нововведения этого периода касаются нового электорального статуса политических партий, которые при проведении федеральных и региональных выборов признаны единственными избирательными объединениями. Введен новый институт и категория избирательного права – электоральные предпочтения политических партий в избирательном процессе. В качестве обязательного компонента региональной избирательной системы федеральный закон ввел пропорциональную модель распределения депутатских мандатов.

Новый политико-правовой и электоральный статус политических партий определил основные параметры радикальной реформы избирательной системы в 2005 году – последовательный переход от смешанной, мажоритарно-пропорциональной избирательной системы к пропорциональной избирательной системе.

В это время законом устанавливается ограничение пассивного избирательного права для граждан Российской Федерации, имеющих гражданство иностранного государства либо имеющих право проживать на территории иностранного государства. Теперь такие граждане не имеют права быть избранными депутатами Государственной Думы Федерального Собрания РФ, а также президентом.

Избирательным кампаниям (четвертый этап) предшествует принятие нового варианта Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных

прав и права на участие в референдуме граждан РФ» (в редакции ФЗ от 21.07.2005 № 93-ФЗ, ФЗ от 05.12.2006 № 225-ФЗ и от 25.07.2006 № 128-ФЗ), в котором уточнены процедура регистрации кандидата (списка кандидатов), основания аннулирования и отмены решения комиссии о такой регистрации, установлены дополнительные требования к содержанию предвыборных программ и иных агитационных материалов кандидатов, избирательных объединений.

Федеральным законом от 18 мая 2005г. № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» введена в действие система пропорционального представительства для формирования нижней палаты парламента и отменена смешанная избирательная система. Упразднен институт независимых кандидатов на парламентских выборах и введен 7% избирательный барьер для прохождения в Государственную Думу. Предусмотрена процедура реализации беспартийными гражданами РФ пассивного избирательного права.

В данном законе избирательные блоки не упоминаются в качестве субъекта выдвижения федерального списка, что должно способствовать объединению мелких политических партий в более крупные.

Сокращено число кандидатов, включаемых в общефедеральную часть федерального списка кандидатов с 18 до 3. Общее число кандидатов, включаемых в федеральный список кандидатов, увеличено с 270 до 500 человек.

Урегулированы обстоятельства, вынуждающие кандидатов, политическую партию отказаться от дальнейшего участия в выборах. Подробно регламентированы основания для аннулирования и отмены регистрации федерального списка. Впервые предусмотрена обязанность политической партии составить список лиц, осуществлявших сбор подписей, по установленной ЦИК РФ форме.

Усилена финансовая ответственность политической партии, не преуспевшей в ходе избирательной кампании.

Таким образом, Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» содержит немало новых положений, знаменующих дальнейшее развитие избирательного законодательства.

Объективный анализ последних изменений избирательного законодательства может быть проведен только после апробации этих положений на практике в ходе очередных выборов.

Примечания

1. СЗ РФ. 1994 № 33 Ст.3406
2. СЗ РФ. 2002 № 24 Ст.2253

РАЗВИТИЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

3. В. Катернюк

Новосибирский гуманитарный институт

В последние десятилетия практически на все направления межгосударственного сотрудничества оказывают свое непосредственное влияние несколько аспектов – нарастание процесса глобализации общества, разобщение отдельных его представителей и универсализация прав и свобод человека. Глобализация представляет собой многоплановый и макромасштабный процесс, охватывающий все стороны жизни общества. И не смотря достаточно широкое использование термина «глобализация», значение его пока остается неоднозначным. Поэтому существует необходимость комплексного юридического исследования влияния процессов глобализации на государство и право, правовое положение личности.

В настоящий период времени идет процесс формирования мирового сообщества с единым экономическим и политическим пространством и определенными политическими (внутригосударственными и международными) структурами. Этот процесс (основные черты и закономерности, которого пока недостаточно изучены и поняты), безусловно, в близкой перспективе должен оказать свое влияние и на решение проблем прав человека. С другой стороны, этот процесс сам был во многом инициирован именно проблемами прав человека и осознанием глобальности задач, стоящих перед человечеством.

Следует отметить, что до принятия в 1945 г. Устава Организации Объединенных Наций права человека не были предметом рассмотрения в рамках международного сообщества и относились к исключительно внутренней компетенции государств. Установив в качестве нормы *jus cogens* принцип уважения прав человека и основных свобод, государства-члены ООН приняли многие международные соглашения, которые в значительной степени ограничивали суверенитет государств, обязывая их соблюдать международные договоренности. С принятием Всеобщей декларации прав человека 1948 г. – проблемы прав человека стали заботой всего мирового сообщества.

Во второй половине XX в. были заключены основополагающие международных договоры, которые предусмотрели создание контрольных органов, рассматривающих не только периодические доклады государств-участников о мерах, применяемых ими для выполнения взятых на себя обязательств, но в некоторых случаях закрепили возможность подачи межгосударственных и индивидуальных жалоб на нарушения государствами-участниками основных прав и свобод. В этой связи необходимо отметить такие договоры, как Пакты

о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.; Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.; Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.; Конвенция о правах ребенка 1989 г.; Конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г. Широкое распространение получает практика привлечения к обсуждению в ООН и других организациях системы ООН (МОТ, ВОЗ, ЮНЕСКО) вопросов, связанных с правами человека, неправительственных организаций.

Преступления против человечества, совершенные во время Второй мировой войны, вооруженные конфликты немеждународного характера конца XX века (Югославия, Руанда), распространение трансграничной преступности и появление возможности применения ею оружия массового уничтожения привели к постепенному нарастанию международных договоренностей, возлагающих на индивида уголовную ответственность за международные преступления (Уставы Нюрнбергского и Японского трибуналов 1945 г.; Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г.; Уставы трибуналов по бывшей Югославии 1991 г. и Руанде 1994 г.; Римский статут Международного Уголовного Суда 1998 г.).

Межгосударственное сотрудничество в области прав человека приобрело универсальный характер. В рамках ООН сложилась и развивается концепция межгосударственного сотрудничества в области прав человека. Наиболее полно она отражена в Венской декларации и Программе действия, принятой Всемирной конференцией по правам человека в 1993 г.

В Декларации тысячелетия ООН 2000 г. государства-члены организации определили в качестве главной задачи, стоящей перед мировым сообществом на современном этапе его развития – обеспечение того, чтобы глобализация стала позитивным фактором для всех народов мира и ее благами пользовались равномерно и равномерно распределялись ее издержки. Устанавливается, что в новых условиях развития международных отношений фундаментальное значение будут иметь ценности, которые позволили бы преодолеть отрицательные последствия глобализирующегося мира. К ним были отнесены: свобода, равенство, солидарность, терпимость, уважение к природе и общая обязанность по управлению экономическим и социальным развитием и устранению угроз международному миру и безопасности.

В настоящее время существует необходимость комплексного пересмотра созданных механизмов защиты прав человека с тем, чтобы: исключить дублирующую компетенцию, создать условия для повышения роли независимых экспертов в подготовке международных договоров и документов, более широкого вовлечения в процесс обсуждения проблем прав человека неправительственных организаций.

В качестве самостоятельной проблемы межгосударственного сотрудничества в области прав человека можно выделить проблему политизации межгосударственных органов в области прав человека. Особенно явно это проявля-

лось в последние годы в деятельности Комиссии ООН по правам человека, когда государства-члены ООН стремились стать ее членами для того, чтобы защитить себя и своих политических союзников от критики и критиковать самим, а не для того, чтобы обеспечивать права человека. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 60/251 от 15.03.2006 г. Комиссия была преобразована в Совет по правам человека (были изменены: статус, порядок формирования и работы; пересмотрена компетенция; установлена возможность применения определенных мер к государствам-членам Совета, совершающим систематические и грубые нарушения прав человека). Обозначенную проблему политизации удастся решить только в том случае, если деятельность государств будет беспристрастной.

На региональном уровне развитие межгосударственного сотрудничества в области прав человека проходит в условиях усиления интеграции и взаимозависимости государств друг от друга. В области защиты прав человека наиболее эффективны и востребованы европейские и межамериканские механизмы. Однако и на этом уровне не стоит механически копировать опыт «соседей», а вырабатывать политическую и правовую толерантность в межгосударственных отношениях, учитывая традиционно сложившиеся национальные особенности и межкультурные связи.

В процессе глобализации видоизменяются нормы и принципы международного права. В настоящее время уже практически никто не отрицает правомерность «вмешательства» во «внутренние» дела государства в целях защиты прав человека, когда совершаются акты геноцида, этнических чисток, других преступных нарушений прав человека, угрожающих международной безопасности. Одним из характерных в данном отношении является признание права со стороны ООН на гуманитарную интервенцию. При осуществлении действий направленных на защиту прав человека с использованием вооруженной силы государства должны получить санкцию Совета Безопасности ООН либо информировать его при этом безотлагательно. После достижения цели гуманитарной интервенции вооруженные силы следует незамедлительно вывести с территории иностранного государства.

Процессы глобализации не только усложнили систему международных отношений и межгосударственных связей, но и создали предпосылки для формирования международного сообщества на базе взаимоуважения, укрепления доверия и общих ценностей. Перед мировым сообществом стоит выбор: либо права человека будут признаны абсолютной ценностью и все нормы и правоприменительная практика примериваются к этому стандарту, либо декларации о правах и свободах человека останутся инструментом политических манипуляций.

Литература

1. Аннан К. Сохранились ли у нас всеобщие ценности? // Международное публичное и частное право. – 2004. – № 1.

2. Действующее международное право. Документы в 2-х томах. – Т. 2 / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М., 2002.
3. Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. – М., 2000.
4. Международные акты о правах человека: Сборник документов / Сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. – М., 1999.
5. Права человека в России: декларации, нормы и жизнь: Материалы международной научной конференции, посвященной 50-летию Всеобщей декларации прав человека. – М., 1999.
6. Права человека и процессы глобализации современного мира / Под ред. Е.А. Лукашевой. – М., 2005.
7. Права человека: Итоги века, тенденции, перспективы / Под ред. Е.А. Лукашевой. – М., 2002.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЗИТИВИЗМ И ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО: СБЛИЖЕНИЕ И СИНТЕЗ ПОДХОДОВ

Д. К. Сняков

Санкт-Петербургский государственный университет

На складывание пространства дискурса англо-американской философско-правовой мысли 2-й половины XX века в целом продолжает оказывать влияние дихотомия естественно-правовых и позитивистских начал. Однако в последние десятилетия характер взаимоотношений обозначенных линий развития западной философии права существенным образом трансформируется. Формирующееся положение дел в англо-американской теоретической мысли о праве, на наш взгляд, необратимо теряет тональность противостояния позитивизма и естественного права, переходя в решающей степени в область взаимосближения, взаимопроникновения, а то и воплощенного концептуального синтеза доселе конфликтующих позиций (в качестве примера указанных построений следует представить теорию юридизированной морали Л. Фуллера и теорию права как целостности Р. Дворкина).

На определенных этапах развития философско-правовых воззрений ставшее архитипическим противопоставление позитивизма и юснатурализма позволяло структурировать весь спектр практик амбивалентного западного теоретико-правового мышления. Однако происходящие сегодня трансформации сопровождаются всё большей метафоризацией понятий «позитивизм» и «естественное право», которые продолжают употребляться в силу исторической инерции и при этом наполняться существенно иным, отличным от классических образцов содержанием.

Новое видение юснатурализма проявилось в трудах представителей возрожденного естественного права (Р. Штаммлер, Г. Радбрух), которыми была предпринята попытка преодоления статичности классических версий естест-

венного права. При этом классические юснатуралистские постулаты перестали рассматриваться как вечные и неизменные. Помимо этого, история познания права показала, что незримые, неформализуемые, не поддающиеся операционализации метафизические начала не могут претендовать на научность применительно к профессиональному исследованию правовой реальности. Поэтому эволюция естественно-правовых представлений происходила в сторону исследования морали и права как реальных, существующих в эмпирической действительности явлений в противоположность абстрактным, метафизическим построениям классической эпохи. Совершался переход из сферы чистого долженствования в сторону сущего, в супротив метафизическому идеализму актуализировалась ценностная составляющая права [Козлихин, И.Ю. История политических и правовых учений / И.Ю. Козлихин, А.В. Поляков, Е.В. Тимошина. – СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2007. С. 362].

Эволюция позитивизма шла по пути «деэтизации» права, а также критики чистого формализма, что вело к постепенному признанию роли ценностных начал, присутствующих помимо собственно положительного, формализованного права. В новых версиях как позитивизма, так и юснатурализма происходит обращение внимания на человека и его сознание, проблемы интерпретации и понимания, проблемы текста, знака, ценностей и т.д. Особое внимание к ценностной проблематике обусловлено необходимостью преодоления «механизма» в понимании права, признания особой роли человека и его сознания в правовом регулировании. Стало очевидным, что «существуют логические и концептуальные связи между правом и моралью, и мы не можем понять, что такое право, не обращаясь к понятиям нравственности» [Моисеев, С.В. Философия права. Курс лекций. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2003. – С. 46.]. И.Ю. Козлихин в связи с этим отмечает, что «позитивизм инструментален только в том случае, когда на уровне массового сознания мораль и право существуют в единстве, когда право в общественном сознании получает моральную легитимацию» [Козлихин, И. Ю. Позитивизм и естественное право // Государство и право. – 2000. – № 3. – С. 10.].

Философско-правовая мысль следует за общей трансформацией стилей, принципов, методов научного мышления. Во 2-й половине XX века в англо-американской традиции познания права происходит окончательный переход к аналитическому мышлению, что проявляется в особой роли диалогических начал, аргументации, внимательности к доводам оппонентов, скрупулезности разбора тезисов, отточенности техники работы с научными текстами (напр., критика Дж. Остина Г. Хартом, знаменитые дискуссии Г. Харта и Л. Фуллера, Г. Харта и Р. Дворкина и т.д.).

Беспрецедентная интенсификация философско-правовых изысканий в англо-американской традиции приходится на рубеж 50-60-х гг. XX века, это время с уверенностью можно считать началом своеобразного теоретико-правового ренессанса 2-й половины XX века. Не будет преувеличением отметить, что связно это главным образом со знаменитой дискуссией Г. Харта и

Л. Фуллера. Эти события вкупе с выходом в 1961 году одного из самых значительных произведений по философии права XX века – книги Г. Харта «Понятие права» послужили новому оформлению пространства теоретических проблем и задали мощный импульс последующего развития теоретико-правового знания. От заложенных в произведении Г. Харта идей отталкивались и продолжают отталкиваться все последующие авторы.

Позитивизм Г. Харта имеет свои особенности. В частности в его теории не отрицается связь права и морали. Г. Харт изначально признавал невозможность функционирования правовой системы без минимального содержания естественного права [Харт Г.Л.А. Понятие права / Пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – С. 194-200]. Но еще более ощутимый шаг в сторону признания естественно-правовых версий этико-правового синтеза был сделан им в знаменитом «Постскрипуме» ко 2-му изданию «Понятия права», где Г. Харт, отвечая на критику Р. Дворкина, прямо заявляет, что его концепция представляет собой «мягкий позитивизм» (основанный, в частности, на включении в право моральных принципов и ценностей) [The Concept of Law. – Second edition by H.L.A. Hart, With a new Postscript edited by Penelope A. Bulloch and Joseph Raz. Oxford: Oxford University Press, 1994 (First published in paperback 1997) – С. 250-254.].

Условность односторонности позитивизма Г. Харта, появление в современной англо-американской философии права «переходных» между позитивизмом и юснатурализмом форм, теоретическое обоснование инклюзивного позитивизма, концептов инкорпорационизма и когерентности, идеи «общей юриспруденции» В. Твининга, уже имеющиеся синтетические теории Л. Фуллера и Р. Дворкина расставляют новые дискурсивные акценты и являются симптомами нового состояния современной англо-американской философии права.

Литература

1. Козлихин, И.Ю. История политических и правовых учений / И.Ю. Козлихин, А.В. Поляков, Е.В. Тимошина. – СПб.: Издательский дом С.-Петербург. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2007. – 856 с.
2. Моисеев, С.В. Философия права. Курс лекций. – Новосибирск: Сиб. Унив. Изд-во, 2003. – 203 с.
3. Козлихин, И. Ю. Позитивизм и естественное право // Государство и право. – 2000. – № 3. – С. 5 – 11.
4. Харт Г.Л.А. Понятие права / Пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – 302 с.
5. The Concept of Law. – Second edition by H.L.A. Hart, With a new Postscript edited by Penelope A. Bulloch and Joseph Raz. Oxford: Oxford University Press, 1994 (First published in paperback 1997).

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ РЕАЛЬНОГО УЩЕРБА КАК ЭЛЕМЕНТА УБЫТКОВ

Т. А. Серегина, Р. Л. Мурзин

Тульский филиал Московского университета МВД России (г. Тула)

В соответствии с ч.2 ст. 15 ГК РФ, под реальным ущербом следует понимать расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества.

Реальный ущерб характеризуется уменьшением (реальным или неизбежным в будущем) наличного имущества кредитора в отличие от упущенной выгоды, когда наличное имущество потерпевшей стороны не увеличивается, хотя и могло бы увеличиться, если бы договор был исполнен [1].

Природа *фактически понесенных лицом расходов* определена в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4.03.1997 № 4520/96 [2]. В соответствии с ч.16 Постановления, неисполнение обязательств по договору не может рассматриваться как реальный ущерб. Имеется в виду ситуация, когда у потерпевшей стороны имелось договорное денежное обязательство и в результате нарушения договора должником для потерпевшей стороны стало невозможно исполнение данного денежного обязательства. Сумма основного долга не может включаться здесь в состав убытков, потому что долг возник независимо от нарушения договора неисправным должником и денежное обязательство существовало уже на момент нарушения. Таким образом, под понесенными расходами понимаются только дополнительные расходы, осуществляемые лицом, чье право было нарушено, в следствии данного нарушения.

Понесенные расходы разнообразны: расходы на содержание и эксплуатацию оборудования, дополнительные расходы по заработной плате, увеличение условно-постоянных затрат на единицу продукцию, амортизационные отчисления, расходы по устранению недостатков в полученной продукции, расходы по экспертизе, транспортно-заготовительные расходы, расходы по уплате санкций и т.д. Для расчета и доказательства размера понесенных расходов необходимо использовать данные бухгалтерского баланса и все документы, в том числе и первичные, на которых эти данные основываются [3].

Определение *будущих необходимых расходов* в качестве составного элемента реального ущерба является новеллой ГК РФ. В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.07.1996 № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского

кодекса Российской Федерации» [4], необходимость будущих расходов и их предполагаемый размер должны быть подтверждены обоснованным расчетом, доказательствами, в качестве которых могут выступать смета (калькуляция) затрат на устранение недостатков товаров, работ, услуг; договор, определяющий ответственность за нарушение обязательств, и т.п. К этому перечню, вероятно, можно отнести копии судебных решений о применении имущественных санкций к потерпевшей стороне или копии заявленных исков о применении таких санкций.

При *утрате имущества*, вызванной нарушением обязательств, возмещению подлежит стоимость такого имущества за вычетом износа, определяемая исходя из цен, существующих в месте исполнения обязательств на день добровольного удовлетворения требований кредитора либо, если добровольного удовлетворения требований не было, на день предъявления иска или, по усмотрению суда, на день вынесения решения суда (п.3 ст.393 ГК РФ). Может возмещаться также стоимость по цене приобретения с учетом транспортно-заготовительных расходов, если цена приобретения больше, чем текущая цена. При *повреждении имущества* в состав убытков входит либо сумма уценки такого имущества, либо стоимость расходов по устранению повреждения.

На сегодняшний день особенно в свете действия Федерального закона от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»[5] актуален вопрос отнесения к реальному ущербу *утраты товарной стоимости транспортного средства* (далее - УТС).

Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что УТС представляет собой уменьшение стоимости транспортного средства, вызванное преждевременным ухудшением товарного (внешнего) вида автомобиля и его эксплуатационных качеств в результате снижения прочности и долговечности отдельных деталей, узлов и агрегатов, соединений и защитных покрытий вследствие дорожно-транспортного происшествия и последующего ремонта [6].

«УТС относится к реальному ущербу и наряду с восстановительными расходами должна учитываться при определении размера страховой выплаты в случае повреждения имущества потерпевшего» [7].

Однако следует признать, что по своей юридической природе УТС является упущенной выгодой, т.е. УТС это те неполученные доходы, которые лицо получило бы в случае, например, продажи автомобиля, ввиду уменьшения его рыночной стоимости вследствие ДТП. Таким образом, судебная практика на сегодняшний день пошла путем создания определенной юридической фикции, т.е. несуществующее (не истинное) положение признается существующим и влечет правовые последствия.

Таким образом, утрата товарной стоимости транспортного средства подлежит взысканию со страховой организации по договору обязательного страхования гражданской ответственности.

Резюмирую вышеизложенное, считаем, что элементами реального ущерба являются:

во-первых, фактически понесенные лицом расходы на момент предъявления иска;

во-вторых, будущие необходимые расходы, т. е. расходы, которые лицо должно будет произвести для восстановления нарушенного права;

в-третьих, утрата или повреждение имущества (в том числе утрата товарной стоимости транспортного средства).

Примечания

1. Цит. по: Евтеев В.С. Понятие и сущность возмещения убытков как вида ответственности // Гражданин и право, 2000, № 2. С. 31

2. Вестник ВАС РФ. 1997. № 6

3. См.: Нам К.В. Убытки и неустойка как формы гражданско-правовой ответственности. Актуальные проблемы гражданского права / Под ред. М.И. Брагинского; Исследовательский центр частного права. Российская школа частного права. – М., «Статут», 1999. С.350

4. Российская газета. 13.08.1996. № 152

5. Собрание законодательства РФ.06.05.2002.№ 18.ст. 1720

6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2005 года // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2005, № 12

7. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 24.07.2007 № ГКПИ07-658 «О признании недействующим абзаца первого подпункта "б" пункта 63 Правил обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, утв. Постановлением Правительства РФ от 07.05.2003 № 263, в части, исключающей из состава страховой выплаты величину утраты товарной стоимости»

НАРОДНАЯ ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА КАК ФАКТОР ПРАВОТВОРЧЕСТВА

О. Н. Дьячкова

Уральский государственный университет
им. А.М. Горького (г. Екатеринбург)

В настоящее время демократия представляет собой систему политического представительства, в рамках которой граждане имеют возможность непосредственно участвовать в публично – правовых делах. Прямое участие граждан в решении государственных дел и вопросов местного самоуправления, возможно, такими способами, как выборы, референдум, отзыв депутата, а также народная правотворческая инициатива.

Институт народной правотворческой инициативы появился впервые в США, когда в 1715 году был принят закон штата Массачусетс, закрепивший право народной правотворческой инициативы на местном уровне.

Народная правотворческая инициатива – это институт, предполагающий, что граждане могут предложить изменения в Конституцию, другие правовые акты путем внесения проектов правовых актов в представительный орган или вынесением их на референдум.

В российском законодательстве институт народного правотворчества появился лишь в конце XX века и до настоящего времени является одним из наименее развитых институтов публичного права. До принятия Конституции РФ 1993 года отечественное законодательство не закрепляло прямого участия граждан в законодательном процессе. Граждане могли обращаться в органы государственной власти с законодательными предложениями, но их обращение не обязывало государственные органы рассматривать и принимать или отвергать предложения.

Развитие системы российского законодательства привело к тому, что народная правотворческая инициатива стала одним из конституционно-правовых институтов российского государства. В Федеральном конституционном законе «О референдуме Российской Федерации» (от 10.10. 1995 г. № 2 – ФКЗ) в ст. 33 закреплено право граждан выступать с инициативой вынесения на референдум РФ проекта закона (без уточнения какого именно закона).

В Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (от 19.09.1997 г. № 124 – ФЗ) закреплено право граждан предлагать на референдум не только проект закона, но и проект иного нормативного правового акта. Из этого следует, что граждане могут предлагать на референдум, как проекты новых законов, так и проекты о внесении изменений в действующие законы РФ. В законе также закреплено, что на референдум субъекта РФ могут предлагать проекты законов (проекты иных нормативных правовых актов) только граждане, которые постоянно проживают на территории субъекта РФ. В соответствии с российским законодательством проект закона (иного нормативного правового акта) может быть вынесен и на референдум РФ также по инициативе гражданина, группы граждан, общероссийского объединения.

В субъектах РФ институт народной правотворческой инициативы закреплен вышеуказанными федеральными законами и ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (от 6.10.1999 г. № 184 – ФЗ). В настоящее время конституции (уставы) примерно половины субъектов Российской Федерации закрепляют за гражданами право законодательной (правотворческой) инициативы в представительном органе государственной власти соответствующего субъекта РФ.

В законодательном регулировании права народной правотворческой инициативы в различных субъектах РФ имеются отличия в предмете народной

правотворческой инициативы. Так, предметом народной правотворческой инициативы может быть проект нового закона субъекта Российской Федерации, проект о внесении изменений в действующий закон, предложение по внесению изменений в основной закон субъекта, проект иного нормативного правового акта. В законодательствах субъектов РФ закреплены разные требования по количеству подписей для поддержки народной правотворческой инициативы. Следует отметить, что в РФ и ее субъектах основными формами участия граждан являются обращения граждан, законодательные предложения при разработке и обсуждении законопроектов.

Причины незрелости института народной правотворческой инициативы: политического характера (основные институты гражданского общества, которые могли быть организаторами инициатив, отсутствуют или недостаточно развиты); доктринального плана (в России народная правотворческая инициатива рассматривается как официальное внесение в представительный орган государственной власти законопроекта гражданами при условии, что данный проект поддерживает установленное законом определенное количество граждан); недостаточная разработанность системы норм, определяющих институт народной правотворческой инициативы.

Принятие конституций (уставов) субъектов РФ способствует законодательному оформлению народной правотворческой инициативы на региональном уровне. Право народной правотворческой инициативы урегулировано отдельными законами в некоторых субъектах Российской Федерации (г.Москва, Алтайский край, Брянская, Калужская, Кемеровская, Свердловская области).

Институт народной правотворческой инициативы – это институт прямой демократии, который должен выступать в качестве важнейшей составляющей представительной системы. В настоящее время в российском законодательстве заложены лишь основы института народной правотворческой инициативы. Дальнейшее развитие этого института будет способствовать росту гражданского участия в делах государства, укреплению доверия граждан к деятельности представительных органов государственной власти, как на федеральном, так и на региональном уровнях.

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ УСЛУГ В СФЕРЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Н. В. Киселёва

Воронежский государственный университет

Отношение по предоставлению публичных услуг – это экономико-юридический способ взаимодействия государства и граждан. Оно требует преимущественно частноправового регулирования (как экономический меха-

низм). Но если мы обратимся к исследованию природопользования, то увидим, что массовая доля административных методов правового регулирования обслуживания резко возрастает. Императивное начало предоставления публичных услуг в сфере природопользования проявляет себя в следующих формах.

Во-первых, в нормативном закреплении перечня услуг, оказание которых для того или иного государственного органа обязательно. На сегодняшний день административная реформа обусловила иной, более трудный способ такого закрепления, при котором каждой функции органа исполнительной власти сопоставляется отдельный административный регламент. В таком случае представление о перечне публичных услуг может складываться из обобщения полномочий вышеуказанных органов.

Во-вторых, в подходе к публичным услугам как к совокупности административных процедур. Каждая услуга должна быть ограничена временными сроками, и ее регулирование должно иметь унифицированный характер; понятие «качество публичной услуги» указывает именно на последовательное прохождение процедур взаимодействия сторон при обслуживании, понятие качества не применимо к результату публичной услуги: он либо может существовать, либо не может.

В-третьих, в особой «нагруженности» самих услуг для потребителя. Потребление услуг в сфере природопользования обязывает субъекта обращаться за услугами природоохранного назначения и наоборот – право на природопользование сопровождается обязанностью пользователя по охране природы. Т.к., с теоретической точки зрения природопользование и охрана природы – две стороны единого взаимодействия человечества и окружающей природной среды, следовательно, невозможно безгранично и произвольно пользоваться природой, не компенсируя отрицательные последствия своей деятельности.

Обязательность осуществления природоохранной деятельности, возлагаемая на субъекта, желающего осуществлять природопользование, на первый взгляд противоречит основным положениям гражданского законодательства о свободе договора и запрете на зависимость приобретения одних товаров (работ, услуг) от приобретения других товаров (работ, услуг). Это противоречие лишь формальное, о чем свидетельствуют такие правовые нормы, как:

-часть 1 статьи 9 Конституции РФ (природные ресурсы *используются и охраняются* в РФ как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории);

-статья 58 Конституции РФ (каждый обязан сохранять природу и окружающую среду и бережно относиться к природным богатствам);

-часть 2 статьи 1 ГК РФ (гражданские права могут быть ограничены только на основании федерального закона и только если это необходимо в целях защиты основ конституционного строя).

Нормы законодательства о природных ресурсах подтверждают нашу точку зрения. Согласно части 1 статьи 12 Земельного кодекса РФ, использование

земель должно осуществляться способами, обеспечивающими сохранение экологических систем, способности земли быть средством производства в сельском хозяйстве и лесном хозяйстве, основой осуществления хозяйственной и иных видов деятельности. Аналогичные требования мы можем найти и в других отраслях законодательства.

В-четвертых, в особом характере договора о предоставлении в пользование объекта природы. Мы предлагаем понимать договорные правоотношения в сфере природопользования как гражданские лишь по некоторым признакам, но осложненные особыми свойствами предмета договора, что делает их межотраслевыми договорами. Сущность межотраслевого договора заключается в том, что единое правовое явление расщепляется между двумя правовыми порядками: частным и публичным.

Действующее законодательство содержит лишь отдельные фрагменты административно-договорных производств в сфере управления окружающей средой и природными ресурсами. В качестве примера назовем Приказ Министерства природных ресурсов РФ от 25 апреля 2002 года №230 "Об организации работы по подготовке, заключению, регистрации и хранению договоров (соглашений), в которых одной из сторон выступает Министерство природных ресурсов Российской Федерации или его территориальный орган".

Наконец, важным является вопрос о соотношении государственных услуг в сфере природопользования и публичных услуг. Особенности нормативного регулирования не позволяют выделить массив публичных услуг как исходный, скорее публичные услуги должны определяться на основе государственных, т.е. как вторичные по отношению к ним. Что касается услуг, оказываемых в сфере именно природопользования (то есть таких, оказание которых является юридически значимым для удовлетворения экономических потребностей субъекта посредством объекта окружающей природной среды), то здесь их так называемое "разгосударствление" должно проводиться с помощью научно обоснованных критериев.

Важно лишь заострить внимание на важнейших моментах:

- передача отдельных полномочий не представляет собой передачу властных функций, так как коммерческие организации могут предоставлять большое количество публичных услуг именно консультативного, информационного характера;

- субъект-потребитель не должен обращаться в два ведомства по одному или тому же вопросу, так как предоставление той или иной публичной услуги коммерческой организацией не должно нуждаться в правовом подтверждении публичной властью;

- передача коммерческой организации функций по оказанию государственной услуги превратит данную услугу в чисто публичную, поэтому необходимо исключать совмещение одной и той же организацией деятельности по потреблению природных ресурсов, контролю за потреблением и оказанию услуг в этой сфере;

-не должно создаваться никакой конкурентной ситуации при формировании субъектов, уполномоченных на оказание публичных услуг (т.е. коммерческая организация не должна конкурировать с государственным органом).

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ: НЕСОВЕРШЕНСТВО РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В. В. Чукин

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан)

Традиционно коррупцией считают преступную деятельность в органах государственной власти, выражающуюся в использовании должностными лицами своих властных полномочий и служебного положения в целях личного обогащения. Однако в России коррупция в силу своего характера и масштабов – это, не просто какое – то отдельное, локальное явление в области политики и государственного управления. Это система отношений, которая пронизывает все структура нашего государства. Являясь системой общественных отношений, она несет в себе угрозу коренным национальным интересам страны. Между тем меры, принимаемые в нашей стране по противодействию коррупции, нельзя назвать эффективными. В основном это объясняют отсутствием должной политической воли, недостатками в работе ФСБ, МВД, прокуратуры и судебной системы по выявлению и наказанию взяточников и мздоимцев, а также отсутствием реально работающего закона о борьбе с коррупцией. Властные органы неоднократно заявляли о необходимости борьбы с коррупцией, даже делались отдельные достаточно жесткие шаги, разрабатывались целые программы по противодействию коррупционной преступности, однако большего эффекта они не принесли.

В связи с этим следует признать, что государство не бездействует в борьбе с коррупцией. Необходимо отметить, что в настоящее время борьба с коррупцией в государственном аппарате осуществляется преимущественно с помощью уголовно – правовых средств, а административно – правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы явно недооцениваются, что, вряд ли можно признать удовлетворительным. Но сложившаяся на протяжении ряда лет ситуация начинает постепенно исправляться [1].

Состояние коррупции в государственном аппарате во многом обусловлено давно наметившимися тенденциями и переживаемым ныне переходным этапом Российского государства. Других страны, находившихся в подобной ситуации, также переживали рост коррупции в системе государственной службы.

Российский государственный аппарат в постсоветский период, также как и экономика страны и всего общества, оказалось в состоянии глубокого кризиса. Коррупции, некомпетентность, безграмотность все это было широко распространено в среде государственных служащих [2].

4 апреля 1992г. Президентом РФ был принят Указ «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы» [3], который, в течение всего времени его применения, был самым игнорируемым нормативно – правовым актом в стране. Указ предусматривал ряд серьезных мер антикоррупционного характера, однако во многом оказался декларативным, т.к. отсутствовало четкое законодательное регулирование целого комплекса вопросов, связанных с государственной службой, не был детально проработан механизм исполнения и контроля за исполнением положений данного Указа.

В ст. 11 Федерального закона «Об основах государственной службы Российской Федерации» установлены ограничения, связанные с государственной службой, и большинство из них носит антикоррупционный характер. Можно предположить, что разработчики этих нормативно – правовых актов осознавали возможность возникновения в действиях конкретного государственного служащего своеобразного «конфликта интересов», однако ряд предложенных ими мер, направленных на предупреждение и пресечение коррупции в системе государственной службы, не решает в полной мере поставленных задач.

В соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона «Об основах государственной службы РФ» в целях технического обеспечения деятельности государственных органов в их штатное расписание могут включаться должности, не относящиеся к государственным должностям, и соответственно замещающие их лица могут не являться государственными служащими и, следовательно, на них не распространяются антикоррупционные ограничения, предусмотренные для лиц, замещающих государственные должности государственной службы.

Особо необходимо обратить внимание на такой факт: Федеральным законом «Об основах государственной службы РФ», в п. 8 ст. 11 установлено, что государственный служащий не вправе получать от физических и юридических лиц вознаграждения (подарки, денежное вознаграждение, ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов и иные вознаграждения), связанные с исполнением должностных обязанностей, в том числе после выхода на пенсию. Это ограничение предусмотренное для государственных служащих в интересах пресечения и предупреждения коррупции в системе государственной службы, не стало неожиданностью для Российского законодательства.

В то же время ст. ГК РФ разрешает государственным служащим и служащим муниципальных образований принятие обычных подарков в связи с их должностным положением или в связи с исполнением служебных обязанностей, стоимость которых не превышает пяти МРОТ. Отсюда видно, что возникает противоречие между Федеральным законом «Об основах государст-

венной службы РФ» (п.8 ст. 11), ГК РФ (ст. 575) и УК РФ, поскольку в последнем не оговорен минимальный размер взятки (ст. 290 УК РФ).

Так же следует признать недостатком действующего законодательства, то обстоятельство, что ст. 575 ГК РФ не оговаривает каких – либо условий правомерности подобных действий, кроме размера суммы подарка, в связи с чем в Федеральном законе «Об основах государственной службы РФ» необходимо оговорить ряд обстоятельств, касающихся возможности получения подарков. Так вручение должно происходить открыто и официально, подарок надлежащим образом объяснен и обоснован и вышестоящее руководство поставлено в известность о факте вручения подарка. Закрепление таких положений, как представляется, ряд вопросов, связанных с данным ограничением государственных служащих, и способствовало бы предупреждению и пресечению коррупции.

Кроме того ст. 11 Федерального закона «Об основах государственной службы РФ» необходимо дополнить рядом ограничений, а именно ввести ограничение на прием бывших учредителей или руководителей коммерческих структур на государственную службу в органы исполнительной власти, которым подконтрольны соответствующие коммерческие предприятия. В законодательстве о государственной службе необходимо трехгодичное ограничение для государственных служащих после их увольнения при переходе с государственной службы в коммерческие предприятия, которые были прежде им подконтрольны или были связаны с ними в соответствии с их компетенцией.

В этой связи следует заметить, что проблема состоит не только во взяткоемкости вышеперечисленных законов, но и в процедурах их исполнения. Многие из этих законов соответствуют международным стандартам. Однако закрытость, непрозрачность их исполнения способствует развитию коррупции, теневых общественных отношений.

Таким образом, слабость государства, неразвитость гражданского общества, сырьевая направленность и теневой характер экономики, несовершенство и взяткоемкость законодательства являются главными причинами и условиями рождения и масштабного развития коррупции в России. Чтобы устранить данные причины, победить коррупцию как систему общественных отношений, необходима активная антикоррупционная деятельность, как государства, так и общества.

Примечания

1. Административно – правовые проблемы предупреждения коррупционной организованной преступности (круглый стол) // Гос. и право. 2002. №1. С. 103.
2. Дядя Степа - Коррупционер // Росс.газ. 2001. 22 нояб.
3. Ведомости Съезд народных депутатов РФ и Верховного совета РФ. 1992. №17. Ст. 923.

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Н. В. Мишина

Ростовский государственный университет путей сообщения

Эффективная реализация правотворческой политики в области железнодорожного транспорта, как разновидности правовой политики, тесно связана с грамотным использованием правил и приемов юридической (законодательной) техники.

В юридической литературе под юридической техникой понимается совокупность средств, приемов, правил, методов, применяемых как при разработке содержания и структуры правовых актов, так и при их претворении в жизнь. Основными элементами юридической техники являются юридическая терминология, юридические конструкции, способы построения текста нормативных правовых актов.

В железнодорожной отрасли в ходе осуществления реформы с течением времени наметился разрыв между правовой базой отрасли и общими тенденциями развития законодательства в стране. Нормативные правовые акты, регулирующие деятельность предприятий железнодорожного транспорта и оставшиеся без изменения, все менее соответствуют новым принимаемым законам. Вносимые в законодательство поправки носят поверхностный, чаще всего редакционный, характер. Существующие противоречия в правовых нормах, содержащихся в разных нормативных правовых актах, приводят к порождению многочисленных правовых коллизий, что является тормозом в развитии железнодорожной отрасли.

На сегодняшний день актуальными остаются вопросы: как следует создавать законы, каким требованиям они должны отвечать, каков должен быть язык закона, его терминология и т.д. В целях реализации Постановления Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2000 г. № 347 (ред. от 20.08.2004) «О совершенствовании законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации» [1] был принят совместный Приказ Минюста Российской Федерации № 3, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации № 51 от 10 января 2001 г. «Об утверждении методических правил по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти» [2]. Данные Правила рекомендуются к применению с целью совершенствования методологического обеспечения законопроектной деятельности федеральных органов исполнительной власти, повышения эффективности законодательного процесса.

Так, в качестве одного из основных требований к тексту законопроекта выступает следующее правило, содержащееся в п. 18 Методических правил: «нормативные предписания оформляются, как правило, в виде статей,

имеющих ... наименование» [2]. Тем не менее, Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ (ред. от 07.07.2003) «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» (далее – Устав) [3], являющийся основным специальным источником железнодорожного законодательства, не имеет наименований статей, что приводит к большим затруднениям при работе с ним. Это тем более недопустимо на фоне чрезмерной перегруженности статей (например, ст. 11 Устава содержит 116 стандартных строк текста, ст. 120 – 158 строк, и т.д.). Формулирование в каждой статье заголовка имеет существенное значение при изложении норм в законе. Этот технико-юридический прием, благодаря которому легче найти ту или иную статью, лучше понять содержание юридической нормы, должен использоваться преимущественно в кодифицированных актах, каковым является данный закон.

Еще одним из основных требований к законопроекту является определение используемых понятий. В этой связи отметим, что ни в Федеральном законе № 17-ФЗ (ред. от 07.07.2003) «О железнодорожном транспорте Российской Федерации» [4], ни в Уставе не определены такие понятия, как «железнодорожный транспорт», «грузовладелец», «ручная кладь», «технологический железнодорожный транспорт», «безбилетный пассажир» и т.д., хотя они используются в названных федеральных законах, Правилах перевозок железнодорожным транспортом грузов [5], Правилах перевозок пассажиров, багажа и грузобагажа на федеральном железнодорожном транспорте [6] и других нормативных правовых актах.

Требования к тексту закона, его стилю и языку также являются элементами юридической техники, определяющими приемы и правила изложения содержания нормативных правовых актов. Законодатель должен добиваться максимальной строгости и точности юридических понятий, одновременно стремясь к доходчивости, простоте и ясности изложения. В этой связи, например, ст. 120 Устава следует изложить таким образом, чтобы выделить в нем три части: в первой перечислить всех субъектов, имеющих право на предъявление претензии к перевозчику, во второй – определить в каких случаях могут предъявляться эти претензии каждым из перечисленных субъектов, а в третьей – установить порядок предоставления этих претензий.

В связи с тем, что в нормативном правовом акте должны содержаться только исходные, «рамочные» нормы обобщенного характера, из ст. 119 Устава представляется излишним развернутое и подробное описание порядка составления, оформления и содержания коммерческого акта. На наш взгляд, эти положения следует перенести в Правила перевозок или же в Инструкцию по делопроизводству на предприятиях железнодорожного транспорта. В законе следовало бы указать только обстоятельства, влекущие составление того или иного акта и сроки их выдачи.

Эффективность железнодорожной правовой политики зависит от совершенства железнодорожного законодательства, в котором она объективируется и посредством которого она реализуется. Следовательно, она должна быть направлена на совершенствование юридической (законодательной) техники с

целью придания железнодорожному праву новых качеств, позволяющих ему быстро и адекватно отражать современные реалии экономической жизни общества.

Литература

1. Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 17. – Ст. 1877.
2. Бюллетень Минюста РФ. – 2001. – № 2.
3. Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 2. – Ст. 170.
4. Там же. – Ст. 169.
5. Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2002. – № 40.
6. Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 1999. – 22; 2003. – № 30, № 39, 40, 41, 42, 45; 2004. – № 5.

ПРОБЛЕМЫ, СУЩЕСТВУЮЩИЕ В СИСТЕМЕ НАКАЗАНИЙ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Э. И. Дорожкина

Тульский институт экономики и информатики

Россия, вступившая в XXI век, переживает сложный период своего развития. Резкое изменение политических, экономических, социальных условий повлекло за собой рост преступности.

Правовая реакция государства на посягательства, охраняемые уголовным правом, во все времена выражалась в применении к лицам, виновным в их совершении, наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

Уголовный кодекс РФ 1997 года в отличие от ранее действовавшего УК РСФСР дает новое понятие наказания.

«Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав или свобод этого лица» [1].

Одним из признаков наказания, который вызывает определенные споры, является признак, провозглашающий наказание, как меру государственного принуждения. Можно ли ставить знак равенства между этим признаком и тезисом о том, что наказание – это кара за совершенное преступление?

Представляется, что уравнивать указанные понятия ошибочно.

С учетом изложенного нельзя согласиться с мнением о том, что наказание, выступая в виде лишения свободы или ограничения прав и интересов осужденного, по своему содержанию является карой за содеянное, поскольку

лицо, наказанное за совершение преступления, должно страдать. Иначе не будут реализовываться цели наказания.

«Почти сразу же после введения в действие нового УК РФ появилась необходимость в новом Постановлении, решающем вопросы назначения наказания, поскольку в законе появилось достаточно новелл, касающихся непосредственно назначения наказания» [2] (назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств – ст. 62 УК; новые обстоятельства смягчающие и отягчающие наказание – ст. ст. 61 и 63 УК; назначение наказания при вердикте присяжных заседателей о снисхождении – ст. 65 УК; назначение наказания за неоконченное преступление – ст. 66 УК; назначение наказания при рецидиве преступлений – ст. 68 УК; новый порядок назначения наказания при условном осуждении и отмены условного осуждения – ст. ст. 73 и 74 УК; особенности назначения наказания несовершеннолетним – ст. 88 УК и т.д.).

Наказание призвано обеспечивать достижение установленных уголовным законом целей. Для этого в законе содержатся разнообразные по своему характеру меры государственного принуждения в виде различных видов наказания. Согласно УК РФ суд имеет широкий выбор видов наказания, один из которых можно назначить, исходя из характера и степени общественной опасности, как совершенного преступления, так и лица, его совершившего. Такой перечень в уголовном праве называется системой наказаний. В УК РФ сама система наказаний выстроена по принципу от менее строгого к более строгому наказанию. Наряду с действующими видами наказания, такими, как штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительные работы, конфискация имущества, лишение свободы на определенный срок, смертная казнь, в УК РФ имеются новые виды наказания: обязательные работы, ограничение по военной службе, ограничение свободы, арест, пожизненное лишение свободы.

Следует отметить, что такой вид наказания как ограничение свободы по сути заключается в содержании осужденного, достигшего к моменту вынесения приговора восемнадцатилетнего возраста, в специальном учреждении без изоляции от общества в условиях осуществления за ним надзора. «Еще в пору действия прежнего уголовного кодекса, государство отказалось от этого вида наказания. Представляется, что его введение в действующее уголовное законодательство также является не совсем продуманным обстоятельством» [3]. Концентрация осужденных в специализированных центрах, организация их жизни, обеспечение работой – создаст много сложностей, а эффект такого наказания очень низок, т.к. осужденные к этому виду наказания будут оторваны от семьи, привычных условий проживания, потеряют работу. Трудоустройство, таким образом лиц, не имеющих работы, носит временный характер (только на срок, определенный по приговору суда), после чего вновь возникнет эта же проблема. Эффективность указанного вида наказания очень мала и не будет оправдана теми затратами, которые предполагаются для организации введения этого вида наказания. Представляется, что было бы проще исключить ограничение свободы из системы наказаний УК РФ.

Как уже было указано, перечень видов наказаний является исчерпывающим, в то же время «с 1 января 1997 г. не могут применяться к осужденным такие виды наказаний, как обязательные работы, ограничение свободы и арест» [4]. Несмотря на то, что законом был установлен срок, с которого указанные виды наказания должны были применяться, он не был соблюден, т.к. у государства так и не появились средства на создание необходимых условий для исполнения этих видов наказания. Между тем такое положение создает определенные сложности в судебной практике.

Одним из ярких примеров сложностей, возникающих в судебной практике, является статья 157 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, предусматривает наказание в виде обязательных работ, либо исправительных работ, либо ареста. По известным обстоятельствам обязательные работы и арест не могут быть применены, а назначать наказание в виде исправительных работ, назначаемых лицам, не имеющим основного места работы, по абсолютному большинству дел является нецелесообразным, поскольку осужденный, как правило, не работает, в силу чего у него и образуется указанный состав преступления.

На первоначальном этапе введения в действие нового уголовного законодательства возникали сложности при рассмотрении дел в кассационной инстанции при той ситуации, когда суды первой инстанции при назначении наказания определяли осужденным те виды наказания, которые не могли быть назначены в силу запрета, установленного законом о введении в действие УК РФ. Такое решение суды первой инстанции мотивировали тем, что обязательные работы, ограничение свободы и арест указаны в санкциях определенных статей и не исключены из видов наказаний, перечисленных в ст. 44 УК РФ.

Само по себе такое суждение ошибочно и коль в законе, предусматривающем введение в действие Уголовного кодекса РФ, прямо указано на невозможность применения этих видов наказания, они и не должны применяться до тех пор, пока другим законом не будет установлено иное.

Следует еще раз отметить, что такие ошибки судами допускались крайне редко и только на начальном этапе действия УК РФ. В настоящее время подобных ошибок судами не допускается.

Но в настоящее время повсеместно существует практика применения наказания в виде исправительных работ лицам, имеющим постоянное место работы. Примером может служить «уголовное дело 2004 года по обвинению гражданина К.А. в совершении преступления, предусмотренного ст.115 ч.1 УК РФ, рассматриваемого Центральным судом г. Тулы. Имеющему постоянное место работы К.А., было назначено наказание в виде исправительных работ» [5], хотя санкция данной статьи предусматривает и возможность применения наказания в виде обязательных работ.

Сам собой напрашивается вывод, что для того чтобы не возникали подобные ситуации и в будущем, целесообразней было бы исключить вышеука-

занные виды наказаний из системы наказаний Уголовного Кодекса РФ. Либо наоборот, введение в кратчайшие сроки в действие норм, позволяющих применение наказания в виде обязательных работ и ареста, позволит более оперативно и справедливо решать вопросы с назначением наказания по тем составам преступлений, где эти виды наказания предусмотрены.

Ещё один вид наказания, который включён в систему наказаний Уголовного Кодекса, но не применяется в судебной практике - смертная казнь. Этот исключительный вид наказания предусмотрен законом за несколько составов преступлений. Смертная казнь остается «исключительной мерой наказания» [6] в УК РФ 1997 г.

Право на жизнь – конституционное право человека и гражданина (ст. 20 Конституции РФ), и лишен он этого права может быть только в исключительных случаях по решению суда при совершении особо тяжких преступлений против жизни. Сегодня споры о том «быть или не быть» смертной казни поутихли, но проблема не стала от этого менее значимой.

Всем известно, что с учетом того, что Россия в феврале 1996 г. была принята в Совет Европы, возник вопрос о разработке и принятии законов о приостановлении исполнения приговоров, по которым назначена смертная казнь, а в дальнейшем – об отмене смертной казни, поскольку в соответствии с Конституцией РФ «смертная казнь является временной мерой наказания и применяется впредь до полной ее отмены» [7].

Президентом РФ 16 мая 1996 г. был издан Указ № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» [8]. 27 февраля 1997 г. Президентом РФ издано распоряжение № 53-рп «О подписании Протокола № 6 (относительно отмены смертной казни) от 28 апреля 1983 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.», и 5 мая 1997 г. этот протокол от имени Российской Федерации подписан постоянным представителем России в Совете Европы. Протокол № 6 к Европейской конвенции рекомендует отмену смертной казни в государстве в мирное время.

Говорить о том, что смертная казнь в России однозначно отменена, пока преждевременно. Конституционный Суд РФ в своем решении руководствовался тем, что граждане России находятся не в равных условиях при осуществлении права на защиту.

У судей, в большинстве своём, нет однозначного отношения к смертной казни. С одной стороны, им было бы проще работать, если бы смертную казнь вообще отменили, поскольку не ими дана жизнь, то и не им ее отбирать. С другой стороны, как иначе поступать с человеком, который опасен для общества тем, что, оказавшись снова на свободе, будет продолжать сеять смерть. Пожизненное лишение свободы, по сути, есть изгнание общества от опасного преступника, но где гарантия, что при нашем нестабильном законодательстве он когда-нибудь не окажется на воле. Отмена смертной казни в России - чисто политическое решение, и с позиции поднятия престижа страны в мире в нем есть разумный момент. С точки зрения предупреждения

преступности, смертная казнь являлась сдерживающим фактором, своего рода дамокловым мечом, хотя страх смерти не всегда останавливает, поскольку каждый преступник в душе надеется, что уж ему-то удастся избежать наказания. И все-таки, если человек решается на убийство и знает, что жизнь у него не отнимут, его уже точно ничто не остановит. Так что, думаю, в России еще не созрели условия для окончательной отмены смертной казни.

Вывод можно сделать только один - в системе наказаний Российского Уголовного права давно назрело проведение радикальной реформы. Важно принять только одно правильное решение. Либо существующие на бумаге и не применяемые на практике виды наказаний начнут применяться, для чего необходимо внесение изменений в УИК РФ, принятие ряда законов, которые создадут законодательную базу для возможности применения судами видов наказаний в виде обязательных работ, ареста, ограничения свободы и смертной казни и последующего исполнения этих наказаний. Либо вышеперечисленные виды наказания просто исключат из существующей системы наказания.

Примечания

1. Уголовный кодекс РФ, 1997. Ст.43. ч.1.
2. С.А. Разумов Практика назначения наказания . Учебно- практическое пособие. Институт международного права и экономики. М.2001.С.5.
3. С.А. Разумов Практика назначения наказания . Учебно- практическое пособие. Институт международного права и экономики. М.2001.С.5.
4. В ст. 4 Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 27 декабря 1996 г. №161-ФЗ) указано: «Положение настоящего Кодекса о наказаниях в виде обязательных работ, ограничения свободы и ареста вводятся в действие федеральным законом после вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации по мере создания необходимых условий для исполнения этих видов наказания, но не позднее 2001 года» (СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2955; 1997. № 1. Ст. 2).
5. Архив Центрального Суда г.Тулы.
6. Уголовный Кодекс РФ. 1997, ст.59.
7. Конституция РФ. 1993, ст.20 ч.2.
8. СЗ РФ. 1996. № 21. Ст. 2468.

РАЗЪЯСНЕНИЯ МИНФИНА: ВОЗМОЖНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ФИНАНСОВОГО РЕСКРИПТА РОССИИ?

А. Е. Рыжанкова

Российская правовая академия Министерства юстиции РФ (г. Москва)

В России в настоящее время для финансово-хозяйственной деятельности организации все большее значение приобретает процедура налогового планирования. Одной из основ налогового планирования является минимизация налогообложения. Так как провести грань между минимизацией налогообложения и уклонением от уплаты налогов становится все сложнее, проблема возможности злоупотребления правом при осуществлении оптимизации налогообложения, как со стороны налогоплательщика, так и со стороны налогового органа становится все более актуальной. Для предотвращения злоупотребления правом в налоговых правоотношениях в экономически развитых странах существует правовой институт, в основе которого лежит право налогоплательщика заранее узнать о правомерности используемой схемы финансовой деятельности или о последствиях совершения сделок. Эта процедура носит название фискального рескрипта.

Суть фискального рескрипта заключается в возможности налогоплательщика направить налоговому органу запрос о правомерности операции, которую он намеревается совершить в будущем. Любой налогоплательщик имеет возможность получить письменную консультацию в налоговой администрации еще до заключения контракта или соглашения, представив ей все необходимые документы. Администрация в ответе должна указать, усматривает ли она в операции признаки злоупотребления правом [1].

Возможно использование данного института в России? В статье 111 Налогового кодекса РФ указано, что выполнение налогоплательщиком письменных разъяснений о порядке исчисления, уплаты налога (сбора) или по иным вопросам применения законодательства о налогах и сборах, данных ему либо неопределенному кругу лиц финансовым, налоговым или другим уполномоченным органом государственной власти освобождает от налоговой ответственности. После изменений внесенных в Налоговый кодекс РФ уполномоченным органом, имеющим право давать письменные разъяснения, является Минфин России. Следовательно, письменные разъяснения Минфина РФ данные непосредственно заинтересованному налогоплательщику или неопределенному кругу лиц и касающиеся порядка исчисления, уплаты налога (сбора) должны являться оправдательным документом для налогоплательщика и барьером для злоупотребления налогового органа. Однако ФНС России отмечает, что данные Минфином России «...письменные разъяснения не содержат правовых норм или общих правил, конкретизирующих нормативные предписания, и не являются нормативными правовыми актами вне зависимости от того, дано ли разъяснение конкретному заявителю либо неоп-

ределенному кругу лиц. Указанные письма имеют информационно-разъяснительный характер по вопросам применения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах и не препятствуют налоговым органам, налогоплательщикам, плательщикам сборов и налоговым агентам руководствоваться нормами законодательства о налогах и сборах в понимании, отличающемся от трактовки, изложенной Минфином России»[2]. По нашему мнению, ссылка налогового органа на отсутствие нормативности в указанных письмах не может служить основанием для отказа налогоплательщику в признании данных писем надлежащими разъяснениями в силу ст. 111 Налогового кодекса РФ.

В правоприменительной практике сложились свои критерии определения понятия «письменные разъяснения». Так, к письменным разъяснениям суды отнесли:

1. Письма Министерства финансов, Федеральной налоговой службы, действующие письма Министерства по налогам и сборам (Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 24 апреля 2007 г. N Ф08-1854/07- 792А, Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 4 октября 2006 г. N А42-13755/2005, Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 18 ноября 2005 г. N КА-А40/11347-05-П) »[3]

2. Методические рекомендации, инструкции, утвержденные ФТС РФ, МНС РФ или Минфином РФ (Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 6 сентября 2006 г. N А65-200/2006-СА2-9, Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 3 мая 2005 г. N КА-А40/3164-05)» [4].

По - прежнему спорным является вопрос о признании в качестве письменных разъяснений актов выездной налоговой проверки. Судьи до сих пор не выработали единого подхода к данному вопросу. Так в постановлении Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 21 декабря 2005 г. N Ф08-6088/05-2400А» [5] указано: «Результаты указанных проверок не являются обстоятельством (письменным разъяснением по вопросам применения законодательства о налогах и сборах), исключающим вину общества в совершении налогового правонарушения». И в то же время в решении Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа отмечено: «Таковыми письменными разъяснениями возможно признать акты предыдущих выездных налоговых проверок, в которых не указывалось на неправильное исчисление налога, исчисляемого так же, как и в рассматриваемом случае, за который налогоплательщик привлекается к ответственности, поскольку из них налогоплательщик может сделать вывод о правомерности своих действий». Суд не просто делает вывод о возможности признания в качестве разъяснений акта выездной налоговой проверки, из решения суда можно сделать вывод, что отсутствие прямого указания на неправильное исчисление налога в предыдущих актах выездной налоговой проверки является основанием для

признания решения о привлечении к налоговой ответственности по исчислению этого же налога недействительным.

Отдельные авторы указывают свой набор отличительных признаков письменного разъяснения. В частности, оно должно носить конкретный характер, быть адресовано непосредственно налогоплательщику или неопределенному кругу лиц, исходить от уполномоченного государственного органа, быть оформлено в письменном виде и иметь исходящий номер, дату и подпись руководителя государственного органа (его заместителя) или другого уполномоченного должностного лица [6]. Однако судебная практика толкует определение «разъяснения» еще более широко. К письменным разъяснениям Федеральный арбитражный суд Волго-Вятского округа [7] относит разъяснение должностного лица, опубликованные в газете. А Федеральный арбитражный суд Поволжского округа [8] отмечает, что «опубликование в газете "Городские вести" таблицы удельных показателей кадастровой стоимости земель города Волгограда, является доведением до сведения налогоплательщика кадастровой стоимости земельного участка», следовательно, если в данных таблицах будет содержаться ошибка, впоследствии повлекшая неверный расчет налога, налогоплательщик не может быть привлечен к налоговым санкциям.

Следует отметить, что «разъяснения в компьютерной системе "Консультант Плюс", как на основании освобождения от ответственности, предусмотренное подпунктом 3 пункта 1 статьи 111 НК РФ, не являются обстоятельством (письменным разъяснением по вопросам применения законодательства о налогах и сборах), исключаящим вину предприятия в совершении налоговых правонарушений» (Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 22 марта 2004 г. N A05-9051/03-20) [9]

На основании изложенного, можно сделать следующие вывод: письменным разъяснением, уполномоченного компетентного органа освобождающим от налоговой ответственности является разъяснение Минфина России или иного уполномоченного органа, изданное в форме письма, методических рекомендаций или инструкций, носящее конкретный характер и адресованное непосредственно налогоплательщику или неопределенному кругу лиц.

Примечания

1. В.А. Соловьев. Разъяснения Минфина России: на пути к фискальному рескрипту // «Ваш налоговый адвокат» - 2007 г. - № 5

2. Письмо ФНС РФ от 14.09.07 № ШС-6-18/716@ «О порядке применения разъяснений Минфина России по вопросам законодательства о налогах и сборах» // "Учет. Налоги. Право". Приложение "Официальные документы" от 16 октября 2007 г. N 38

3. ПБ «Грант»

4. ПБ «Гарант»

5. ПБ «Гарант»

6. Фороский Б.М. Разъяснения государственных органов как обстоятельства, исключающие вину лица в совершении налогового правонарушения // Финансовые и бухгалтерские консультации. - 2006. - № 6.

7. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22 марта 2004 г. N А43-12512/2003-32-583 // ПБ «Гарант»

8. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 15 мая 2007 г. N А12-16235/06 // ПБ «Гарант»

9. ПБ «Гарант»

ЗАЩИТА ПРАВА НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

Е. Ю. Серкова

Институт философии и права СО РАН

Эффективность защиты конституционного права на свободу и личную неприкосновенность человека связана с проблемой соотношения нормоконтроля КС РФ и конституционных (уставных) судов субъектов РФ, нормоконтроля судов общей юрисдикции. Критериями разграничения нормоконтроля между указанными судами являются: 1. *масштаб правовой оценки* (проверка на соответствие Конституции РФ, на соответствие конституции (уставу) субъекта РФ, на соответствие нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу); 2. *правовые последствия нормоконтроля* (признание нормативного правового акта недействительным и утратившим свою юридическую силу, признание его недействующим и не подлежащим применению; окончательность решения либо, имеющаяся у компетентных органов, возможность его пересмотра); 3. для абстрактного нормоконтроля и *субъективный состав возможных его инициаторов* (высшие органы государственной власти РФ и субъектов РФ либо органы государственной власти субъекта РФ и органы МСУ, либо вышеперечисленные органы, граждане и организации) [1].

При определении компетенции органов федеральной судебной административной юрисдикции и органов региональной конституционной юрисдикции основная проблема заключается в том, что *к компетенции судов общей юрисдикции относится проверка в порядке абстрактного нормоконтроля нормативных актов регионального и муниципального уровня на предмет их соответствия нормативным актам, имеющим большую юридическую силу. Обычно суды общей юрисдикции по делам об оспаривании региональных и местных нормативных актов проверяют их на предмет соответствия федеральному законодательству. Отметим, суды общей юрисдикции не вправе проверять конституции (уставы) субъектов РФ на их соответствие феде-*

ральному законодательству. Конституционные (уставные) суды разрешают дела о соответствии нормативных актов регионального и местного уровня только конституции (уставу) субъекта РФ.

Особенности рассмотрения дел об оспаривании нормативных актов следующие:

1) в заявлении, поданном в суд дополнительно к требованиям, предусмотренным ст.131 ГПК РФ должно быть указано, какие права и свободы гражданина или неопределенного круга лиц нарушаются актом или его частью. При этом оспариваемая норма должна объективно затрагивать их интересы, т.е. регулировать те отношения, субъектами которых они являются.

2) наличие спора о праве частном (гражданском, семейном, жилищном и др.) исключает возможность рассмотрения такого рода дел по правилам производства, возникающего из публичных правоотношений

3) запрет на рассмотрение данных дел в заочном производстве, поскольку суд не может поставить разрешение дела в зависимость лишь от явки или неявки в судебное заседание участвующих в них лиц и от представленных только ими доказательств.

4) признание требования органом или должностным лицом для суда обязательно (ч.3 ст.252 ГПК). Суд независимо от признания требования заявителя, продолжить разбирательство дела, выяснить все обстоятельства, имеющие значение для его правильного разрешения и вынести решение в соответствии с правилами ст. 253 ГПК

5) отказ лица, обратившегося в суд от своего требования не влечет прекращения производства по делу. Предметом судебного оспаривания могут быть только действующие нормативные правовые акты. 6) Гл.24 ГПК РФ определяет порядок оспаривания только нормативных правовых актов, ненормативные (индивидуальные) акты оспариваются в порядке гл. 25 ГПК РФ. 7) для оспаривания нормативных актов ГПК РФ не установлен какой-либо срок для обращения в суд.

Согласно ч.3 ст.251 ГПК суды общей юрисдикции имеют право проверять в порядке абстрактного нормоконтроля *любые нормативные акты, проверка конституционности которых не отнесена к компетенции КС РФ*:

а) суд общей юрисдикции в соответствии с п.2 ч.1 ст.26, ст.245, 251 ГПК рассматривает дела об оспаривании нормативных актов субъектов РФ, затрагивающих права, свободы и законные интересы граждан и организаций, если ставится вопрос о соответствии их нормативным актам, имеющим большую юридическую силу (кроме Конституции РФ).

б) в *ст.251 ГПК РФ ничего не сказано относительно соблюдения компетенции конституционных (уставных) судов субъектов РФ*;

в) касаясь применения указанной статьи ГПК РФ, КС отметил, что *ч.1 ст.251 по своему конституционно-правовому смыслу не предполагает отказ суда, в том числе ВС РФ, в принятии заявления или возвращение заявления о признании незарегистрированного и неопубликованного в установленном порядке акта органа власти или должностного лица противоречащим закону*

полностью или в части в случае, если заявитель считает, что этот акт, как содержащий обязательные правила поведения, адресованные персонально не определенному кругу лиц и рассчитанные на многократное применение, нарушает его права и свободы, гарантированные Конституцией РФ, законами и другими нормативными правовыми актами; [2];

г) подчеркивая исключительное полномочие КС РФ проверять соответствие Конституции РФ конституций и уставов субъектов РФ (ст.125 ч.2 Конституции РФ), в отношении прокурора как инициатора нормоконтроля суда общей юрисдикции, КС указал, что прокурор не вправе обращаться в суд общей юрисдикции с заявлением о признании положений конституций (уставов) субъектов РФ противоречащими ФЗ. [3].

д) если с заявлением обращается гражданин, организация, суд вправе проверить акт, на его соответствие Конституции, законам и иным нормативным актам, при обращении других инициаторов акт проверяется только на соответствие закону (данное упущение законодателя требует устранения);

е) суды обязаны обращаться в КС РФ, если возникнут сомнения относительно конституционности ФЗ, в отношении правовых актов ниже уровня ФЗ, перечисленных в ст.125 (п. «а» и «б» ч.2) Конституции РФ позиция КС РФ иная: допускается право законодателя специально предусматривать осуществление судами общей юрисдикции вне связи с рассмотрением конкретного дела полномочий по проверке указанных правовых актов на соответствие актам большей юридической силы, кроме Конституции РФ. [4];

ж) в постановлении КС РФ от 11.04.2000г. №6-П по делу о проверке конституционности отдельных положений п.2 ст.1, п.1 ст.21 и п.3 ст.22 ФЗ «О прокуратуре РФ» в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ признал соответствующим Конституции РФ положение ст.22 ФЗ «О прокуратуре РФ» в части наделяющей суды общей юрисдикции полномочием признавать закон субъекта РФ противоречащим ФЗ, недействительным и утрачивающим юридическую силу [5].

Заметим, суды общей юрисдикции не имеют в настоящее время законно установленных полномочий по проверке соответствия нормативных актов ниже уровня ФЗ иному, имеющему большую юридическую силу, акту, кроме Конституции РФ, поскольку, во-первых, данные полномочия должны быть предоставлены только ФКЗ (исходя из положений ч.3 ст.128 Конституции РФ, ст.20 ФКЗ «О судебной системе РФ», позиции КС РФ, изложенной в постановлении от 16.06.1998г. №19-П), который отсутствует; во-вторых, в постановлении КС РФ от 11.04.2000г. №6-П КС РФ фактически признал, что постановление от 16.06.1998г. №19-П не распространяется на случаи, когда полномочия судов общей юрисдикции по проверке соответствия закона субъекта РФ федеральному закону вытекает из ГПК РСФСР. Аргументом КС РФ является то, что ГПК РСФСР принят до вступления в силу Конституции РФ. Согласно ее «Заключительным и переходным положениям», в части, не противоречащей Конституции РФ, применяются законы и другие правовые акты, действовавшие ранее на территории РФ.

От оспаривания нормативных актов в порядке производства по делам, возникающим из публичных правоотношений следует отличать оспаривание нормативных актов, регулирующих спорное правоотношение по делам о защите конкретного права. При разрешении спора, содержанием которого является конкретное право, суд вправе отказаться от применения того или иного нормативного акта по мотиву несоответствия его нормативному акту, имеющему большую юридическую силу. При этом отвергнутый нормативный акт не признается недействующим и не подлежащим применению при разрешении других дел.

Суд вправе непосредственно применять нормы более высокого уровня, включая региональную конституцию (устав), Конституцию РФ. При выявлении несоответствия действующего нормативного регулирования отношений конституционным нормам суд может:

1) применить непосредственно норму Конституции РФ. В данном случае Конституция выступает как непосредственно действующее право, а права и свободы защищаются неприменением закона, явно (очевидно) противоречащего Конституции.

2) использовать правовые позиции КС РФ и конституционного (уставного) суда соответствующего субъекта, сформулированные в их решениях, сохраняющих свою силу.

Вместе с тем, независимо от того, разрешил суд дело по существу или нет, он обязан обратиться в КС РФ с запросом для официальной дисквалификации неконституционного закона. Поскольку суд при разрешении дела о защите конкретного права может прийти к выводу о несоответствии нормативного акта нормам региональной конституции (устава) целесообразно в ГПК, законе субъекта о конституционном (уставном) суде закрепить обязанность суда обращаться в орган конституционной юстиции субъекта для официальной дисквалификации акта, противоречащего, по мнению суда, основному закону субъекта.

Сегодня вопрос о разграничении полномочий между судами до конца не решен. Практика требует принятия ФКЗ о полномочиях судов общей юрисдикции.

Литература

1. См: Осокина Г.Л. Проблемы разграничения полномочий Конституционного суда РФ и других федеральных судов // Состояние и проблемы российского законодательства: Сб.статей / Под ред. В.Ф. Воловича. Томск, 1998. С.65.

2. См: определение КС РФ от 02.03.2006г. № 58-О по жалобе гр. Смердова С.Д. на нарушение его конституционных прав ч.1 ст.251 ГПК РФ//Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. №4.

3. См: постановление КС РФ от 18.07.2003г. №13-П по делу о проверке конституционности положений ст.115 и 231 ГПК РСФСР, ст.26, 251 и 253

ГПК РФ, ст.1, 21 и 22 ФЗ «О прокуратуре РФ» в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая республики Башкортостан, Государственного Совета республики Татарстан и Верховного Суда республики Татарстан//Российская газета. 2003. 29 июля.

4. См: постановление КС РФ от 16.06.1998г. №19-П по делу о толковании отдельных положений статей 125,126 и 127 Конституции РФ//Российская газета. 1998. 30 июня.

5. Российская газета. 2000.27 апреля.

ГРАФФИТИ: ПОРЧА ИМУЩЕСТВА ИЛИ ОБЪЕКТ АВТОРСКОГО ПРАВА?

В. А. Удалкин

Российский государственный институт
интеллектуальной собственности (г. Москва)

Как известно, имеющиеся в законодательстве нормы часто не могут обеспечить адекватного правового регулирования отношений, складывающихся по поводу тех или иных новшеств, которые постоянно возникают в различных сферах человеческой деятельности. В сфере художественного творчества к указанным новшествам сегодня может быть отнесено такое авангардное урбанистическое направление в изобразительном искусстве как искусство граффити. Имея широкое распространение по всему миру, в России граффити также за последние несколько лет стало в среде молодёжи одним из популярных средств творческого самовыражения. Однако, не смотря на это, правовая квалификация результатов деятельности художников, специализирующихся на граффити, связана с рядом проблемных вопросов, некоторые из которых мы и рассмотрим.

Как произведения изобразительного искусства граффити представляют собой рисунки, либо надписи характерного вида, выполненные в броской экспрессивной манере, как правило, яркими красками на стенах различных зданий и помещений, заборах, транспортных средствах.

Из данного определения видно, что граффити относится к произведениям живописи, которые в силу прямого указания закона входят в круг объектов авторского права (п. 1 ст. 7 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах» (далее – ЗоАП РФ), п. 1 ст. 1259 IV части ГК РФ). Однако это вовсе не значит, что граффити как произведения живописи следует сразу же причислить к произведениям, охраняемым авторским правом. Необходимо, установить соответствие граффити условиям предоставления произведениям авторско-правовой охраны.

Первым условием является необходимость существования произведения в какой-либо объективной форме (п. 1 ст. 6 ЗоАП РФ, п. 3 ст. 1259 IV части ГК

РФ). Объективная форма граффити выражается в виде соответствующих изображений, которые могут быть созданы на поверхностях различных вещей. При этом важно то, что данные вещи (наиболее используемые для создания граффити вещи мы указали выше) обладают самостоятельной функциональной ценностью и изначально не рассчитаны для нанесения на них граффити.

Вторым условием предоставления произведению авторско-правовой защиты является требование о создании произведения в результате творческого труда (п. 1 ст. 6 ЗоАП РФ, ст. 1257 IV части ГК РФ), выражающегося согласно доктрине в наличии у произведения таких характеристик как уникальность, неповторимость и новизна.

Поскольку большинство граффити представляют собой надписи, то есть буквы, изображаемые, как правило, в соответствии с каким-нибудь стилем рисования граффити (дикий стиль, трёхмерный стиль и др.), то возникает вопрос о возможности присутствия уникальности, неповторимости и новизны в граффити-надписях, состоящих из букв, которые к тому же написаны в соответствии с определённым стилем?

В общем виде (то есть не обязательно, что в каждом конкретном случае) ответ на данный вопрос является положительным, так как стили граффити-надписей не имеют ничего общего со шрифтами и допускают вариативность, достаточную для того, чтобы создавать надписи, не похожие друг на друга. К тому же цветовая составляющая зачастую играет более значительную роль во внешнем виде граффити-надписей, чем форма их букв.

Таким образом, получается, что в общем виде граффити соответствует требованиям закона, предъявляемым к охраняемым произведениям, и потому подлежит охране авторским правом. Однако возможность представления данной охраны для всех граффити, обладающих признаками объекта авторского права, ставится под сомнение тем обстоятельством, что многие граффити создаются с нарушением прав других лиц (нелегальные граффити).

Райтеры (от англ. write – писать), как называют создателей граффити, часто наносят свои изображения на поверхности указанных выше вещей при отсутствии на то согласия собственников этих вещей, что помимо нарушения правомочий собственников по пользованию имуществом (ст. 209 ГК РФ), причиняет также вред данному имуществу (ст. 1064 ГК РФ). Создание граффити при таких обстоятельствах в зависимости от ситуации может быть признано либо административным правонарушением (ст. 7.17, ст. 20.1 КоАП РФ), либо уголовным преступлением (ст. 167, ст. 213, ст. 214, ст. 243 УК РФ).

В связи с этим возникает закономерный вопрос о возможности граффити (а также любого другого произведения), созданного с нарушением каких-либо прав третьих лиц, что помимо прочего влечёт возникновение административной или уголовной ответственности, быть объектом авторско-правовой охраны.

В связи с отсутствием прямого ответа на данный вопрос в специальных нормах авторского права, которые говорят о недопустимости нарушения

только авторских прав на другие произведения, а о нарушениях любых других прав умалчивают, обратимся к общим положениям гражданского права.

Ст. 10 ГК РФ указывает на недопустимость злоупотребления правом, а также предоставляет суду возможность отказать лицу в защите, принадлежащего ему права, возникшего или реализованного в результате злоупотребления.

Очевидно, что райтер, изобразивший граффити на чужом имуществе при отсутствии на то согласия собственника этого имущества, является лицом, злоупотребившим своим правом на творчество (ст. 10 «Основ законодательства РФ о культуре») и свободой художественного творчества (п. 1 ст. 44 Конституции РФ). Соответственно, авторские правомочия, возникшие у этого райтера при указанных обстоятельствах, в силу ст. 10 ГК РФ будут лишены защиты, что фактически означает отсутствие у нелегального граффити авторско-правовой охраноспособности.

Справедливость такого положения дел бесспорна. Не смотря на то, что ст. 10 ГК РФ предоставляет суду только возможность отказать в защите права, в случае с нелегальным граффити отказ в защите авторских прав представляется неизбежным. На наш взгляд, сложно найти какие-либо объективные причины, по которым суд не станет реализовывать данную ему возможность в отношении прав, возникших в результате совершения административного правонарушения или преступления. К тому же маловероятно то, что на практике какой-нибудь райтер вообще решит обратиться в суд за защитой авторских прав на своё нелегальное граффити, рассчитывая при этом убедить суд в отсутствии необходимости применения ст. 10 ГК РФ.

Более того, согласно п. 3 ст. 17 Конституции РФ, осуществление прав и свобод человека и гражданина (в нашем случае – осуществление конституционной свободы художественного творчества) не должно нарушать права и свободы других лиц (в нашем случае – права собственности). Применение данного конституционного положения исключает в принципе наличие авторско-правовой охраноспособности у нелегального граффити, что соответственно исключает нелегальные граффити из круга объектов, охраняемых авторским правом. Следовательно, объектом авторского права, охраняемым законом, может быть граффити, создание которого на поверхности соответствующей вещи было одобрено собственником данной вещи (его представителем).

ИСТОРИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНА «КОРПОРАЦИЯ» В СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ

Д. А. Денеко

Новосибирский государственный университет

Все чаще в отечественной правовой литературе и практических пособиях можно встретить термин «корпорация» и производные от него термины. Растущий интерес предпринимателей к правовому регулированию управления объединенной собственностью множества лиц побуждает исследователей пересматривать уже существующие теоретические концепции корпоративных отношений и разрабатывать новые.

Корпорация как правовой институт имеет глубокие исторические корни, ее современное легальное закрепление и доктринальное понимание в рамках различных правовых систем не отличается однозначностью подходов. Современное российское корпоративное право создавалось практически с нуля и могло использовать богатый опыт русского дореволюционного и раннего советского законодательства, права стран континентальной и англосаксонской систем. Однако процесс теоретической разработки был во много осложнен самим отечественным законодателем, которого нельзя было назвать последовательным в единообразном и ясном употреблении терминов. Начиная с 1991 года, термин «корпорация» (истории использования которого и посвящена данная статья) встречается в нормативно-правовых актах самого разного уровня и в самых различных значениях.

За 1989-1990 годы термин «корпорация» в нормативно-правовых актах СССР был употреблен только дважды (без раскрытия его точного содержания): в Постановлении Совмина СССР от 18.11.1989 N 1011 "Об утверждении устава государственного газового концерна "Газпром" и Постановлении Совмина СССР от 21.11.1990 N 1174 "Об образовании акционерных обществ в металлургии".

Косвенно, определение корпорации было дано в Законе РСФСР от 25.12.1990 N 445-1 "О предприятиях и предпринимательской деятельности". Согласно п. 1 и 2 ст. 13 Закона можно было выделить три положения, характеризующие "объединения предприятий":

- 1) они могли создаваться на договорной основе в целях расширения возможностей предприятий в производственном, научно-техническом и социальном развитии;
- 2) предприятия, добровольно входящие в состав объединения, сохраняли свою самостоятельность и права юридического лица;
- 3) руководящие органы объединения не обладали распорядительной властью в отношении предприятий, входящих в объединение, и выполняли свои функции на основании договоров с предприятиями.

Несмотря на то, что в данном Законе термин «корпорация» не употреблялся вообще, в последующих подзаконных нормативно-правовых актах корпорации характеризовались именно как «объединения предприятий». Вплоть до середины 1992 года, нормативно-правовые акты различного уровня так или иначе давали единое определение как формы объединения предприятий, создаваемого по инициативе государства или частных лиц. В качестве типичных примеров можно привести следующие документы:

- В ст. 4, 6, 7 Закона Российской Федерации от 3 июля 1991 г. N 1531-1 "О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации" корпорация, наряду с государственными концернами и ассоциациями, отнесена к «хозяйствующим субъектам».

- Исходя из названия и пп. 1 и 2 Постановления Верховного Совета РСФСР от 11 октября 1991 г. N 1737-1 "Об упорядочении создания и деятельности ассоциаций, концернов, корпораций и других объединений предприятий на территории РСФСР" под корпорацией понимается объединение юридических лиц.

- Указом Президента РСФСР от 15 ноября 1991 N 212 "О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)" создаваемым на основе данного указа комиссиям было дано право «привлекать к работе по разрешению коллективных трудовых споров руководителей и работников министерств и ведомств РСФСР, ассоциаций, концернов, корпораций и других объединений предприятий.»

- Постановлением Правительства РСФСР от 02 декабря 1991 N 30 была образована государственная корпорация "Росхимнефть", в состав которой должны были войти на добровольной основе предприятия и организации химической, нефтехимической и нефтеперерабатывающей промышленности, расположенные на территории РСФСР, независимо от их ведомственной принадлежности. Данный нормативно-правовой акт представляет особый интерес т.к. впервые в новом отечественном законодательстве объединение предприятий названо самостоятельным юридическим лицом, осуществляющим свою деятельность на принципах хозрасчета (что несколько противоречило содержанию упомянутого выше Закона РСФСР "О предприятиях и предпринимательской деятельности").

Ситуация резко изменилась 7 августа 1992 г., когда Президентом РФ был издан Указ № 826 "О мерах по формированию федеральной контрактной системы", согласно которому в целях создания механизма государственных закупок товаров для государственных нужд и государственной поддержки отдельных производств и направлений деятельности Государственному комитету РФ по управлению государственным имуществом поручалось учредить до 1 октября 1992 г. акционерные общества "Федеральная контрактная корпорация «Росконтракт» "(АО "Росконтракт") и "Федеральная контрактная корпорация Росхлебопродукт" (АО "Росхлебопродукт") [1]. А в соответствии с Указом Президента РФ от 2 февраля 1993 г. N 184 "О создании государственной инвестиционной корпорации" была образована одноименная органи-

зация, по своей организационно правовой форме являвшаяся государственным предприятием. Наряду с этим в ст. 4 Федерального закона от 2 декабря 1994 г. N 53-ФЗ "О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд" предусматривалась возможность создания продовольственных корпораций, которые и с точки зрения организационно-правовой формы юридических лиц, и по сути являлись государственными учреждениями [2].

Нормативно-правовые акты, определявшие корпорацию как объединение юридических лиц, продолжали действовать вплоть до 1994 г. С принятием нового Гражданского Кодекса, корпорация официально перестала считаться формой объединения юридических лиц, т.к. в ст. 121 Кодекса таковыми были названы только ассоциация и союз. Термин «корпорация» продолжал употребляться в наименованиях акционерных обществ, государственных предприятий, учреждений и иных хозяйствующих субъектов различных организационно-правовых и имущественных форм, но никакого правового значения уже не имел.

Однако, федеральным законом от 8 июля 1999 г. N 140-ФЗ были внесены дополнения в Федеральный закон от 12 января 1996 г. N 7-ФЗ "О некоммерческих организациях". Данный нормативный акт установил новый вид некоммерческих организаций – государственные корпорации, не имеющие членства, учреждаемые Российской Федерацией на основе имущественного взноса и создаваемые для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций. Для их создания не требовалось учредительных документов, предусмотренных статьей 52 Гражданского кодекса Российской Федерации – роль устава был призван играть соответствующий закон, предусматривающий создание каждой конкретной государственной корпорации [3]. С этого момента и по сей день других толкований законодатель термину «корпорация» не давал.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В течение последних полутора десятилетий, термин «корпорация» в современном отечественном праве использовался, по большей части, бессистемно – корпорацией были названы объединения предприятий, акционерные общества, государственные предприятия, учреждения, учреждаемые государством некоммерческие организации. Законодателем также не принимались во внимание множество факторов, прямо или косвенно влиявших на процесс становления российского гражданского права.

2. Следствием такого многообразия предложенных законодателем трактовок стало то, что в современном отечественном праве отсутствует единый подход к данному предмету; отсутствует единый взгляд на то, как соотносятся понятия «корпорация» и «юридическое лицо», какие объединения лиц и капиталов можно считать корпорацией и, наконец, какие отношения между субъектами права можно с уверенностью отнести к корпоративным.

Примечания

1. Могилевский С.А. Корпорации в России: правовой статус. – М., 2006. – С.21.
2. Лялин Д.Ю. Право собственности государственных корпораций: монография. Под ред. Е.В. Блинковой. – М., Издательская группа "Юрист", 2005.
3. Интересную точку зрения по данному вопросу высказал Д.Ю. Лялин. В своей монографии «Право собственности государственных корпораций» он отметил, что «этим числом (8 июля 1999 г.) датируется подписание Президентом РФ Федерального закона N 144-ФЗ "О реструктуризации кредитных организаций". Настоящим актом открытое акционерное общество небанковская кредитная организация "Агентство по реструктуризации кредитных организаций" было преобразовано в одноименную государственную корпорацию. Такое совпадение скорее всего не случайно, потому что государственная корпорация как раз в той форме, в которой она предусмотрена нашими законодателями, больше всего подходила для выполнения целей, обозначенных Федеральным законом "О реструктуризации кредитных организаций". См.: Лялин Д.Ю. Право собственности государственных корпораций: монография. Под ред. Е.В. Блинковой. – М., Издательская группа "Юрист", 2005.

ДОГОВОР ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПАЕВЫМ ИНВЕСТИЦИОННЫМ ФОНДОМ: ПОНЯТИЕ И СПЕЦИФИКА

Ю. Б. Дидикина

ООО Управляющая компания «Надежные Инвестиции Капитала»

Наличие достаточного количества инвестиционных ресурсов, выступающих материальным первоисточником любого производства, является необходимым условием успешного развития рыночной экономики в целом и каждой отдельной ее отрасли. Однако создание любых схем, направленных на аккумулярование денежных средств для использования их в качестве инвестиционных ресурсов, должно сопровождаться надлежащим правовым регулированием с целью обеспечения стабильности гражданского оборота и надлежащего уровня защиты интересов инвесторов.

Одной из таких конструкций выступает паевой инвестиционный фонд (далее - ПИФ). По договору доверительного управления ПИФом учредители доверительного управления передают принадлежащее им имущество в доверительное управление для объединения его в имущественный комплекс, находящийся в общей долевой собственности учредителей - ПИФ, а доверительный управляющий (управляющая компания ПИФа) обязуется осуществлять за вознаграждение управление ПИФом в соответствии с условиями договора, по требованию учредителя управления выплатить ему денежную компенсацию, соответствующую стоимости доли данного учредителя в праве

общей собственности на ПИФ и/или иной доход от доверительного управления ПИФом в случаях, порядке и на условиях, предусмотренных действующим законодательством и договором доверительного управления.

Договор доверительного управления ПИФом, являясь разновидностью договора доверительного управления, обладает чертами, позволяющими охарактеризовать его как особый, специальный вид договора доверительного управления:

1. для договора ДУ ПИФом характерна особая конструкция правоотношений сторон, обусловленная множественностью лиц на стороне учредителя управления и отсутствием фигуры выгодоприобретателя, поскольку управление ПИФом осуществляется в интересах самих учредителей управления;

2. ДУ осуществляется в отношении особого объекта - ПИФа, имущественного комплекса, находящегося в общей долевой собственности учредителей ДУ ПИФом;

3. особый порядок заключения, изменения и прекращения договора;

4. специальные требования к составу и структуре имущества, которое может выступать объектом договора ДУ ПИФом;

5. особый порядок совершения управляющей компанией сделок с имуществом ПИФа, которые заключаются и исполняются под контролем специализированного депозитария ПИФа;

6. особый порядок распределения доходов от инвестиций и рисков между учредителями управления.

Договор доверительного управления ПИФом по своей правовой природе является реальным, возмездным и взаимным. Существенными условиями договора ДУ ПИФом являются положения, установленные правилами доверительного управления как офертой, которую акцептуют учредители управления, при этом перечень существенных условий значительно детализирован по сравнению с п.1 ст. 1016 ГК.

Процедура заключения договора доверительного управления ПИФом состоит из нескольких этапов. Первым шагом является публикация управляющей компанией правил ДУ ПИФом (п.2 ст. 53 Федерального закона "Об инвестиционных фондах" от 29 ноября 2001 год № 156-ФЗ – далее Закон), зарегистрированных ФСФР - документа, содержащего все существенные условия договора. Такая опубликованная информация, является публичной офертой (п.2 ст.437 ГК), а не рекламой и не предложением делать оферты, в связи с чем возникает вопрос о публичном характере данного договора (ст. 426 ГК). В настоящее время Законом прямо не установлена обязанность управляющей компании заключить договор с каждым учредителем управления, который к ней обратится, а сам договор в действующем законодательстве не характеризуется как публичный. Однако представляется, что договор доверительного управления ПИФом является публичным в силу публичного характера оферты на его заключение, а также в силу идентичности условий договора для всех учредителей

Вторым шагом к заключению договора является получение управляющей компанией акцепта учредителя управления на заключение договора (присоединение его к договору, уже действующему между управляющей компанией и другими учредителями). Согласно Закону, учредитель управления, ознакомившийся с публичной офертой управляющей компании, совершает следующие юридически значимые действия: направляет заявку управляющей компании или агенту по выдаче инвестиционных паев на приобретение паев (п.2 ст. 24 Закона), а также вносит имущество в состав ПИФа. Акцептом учредителем управления оферты управляющей компании является передача имущества в доверительное управление, т.е. совершение конклюдентного действия (п.3 ст. 438 ГК).

Согласно п.1 ст. 11 Закона, договор ДУ заключается путем присоединения учредителей ДУ к условиям договора, указанным в правилах ДУ. Таким образом, договор ДУ ПИФом в силу прямого указания закона отнесен к категории договоров присоединения (ст. 428 ГК). Такая конструкция является единственно возможной, в силу идентичности условий договора для всех учредителей управления, обусловленная их множественностью, а также потому, что договор между управляющей компанией ПИФа и всеми учредителями заключается не одномоментно, в результате чего учредители доверительного управления, акцептовавшие условия договора позже, могут присоединиться только к уже заключенному договору ДУ между управляющей компаний и теми учредителями, акцепт со стороны которых был произведен ранее.

В отношении структуры договорных связей ДУ ПИФом возникает вопрос: лежит ли в основе ПИФа единый договор управляющей компании со всеми пайщиками, либо множество отдельных договоров между управляющей компанией и каждым из пайщиков. Мнения исследователей по данной проблеме разделились – одни придерживаются первой концепции (так называемая концепция единого договора), большинство же – второй (соответственно концепции множества договоров).

Концепция множества договоров означает, что объектом договора ДУ между пайщиком и управляющей компанией должен быть не весь ПИФ, а только его часть – при этом, если учесть, что ПИФ является общим имуществом пайщиков, то соответственно доля в этом общем имуществе. Однако если считать, что управляющая компания осуществляет ДУ не ПИФом как таковым, а всеми долями в праве на него, то тогда она должна совершать действия по осуществлению и распоряжению именно долями, но на деле этого не происходит: напротив, управляющая компания осуществляет и распоряжается непосредственно всеми правами, входящими в ПИФ. Концепция единого договора обосновывает единство условий договора ДУ ПИФом для всех пайщиков наличием единого правоотношения и поднимает вопрос о том, как отдельный договор ДУ с отдельным пайщиком регулировать правомочия управляющей компании по ДУ всем ПИФом, а не только долей этого пайщика, как может он устанавливать обязанность пайщика участвовать во всех

расходах, связанных с ДУ всем ПИФом. С учетом правовой природы договора ДУ ПИФом как договора присоединения наиболее обоснованной представляется концепция множества договоров.

Таким образом, договор доверительного управления ПИФом представляет собой особый вид договора доверительного управления, регламентирующий отношения по доверительному управлению специфическим объектом – имущественным комплексом. Он заключается управляющей компанией с каждым, кто акцептует опубликованную ею публичную оферту (правила доверительного управления ПИФом). Данный договор является договором присоединения и считается заключенным, а права и обязанности сторон по нему считаются возникшими с момента совершения учредителем управления конклюдентного действия – передачи имущества в доверительное управление.

ПРАВО КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Е. Е. Максимова

Сибирский университет потребительской кооперации (г. Новосибирск)

Каждая культура владеет своей картиной мира – религиозного или философского характера, своей картиной общества, своим обликом человека, своей картиной отношения между человеком и обществом. Культуры отличаются друг от друга посредством радикального различия представления о ценностях. Право является одновременно причинным фактором культуры и ее результатом. Подобно тому, как некоторые общечеловеческие ценности рассматриваются в концептуальных рамках общей культуры, базовые ценностные установки в праве и ценности самого права можно рассматривать в качестве общих контуров правовой культуры любого общества.

История развития права как доминирующего регулятора общественных отношений в западноевропейском обществе свидетельствует о произошедшем изменении ценностной иерархии права: средство (юридический формализм) стало доминировать над целью (справедливостью).

Т.о. можно вести речь не только о кризисе права как важнейшего культурного феномена западноевропейского общества, но и острейшем кризисе самого общества, поскольку его единственная опора (т.к. религиозно – нравственный фактор и иные общественные регуляторы, необеспеченные государственным принуждением как на Востоке, не имеют определяющего значения) – не справляется с возложенной на неё функцией. Если форма остается без содержания: т.е. опоры на нравственные, морально этические нормы внутри национальных правовых систем и в международных отношениях, возникает возможность юридического произвола.

Восточные цивилизации, несмотря на существенные различия базовых ценностных установок в культуре (например, Китая, Индии и Исламского мира) более устойчивы, т.к. устойчивы их внутренние регуляторы. Т.е. основной массив отношений за некоторыми исключениями, регламентируемых юридическими нормами на Западе, на Востоке обеспечены иными регуляторами. Т.к. нравственные, религиозные, этические нормы в независимости от конкретного содержания исполняются по собственной воли и убежденности, не требуют обеспечения государственным принуждением, а также обладают свойствами стабильности и неизменности.

В связи со своеобразием отечественной духовности, а, следовательно, особенностями правосознания, интересна роль права как культурного феномена в России. Нет врожденной веры закон, тем ни менее роль права как регулятора общественных отношений как у любого европейского государства считается ведущей. Пусть без стройной религиозной системы как Ислам или морально – этической системы норм как в Китае, но сочетающие в себе и религиозность и моральность, базирующиеся на идеях «правды», «совести» и др. присущих русской культуре базовых идеях, - имеющиеся нравственные нормы обладают в общественных отношениях важнейшим значением.

Именно представителями отечественной дореволюционной мысли, такими как Ильин Иван Александрович, Соловьев Владимир Сергеевич, Новгородцев Павел Иванович и другими выдающимися мыслителями была предпринята попытка соединить и теоретически обосновать систему юридических норм и систему нравственных норм, объединить достоинства обеих регулятивных систем, сведя к минимуму их недостатки. Т.е. ими вкладывалось в понятие «право» качественно новое содержание, причем на прочных методологических основаниях, избегавших ошибок предшествующей европейской юридической мысли. Кроме того, гуманистический потенциал идей заложенных в работах данных мыслителей, на сотни лет опередил современную им правовую мысль, существовавшую в тот период времени в Европе, и не является реализованным на настоящий момент, и даже, к сожалению, в должной степени не исследован, если не сказать – забыт.

Из данных тезисов следуют выводы: Во-первых, необходимо учитывать, что право как специфический социальный регулятор развивается в рамках определенной культуры, которая выступает для него смысловым каркасом, т.е. использует право для защиты определенной системы ценностей и в тоже время наделяет определенной ценностью само право. Во-вторых, не смотря на некоторое взаимодействие правовых культур, основным их свойством является самодостаточность, "замкнутость на себя", несводимость их к чему-то "общечеловеческому", универсальному, в противном случае происходит разывание и растворение культуры, сопровождающие исчезновение этноса*. В-третьих, т.к. иерархия ценностей, являющаяся стержнем культуры западно-

* См.: Концепция философии права: науч. издание / В.П. Малахов. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. - С.243.

европейского общества существенно отличается от ценностей, лежащих в основе русской культуры – то непереносимыми на российскую почву являются и системообразующие идеи западной правовой культуры: идея свободы как политической свободы, а, значит, и идея гражданского общества и правового государства. Так, например, идея самоценности закона, т.е. верховенства права (позитивного), существующая на Западе сопровождается в т.ч. такими объективными предпосылками: стабильностью и предсказуемостью законов; юридической грамотностью населения; законопослушностью, а так же полным доверием гражданина к правовым структурам и готовностью обращаться к юридическим процедурам в личных и деловых отношениях. Без наличия данных объективных предпосылок в культуре, рожденных ею, сформированных и отточенных в ней самой в течение веков, реализация идеи правового государства невозможна и будет оставаться пустой декларацией.

Сказанное не означает проповедования правового нигилизма, но является призывом обратить внимание на феномен права как феномен определенной культуры, без соотнесения с западными образцами и использованием соответствующей терминологии в рамках предлагаемых устоявшихся концепций, а полностью самостоятельно. В противном случае будет оставаться огромный разрыв между теорией и законодательством (официальным правом, официальной системой ценностей) с одной стороны, – и реальным правопорядком (используемой в качестве направляющих идей иной системы ценностей) с другой.

РОДСТВО КАК ПРЕПЯТСТВИЕ К БРАКУ: ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ

К. А. Кириченко

Институт философии и права СО РАН

Одна из юридических характеристик родства – то, что оно является правопрепятствующим юридическим фактом в семейном праве. В различных правопорядках практически неизменно существовало одно общее препятствие к браку: наличие той или иной степени родства между будущими супругами.

В законодательстве современных государств нет единого подхода в определении круга кровных родственников, которые не могут находиться в брачных отношениях. Так, в Великобритании установлен запрет на брак между родственниками по прямой линии, а также по боковой линии до четвертой степени родства включительно; в Германии – для родственников по прямой линии, а также быть полнородными или неполнородными братом и сестрой; в Италии и Франции – для родственников по прямой линии, а также родственников по боковой линии до второй степени родства [1]. В Семейном ко-

дексе России (далее – СК РФ) (абз. 3 ст. 14) закреплено правило о недопущении браков между родственниками первой степени родства по боковой линии, а также между родственниками боковой линии родства до второй линии включительно [2]. Традиционным для семейного законодательства является также правило о недопустимости заключения браков между усыновителем и усыновленным, по крайней мере до тех пор, пока усыновление не отменено (абз. 4 ст. 14 СК РФ).

Возникает вопрос о возможности заключения браков между «родственниками по усыновлению» иными, чем усыновитель и усыновленный. Несмотря на то, что в соответствии со ст. 137 СК РФ усыновленный и его потомство по отношению к усыновителю и его родственникам приравниваются по правовому положению к родственникам по крови, указанное правило не распространяется на вопросы допустимости брачного союза. Здесь не должна применяться норма абз. 3 ст. 14 СК РФ, поскольку правила, направленные на регулирование отношений, возникающих при усыновлении, содержатся в абз. 4 ст. 14 СК РФ (иначе не было бы смысла говорить о запрещении брака между усыновителем и усыновленным, которые приравниваются к родителю и ребенку).

Кроме того, встает вопрос о возможности заключения браков между родственниками, ставшими таковыми в результате происхождения с помощью вспомогательной репродукции. СК РФ не дает на этот счет никаких указаний, однако возможны следующие рассуждения. При применении вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ), которые подразумевают включение третьих лиц в процесс рождения ребенка (доноров или суррогатной матери), у ребенка, рожденного таким образом, образуется связь между двумя группами лиц: кровными и социальными родственниками, а родителями ребенка могут быть записаны лица, не имеющие с ним кровной связи. Однако родство, вытекающее из такого «социального» родительства будет подпадать под действие абз. 3 ст. 14 СК РФ, т. е. здесь будут действовать нормы о запрете брачных отношений родственников по крови. Противоречие заключается в том, что для другой формы социального родства – родства, порождаемого усыновлением, при котором также отсутствует кровная связь между лицами, круг лиц, вступление в брак которых не допускается, уже. Не ясно также, какова судьба брака, заключаемого между детьми одного донора. Пока единственной нормой, направленной на предотвращение таких браков является положение Приказа Минздрава [3], в соответствии с которым рождение 20 детей от одного донора на 800 тыс. населения региона является основанием для прекращения использования этого донора для реципиентов этого региона.

На выработку верной позиции по вопросу о родстве, создаваемом при осуществлении ВРТ применительно к возможности заключения брака, может также быть направлено исследование целей соответствующих норм. Г. Ф. Шершеневич выделял четыре причины запрета на родственные браки: половое отвращение между близкими родственниками, заложенное в человеке на

уровне инстинкта; опасность вырождения; задача примирения и интеграции чуждых родов; стремление изгнать половые влечения в круг лиц, живущих вместе и, соответственно, устранить «повод к раздорам внутри семьи» [4]. В дальнейшем в науке семейного права в качестве мотивов введения запрета на кровнородственные браки также рассматривались как биологические (риск передачи наследственных заболеваний), так и этические факторы, при этом такой запрет, как указывалось, порождал невозможность заключения брака между родственниками даже в том случае, когда юридически отношения между ними не были установлены [5]. Дуалистическая – биосоциальная природа нормы о запрещении кровнородственных связей подчеркивается и представителями юридической антропологии [6]. При установлении запрета на браки между усыновителем и усыновленным, напротив, биологические факторы не учитываются, значение имеют лишь социальные, моральные причины. Брак между усыновителем и усыновленным «противоречит прежде всего нравственным началам, поскольку усыновитель рассматривается в качестве лица, заменяющего родителя ребенка» [7].

По нашему мнению, трактовку запрета на родственные браки необходимо связывать с видом родства, связывающего лиц. Таковое может быть биологическим (родство при «традиционной» репродукции или родство между донором и его потомством, юридически не имеющим с ним никакой связи) либо социальным (порождаемое усыновлением либо записью в качестве родителя ребенка, рожденного с помощью ВРТ, лица, не имеющего с ним кровной связи). Все ситуации, охватываемые родством в биологическом смысле должны подчиняться правилу, установленному в настоящее время абз. 3 ст. 14 СК РФ. Если же лица, вступающие в брак, связаны социальным родством в той или иной форме, на них должна распространяться норма, аналогичная абз. 4 ст. 14 СК РФ. На этом основании предлагается внести соответствующие изменения в законодательство, в частности, изложить ст. 14 СК РФ в следующей редакции:

«Не допускается заключение брака между:

(...) близкими кровными родственниками (родственниками по крови по прямой восходящей и нисходящей линии (родителями и детьми, дедушкой, бабушкой и внуками), полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и сестрами);

лицами, записанными в качестве родителей ребенка, но не имеющими с ним кровной связи, и таким ребенком (при рождении ребенка с помощью вспомогательных репродуктивных технологий, при усыновлении и т. д.).»

Наконец, возникает также вопрос о способах получения информации о наличии кровной связи, если таковая вызвана рождением ребенка с помощью ВРТ. Словацкие ученые Я. Дргонец и П. Холлендер отмечают: «...искусственное оплодотворение является не только искусственным, но и организованным вмешательством в репродуктивные процессы у человека. Поэтому оно не должно быть средством, увеличивающим статистическую вероятность случайных браков между кровными родственниками» [8]. В на-

стоящее время все медицинские организации, предоставляющие услуги вспомогательной репродукции, ведут учет соответствующих услуг, собирают данные о своих пациентах и т. д. Поэтому представляется возможным и целесообразным ведение реестра ВРТ, а также детей, родившихся в результате таких операций. При заключении брака органы загса могли бы получать информацию о наличии либо отсутствии препятствий к заключению брака через такой реестр, а ребенку, рожденному с помощью ВРТ, могло бы быть предоставлено право знать о своем действительном (биологическом) происхождении. Подобная практика уже имеет место в ряде западных стран [9]. Указанные вопросы приобретают не только теоретическую, но и практическую значимость, поскольку в СССР первый ребенок, зачатый с помощью ВРТ, появился на свет в 1986 г. [10], и в настоящее время как раз начинают вступать в брачный возраст те дети, которые были рождены благодаря технологиям вспомогательной репродукции.

Литература

1. См.: *Семейное право Российской Федерации и иностранных государств: Основные институты*. М.: Издание г-на Тихомирова М. Ю., 2004. С. 24–44.
2. См.: *Семейный кодекс Российской Федерации: Принят Гос. Думой 25 дек. 1995 г. // Собр. законодательства*. 1996. № 1. Ст. 16.
3. См.: *О применении* вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия: Приказ Минздрава РФ от 26 фев. 2003 г. // *Рос. газ.* 2003. № 84.
4. См.: *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. Т. 2. М.: Статут, 2005. С. 245–246.
5. См.: *Иоффе О. С.* Советское гражданское право. Ч. III. С. 204; *Шахматов В. П., Хаскельберг Б. Л.* Новый кодекс о браке и семье РСФСР. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 30 – 34.
6. См.: *Рулан Н.* Юридическая антропология. М.: Норма, 2000. С. 100–108.
7. *Ворожейкин Е. М.* Семейные правоотношения в СССР. М.: Юрид. лит., 1972. С. 127.
8. *Дргонец Я., Холлендер П.* Современная медицина и право. М.: Юрид. лит., 1991. С. 191.
9. См. об этом подробнее: *Кириченко К. А.* Правовой режим репродуктивной тайны // *Вестн. НГУ. Сер.: Право*. 2007. Т. 3, Вып. 1. С. 97–103.
10. См. *Силуянова И. В.* Биоэтика в России: Ценности и законы. М.: Грантъ, 2001. С. 97.

СВОБОДА СОВЕСТИ В ХАКАСИИ: СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Л. Р. Рафиева

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан)

Принятый в России в сентябре 1997 г. закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» открыто нарушает права и свободы человека, а также игнорирует взятые на себя Российским государством международные обязательства. Теоретически Россия признает и гарантирует права и свободы человека и гражданина в соответствии с общепризнанными нормами и принципами международного права, которые являются составной частью ее правовой системы. Конституция РФ признает приоритет международного права над внутренним. (1) Это означает, что ни один российский закон не должен противоречить Всеобщей декларации прав человека, а также иным международным документам. Согласно п. 5 ст. 11 федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (2) для государственной регистрации местной религиозной организации учредители представляют в соответствующий орган юстиции документ, подтверждающий существование религиозной группы на данной территории на протяжении не менее 15 лет, выданный органом местного самоуправления, или документ, подтверждающий ее вхождение в централизованную религиозную организацию, выданный ее руководящим центром.

Данные положения закона, которые определяют порядок создания религиозных организаций, ставят возможности граждан реализовать свое право на образование религиозной организации (с правом юридического лица) в зависимость от того, какую религию (имеющую 15-летний «стаж» деятельности или нет, представленную централизованной организацией или нет) они исповедуют, что является грубым нарушением ст. 19 и ч. 1 ст. 30 Конституции РФ. Также, они нарушают норму ч. 1 ст. 30 Конституции РФ, в соответствии с которой каждый имеет право на объединение.

После данных теоретических пояснений приведу конкретный пример. 24.02.1998 г. прокурором г. Абакана Республики Хакасия в адрес религиозного объединения «Христианская Церковь Прославление» было внесено представление об устранении нарушений федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в его деятельности. Нарушения закона прокуратура усмотрела в том, что религиозное объединение, зарегистрированное Министерством юстиции Республики Хакасия 09.04.92 г. и действующее на территории республики менее 15 лет, в период с октября по декабрь 1997 г. проводило религиозные собрания в клубе пансионата ветеранов Республики Хакасия с участием проживающих в пансионате лиц, распространяло религиозную литературу, обучало граждан в библейской школе, приглашало иностранных граждан для участия в богослужениях Церкви, систематически проводило религиозные собрания в Усть-Абаканской воспита-

тельной колонии для несовершеннолетних, провело международную конференцию с 14 по 16 ноября 1997г. в г. Абакане с участием граждан Швеции, Украины, Узбекистана и Монголии. Эта деятельность была признана нарушением требований ч. 3 ст. 27 федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», в связи, с чем Церкви было предложено принять меры к устранению отмеченных в предписании нарушений закона.

Указанные нарушения не являются основанием для пессимистических прогнозов. Напротив, я уверена, что в недалеком будущем ряд наиболее дискриминационных положений закона будет признан Конституционным Судом РФ не соответствующим Конституции РФ. Прежде всего, несмотря на сложившуюся неблагоприятную практику в судах общей юрисдикции, религиозные общины имеют возможность бороться против дискриминационного законодательства в различных инстанциях вплоть до Верховного Суда РФ. Если же Верховный суд РФ, руководствуясь политическими интересами, вынесет решение вопреки своим руководящим разъяснениям, возможно рассмотрение дела Конституционным судом РФ, который призван разрешать дела о соответствии Конституции законодательных актов, или же доведение конкретного судебного дела до юрисдикции Европейского суда по правам человека. Тем не менее, очевидно, имеется большая вероятность того, что, по крайней мере, одна из трех судебных инстанций: Верховный суд РФ, Конституционный суд РФ или Европейский суд по правам человека в Страсбурге способна своим решением оказать значительное влияние на соблюдение права на свободу совести в России.

Примечания

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993. // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
2. Федеральный закон от 26 сентября 1997г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. - № 39. – Ст.11.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАКАЗАНИЯ В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ ТУВИНЦЕВ

В. М. Дамдынчап

Тувинский государственный университет (г. Кызыл)

Действенность любой государственно-правовой системы определяется тем, насколько ее нормы соответствуют обычаям и традициям народа. Очень часто официальный закон несовместим с базовыми для традиционной культуры правовыми понятиями «правда», «честь», «справедливость». Необходи-

димостью согласования общегражданских и этнокультурных ценностей предопределен дуализм общественного сознания. В конце XIX в. территория Тувы была частью Китайской империи. С начала XIX в. в монгольских и тувинских землях действовало Уложение Китайской Палаты внешних сношений, специально созданной для управления окраинными кочевыми народами. Китайские власти попытались включить в систему государственного права обычаи и традиции, регулировавшие отношения среди монгольских и тувинских племен.

Таким образом, возникла правовая ситуация, при которой правовое бытие общества определялось одновременно и нормами официального (государственного) писаного права, и нормами так называемого «традиционного», или обычного права. В антропологии права такое положение называется правовым плюрализмом

В докладе рассматриваются характеристика и мировоззренческие основы системы наказаний в обычном праве тувинцев. Хронологические рамки охватывают период конца XIX в. и начала XX в. В основе системы наказаний заложены традиционные представления о справедливости, возмездии и соразмерности. Понятия «справедливость» и «наказание» будучи правовыми категориями, основаны на исторически сложившихся представлениях, отражающих мифопоэтическое восприятие общественных отношений. Поэтому, обращаясь к проблеме самого генезиса обычного права, логично рассмотреть роль мифа в становлении правового сознания тувинцев.

Необходимо раскрыть категории «справедливости» и «наказания» в их историческом развитии, а в широком смысле – понимание добра и зла в традиционной картине мира тувинцев. Это основополагающие институты общественного сознания, определяющие суть правовых отношений в тувинском обществе, как прошлого, так и современного.

В традиционной картине мира тувинцев отражались первобытные анимистические и тотемистические представления, а также шаманские, а позднее и буддийские категории мироздания. В понятиях «справедливости» и «наказания» заложены глубинные представления народа, во многом изменившиеся под влиянием буддизма. «Справедливость – понятие о должном, соответствующее определенным представлениям о сущности человека и его неотъемлемых правах. Это категория морально-правового, также социально-политического сознания. Оно содержит в себе требование соответствия между практической ролью различных индивидов в жизни общества и их социальным положением»[1]. Являясь частью общественного сознания, справедливость воплотила в себе шаманские и буддийские представления.

Отношения тувинского общества и окружающего мира во многом определялись шаманскими воззрениями: «Шаманская философия тувинцев предполагает одушевленность мира в целом, и деревья, горы, вода не составляют исключения... Шаманское мировоззрение тувинцев ориентировано на целостную космическую систему, в которой человек лишь органичная ее часть» [2]. Шаманский миф воссоздает целостность картины мира, постольку и ми-

фопоэтическое сознание ориентирует общество на ту всеобщую гармонию, достижение которой является идеалом любой правовой системы и содержанием любой социальной утопии в историческое время. Исходя из этого, справедливость в традиционном обществе – это восстановление нарушенного порядка.

Таким образом, нормативная и гармонизаторская функция присуща мифу по природе: «Миф и ритуал представляют собой комплекс представлений и мер, направленных на соискание апологии образа жизни общества, - необходимой для положительной самоориентации человека в пространстве и во времени. Этим в свою очередь обусловлен психологический комфорт, а соответственно, и социально-политическая стабильность и действенность права» [3]. Правовое обеспечение осуществлялось не волевыми решениями центральной власти, но путем формирования просоциальных установок, в которых ценности общества, освященные традицией, становятся личной ценностью каждого. Иными словами, нормы права заложены в самом механизме социализации. Социальный аспект мифа и ритуала состоит в программе действий в целях совместного выживания. Эта идея объединяет все фундаментальные работы, затрагивающие социальный аспект религии [4]. «Неписанные законы» предков ограждали от распада не столько общество, сколько космос, в силу их соотношения как части и целого, а так же в силу понимания мироздания как взаимосвязи составляющих его многообразие вещей, существ и явлений. Человек, нарушающий естественный порядок не нуждается в специальных мерах наказания, ибо сам становится жертвой собственного поведения. Это особо подчеркивали шаманские мифы, определяющие первые этические нормы [5, 6].

Литература

1. Ю.И. Семенов. Обычное право в доклассовом обществе: возникновение, сущность и эволюция./ Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы) /Под редакцией Ю.И. Семенова. – Москва: Старый сад, 1997. – С. 13.
2. Хамнар. Шаманы./Отв.ред.Т.Будегечи. – Кызыл, 1993. – С. 5.
3. Банников К.Л. Отношение мифопоэтического и правового сознания в традиционной картине мира// Обычное право и правовой плюрализм (Материалы XI Международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму) / Отв.ред. Н.И.Новикова, В.А.Тишков. – М., 1999. – С.244.
4. Фрезер Дж. Золотая ветвь. – М., 1970. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. – М., 1994. – С.356-368. Юнг К. Проблемы души нашего времени. – М., 1995. – С. 68.
5. Кенин-Лопсан М.Б.-Х. Магия тувинских шаманов. Кызыл, 1993.
6. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир./Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. – Новосибирск: Наука. Сиб.отд-ние, 1988.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Материалы V региональной научной конференции молодых ученых Сибири
в области гуманитарных и социальных наук

Тексты докладов печатаются
в авторской редакции

Подписано в печать 06.11.2007 г.
Формат 60х84 1/16. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 16.5. Уч.-изд. л. 15.3. Тираж 100 экз.

Заказ № 492
Редакционно-издательский центр НГУ.
630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2.